

Академия наук Республики Татарстан
Институт истории им.Ш.Марджани

Шеф-редактор — Рафаэль Хакимов

Редактор — Евгений Казаков

Редакционная коллегия:

Леонид Арсланов

(Елабужский педагогический институт, Россия)

Римма Голдина

(Удмуртский государственный университет, Россия)

Поль Грандволь

(Межуниверситетский центр венгерских исследований, Франция)

Маргарита Иванова

(Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН)

Христиан Карпелан

(Хельсинкский государственный университет, Финляндия)

Сергей Кузьминых

(Институт археологии РАН)

Аин Мяэсалу

(Тартуский университет, г.Тарту, Эстония)

Николай Мокшин

(НИИ языка, литературы, истории и экономики при СМ Мордовии)

Татьяна Никитина

(Марийский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории им.В.Н.Васильева)

Роман Ковалев

(Миннесотский университет, США)

Элеонора Савельева

(Институт языка, литературы и истории Коми филиала РАН)

Ксенофонт Сануков

(Марийский государственный университет, Россия)

Петр Старостин

(Институт истории АН РТ)

Иштван Фодор

(Венгерский национальный музей, Венгрия)

✉ Адрес: 420014, г. Казань, Кремль, подъезд 5.

Институт истории АН РТ. Редакция ж.“ПАНОРАМА-ФОРУМ”.

☎ Телефон/факс: (843) 292-91-99; 292-18-09. ☐ E-mail: history@tataroved.ru

Дизайн обложки – Миляуша Хасанова. Оригинал-макет – Лия Зигангареева.

“Finno-Ugrica” издается в качестве приложения к журналу “ПАНОРАМА-ФОРУМ”,
зарегистрированному Министерством информации и печати Республики Татарстан (№440).

Отпечатано в множительном центре Института истории АН РТ. Тел. (843) 292-95-68.

Тираж 500 экз. Объем 12,0 п.л. Цена свободная.

Мнения авторов статей могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Содержание

От редакции	3
К юбилею Р.С.Хакимова – основателя журнала «Finno-Ugrica»	6
Список статей, опубликованных в журнале «Finno-Ugrica»	7
Сергей Боталов, Вадим Мосин. Урало-Сибирская лесостепь в древности и средневековье (к осмыслению праутро-самодийского единства)	10
Татьяна Ютина. Исследования Дербёшкинского могильника в Актанышском районе Республики Татарстан	73
Оксана Игнатьева. Термин «Пермский звериный стиль» в историографическом аспекте	99
Константин Руденко. Об атрибуции некоторых бронзовых украшений из Билярского городища	112
Таисия Останина. Клад ювелира из д. Кузебаево Удмуртской Республики	125
Надежда Шутова, Людмила Сенникова. Археологические памятники и культурный ландшафт Вятского бассейна в эпоху средневековья	128
Маргарита Гришкина. Экологическое сознание и поведение удмуртов	143
Николай Решетников. Исследования Дербёшкинского поселения и могильника в устье реки Белой	155

Критика и библиография

Геннадий Гарустович. Рецензия на книгу Е.П.Казакова «Волжские болгары, угры и финны в IX-XIV вв.». Казань, 2007.	165
Маргарита Иванова, Надежда Шутова. Рецензия на постоянную экспозицию «Древняя и средневековая история края» Национального музея Удмуртской Республики им. Кузебая Герда	173

Хроника

Маргарита Иванова. Исследования средневековых памятников в бассейне р. Чепцы (обзор публикаций 2001–2005 гг.)	176
Маргарита Иванова. Куликов Кузьма Иванович (к 70-летию со дня рождения)	184
Список сокращений	191
Сведения об авторах	192

От редакции

Данный предлагаемый читателю номер журнала «Finno-Ugrica» является **десятым**, юбилейным. Первый номер журнала вышел в 1997 г. Издание было организовано по инициативе директора Института истории им. Ш.Марджани АН РТ Р.С.Хакимова. За эти годы опубликовано более 60 статей авторов из России, Украины, Венгрии, США. Издание сразу же заполнило существовавшую в исторической науке нишу, связанную с вопросами контактов угорского, финноязычного и тюркоязычного мира в эпоху средневековья в Урало-Поволжье. Хотя в журнале публикуются статьи на разнообразные темы, основная часть их посвящена освещению проблем взаимодействия народов Поволжья и Большого Урала в болгарское и предболгарское время.

Данный номер открывается кратким очерком о жизни и деятельности основателя журнала «Finno-Ugrica» Р.С.Хакимова. В 2007 г. ему исполнилось 60 лет. Являясь советником президента РТ М.Ш.Шаймиева, Рафаэль Сибгатович много способствовал тем достижениям, которые присущи современному Татарстану в политике, экономике, науке.

В большой статье С.Г.Боталова и В.С.Мосина представлен взгляд авторов на исторические процессы, происходившие на широкой территории Урало-Сибирской лесостепи в глубокой древности и средневековье. Привлекая обширный иллюстративный материал, исследователи старались осветить динамику существования угорских и тюрksких культур, их взаимодействия, в том числе и в период миграции носителей ряда из них к западу от Урала в средние века.

Конечно, попытка представить картину сложных этнокультурных и политических процессов, происходивших на этой огромной территории, да еще в течение более двух тысячелетий, требует опоры не только на археологические материалы, но и применять иную методику. Так, авторы, стремясь к завершенности выводов, с необходимостью вынуждены использовать формально-логические построения, т.к. данная территория в целом исследована еще слабо, и не все материалы опубликованы. В целом статья, несомненно, заслуживает высокой оценки и читатель, особенно европейский, найдет в ней много нового и даже неожиданного.

Несомненный интерес читателя привлекут статьи Т.К.Ютиной и Н.Л.Решетникова, посвященные Дербёшкинскому могильнику чиаликской культуры. Они входят в круг целенаправленных в «Finno-Ugrica» публикаций, освещающих взаимоотношения волжских болгар с уграми Приуралья и тюркизации последних. Дербешкинский могильник вместе с Такталачукским, Азметьевским некрополями оставлен, видимо, тюркизируемыми в XIII-XIV вв. угорскими представителями племени эней низовий р. Белой. Такой же могильник (II Тураевский) известен на правом берегу р. Кама.

В данных статьях представлен, в основном, фактический материал (авторы планируют свои обобщения предложить в последующий 11-й номер журнала «Finno-Ugrica»). Но он иллюстрирует редкую возможность для этого времени и

этого региона связать археологические и письменные сведения в одну историческую цепь.

В публикации О.В.Игнатьевой освещается история рассмотрения и оценки средневековых культовых поделок, в основном бронзовых, из Прикамья. В литературе эта своеобразная и по-своему уникальная группа, насчитывающая в настоящее время тысячи предметов, получила определение как «permский звериный стиль». Едва ли стоит сомневаться, что он связан с культовой практикой приуральских угров.

Статья К.А.Руденко посвящена характеристике группы бронзовых кресал и подвесок из Национального музея РТ, хранящихся в Билярской коллекции. Автор описывает технику изготовления предметов, сюжетные особенности и определенно отмечает их связь с Прикамьем (скорее всего, с угорским кругом древностей).

К выдающимся археологическим особенностям начала XXI в. следует отнести открытие клада у д. Кузебаево в Алнашском районе Удмуртской республики. Он представляет собой уникальную коллекцию орудий труда и изделий ювелира VII в.н.э. Т.И.Останина, предоставившая краткое описание клада, справедливо отмечает, что подобного набора предметов с такой техникой и технологией ювелирного производства в археологических коллекциях России и Европы нет. Аналогии многим изделиям она указывает в Византии, Согде, Хорезме V-VII вв. Автор полагает, что клад относится к третьей четверти VII в., хотя в нем имеются вещи и более раннего времени.

Судя по материалу, данный комплекс по многим компонентам находит параллели в турбаслинских древностях на территории г. Уфы. Здесь в эпоху тюркских каганатов в «великой петле» рек Белой и Уфы находился один из политических центров турбаслинско-именьковской (позднесарматской?) общности, представленный «княжескими» погребениями с изделиями из драгоценных металлов, имеющими аналогии в южных цивилизациях; II Уфимским городищем и т.д. Здесь мог находиться и один из центров высокоразвитого ремесленного производства. В VII в. в связи с какими-то событиями во II Тюркском каганате угорские кочевники, представленные кушнаренковскими памятниками манякского этапа, захватывают турбаслинско-именьковскую территорию. Можно предположить, что один ювелир, или группа их, опасаясь врагов, уходят далеко на север, за р. Каму. Но и здесь они вынуждены в экстремальных условиях прятать свое богатство.

В совместной работе Н.И.Шутовой и Л.А.Сенниковой рассматриваются локализация археологических памятников и культурный ландшафт Вятского бассейна в эпоху средневековья. В ней дается и описание памятников природы, специфические черты которых привлекали внимание людей в древности и современности. Даже в наше время они используются в культовой практике местного населения.

М.В.Гришкина рассматривает поведенческий комплекс удмуртов по отношению к природе. Она отмечает, что удмурты, как и другие финноязычные народы, остро чувствовали свою сопричастность с окружающим ландшафтом, наделяя его божественными проявлениями. С обострением экологических проблем в

связи с ростом населения с XIX в. принимаются конкретные меры по защите природы на основе общественного права.

В разделе «Критика и библиография» публикуется рецензия Г.Н.Гарустовича на монографию Е.П.Казакова «Волжские болгары, угры и финны в IX-XIV вв.: проблемы взаимодействия». Он отмечает, что книга выполнена на основе большого фактического материала, что обуславливает достоверность выводов, определенную итоговость их. Отмечается актуальность труда, освещавшего сложные этнокультурные процессы на таком обширном пространстве как Волго-Уральский регион.

Рецензент указывает и спорные моменты в работе Е.П.Казакова: о локализации мадьяр, о причинах переселения приуральских угров на Среднюю Волгу, о том, что неверно называть карайкуповские памятники кушнаренковскими. Последнее определяется в том числе и тем, что до сих пор нет обобщающей работы о времени, территории, специфике карайкуповских памятников, хотя В.А.Иванов и ряд других исследователей постоянно используют термин «карайкуповская культура» даже по отношению к древностям хусаиновско-большетиганского круга, в которых можно видеть культуру новых кушнаренковских племен, мигрировавших к западу от Урала в IX в.

В целом Г.Н.Гарустович на высоком профессиональном уровне дал оценку монографии. Даже отмеченные в рецензии спорные и дискуссионные моменты труда подчеркивают необходимость и перспективность дальнейшей работы в этом направлении.

В рецензии М.Н.Ивановой и Н.И.Шутовой на постоянную экспозицию по древней истории в Национальном музее Удмуртии отмечен высокий профессиональный уровень экспозиции археологических материалов (авторы Т.И.Останина и др.). Они отражают картину жизни населения края от его заселения в период мезолита до позднего средневековья. Разработчикам этой экспозиции присуждена Государственная премия Удмуртской республики.

В разделе «Хроника» помещена работа М.Г.Ивановой. В ней представлен обзор публикаций 2001-2005 гг. по материалам археологических памятников бассейна р. Чепца. Этим продолжатся историографические очерки по пятилетним циклам по изданиям материалов финно-угорской археологии в различных районах Урало-Поволжья (см. FU за 2001-2002 гг.).

В этом же разделе публикуется очерк М.Г.Ивановой, посвященный 70-летию Кузьмы Ивановича Куликова, директора Удмуртского института истории, языка и литературы УрОРАН, известного ученого и координатора науки, много сделавшего, чтобы возглавляемая им организация стала крупным академическим центром в России и за рубежом в области финно-угроведения. Любовь к своему народу, патриотизм, динамизм характера обусловили то, что юбиляр помимо научной работы, охватывающей темы от древности до современности, отдавал много сил для широкого круга практической деятельности от создания музея-заповедника «Иднакар» до разработки образцов прикладного искусства.

К юбилею Р.С.Хакимова – основателя журнала «Finno-Ugrica»

Основатель журнала Хакимов Рафаэль Сибгатович родился 12 февраля 1947 года в г. Казани в семье народного поэта Татарстана Сибгата Хакима. Таким образом, юбилей журнала совпал с 60-летием его основателя, которого редакция сердечно поздравляет. В 1970 г. Р.С.Хакимов окончил физический факультет КГУ. Он кандидат философских наук. Преподавал в Казанском университете и Казанском институте культуры. Проходил стажировку в Московском университете по кафедре философии. В 1989-1991 гг. работал в Обкоме КПСС. С 1991 г. Р.С.Хакимов – государственный советник по политическим вопросам при Президенте Республики Татарстан. В 1996 г. избран директором Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан. Участвовал в разработке Декларации о государственном суверенитете РТ, проекта Конституции РТ. С 1991 по 1994 гг. входил в состав официальной делегации РТ на переговорах с РФ по выработке и подписанию Договора. С 1991 по 1993 годы был экспертом Совета глав республик при Президенте РФ. В 1993 г. участвовал в качестве делегата от РТ на Конституционном совещании по подготовке проекта Конституции РФ. В 1996 г. выполнял специальную посредническую миссию в Чечне. В 1996 г. был членом Государственной комиссии РФ по урегулированию конфликта в Чечне. В 1999 г. избран депутатом Государственной думы РФ, но сложил свои полномочия.

Р.С.Хакимов является членом Президиума политического движения «Татарстан – новый век»; членом исполкома общероссийского движения «Вся Россия»; членом исполкома Всемирного Конгресса татар; шеф-редактором журнала «ПАНОРАМА-ФОРУМ», в составе которого журнал «Finno-Ugrica»; вице-президентом татарского ПЕН-клуба; Президентом федерации парусного спорта РТ. С 1995 по 1997 гг. выполнял функцию организатора с российской стороны Программы «Гаагская инициатива» по урегулированию конфликтов постсоветского пространства. В настоящее время является директором научных программ Казанского института федерализма.

Рафаэль Сибгатович внес большой научно-организационный вклад в обоснование 1000-летия Казани и Елабуги; он является инициатором, редактором и одним из авторов семитомного академического издания «История татар», «Историко-этнографического Атласа» и других фундаментальных научных трудов. Он руководит творческими коллективами, занимающимися изучением духовного и материального наследия народов Татарстана, истории татарского Ислама.

Рафаэль Сибгатович основательно знаком с основными этапами евразийской истории. Многие моменты ее он емко оценивает с точки зрения современного политика. Приведем лишь один пример: «Нравится это нам или нет, но именно Золотая Орда была общей исторической Родиной татар, русских и многих других народов» (Рафаэль Хаким. Метаморфозы духа. Казань, 2005).

Список статей, опубликованных в журнале «Finno-Ugrica»

1997. № 1

Марков В. Волго-Камье и финский мир в начале эпохи раннего железа – с.3-24; *Старостин П.Н.* Об этнокультурной ситуации в Нижнем Прикамье в первой половине I тыс. н.э. – с.25-32; *Казаков Е.* Волжская Булгария и финно-угорский мир – с.33-53; *Иванова М.* Удмурты в эпоху средневековья: расселение и некоторые аспекты социально-экономических отношений – с.54-68; Семинар-совещание «Марийская культура: состояние и перспективы»: *Крайнов Г.Н.* Этапы и особенности марийского национального движения – с.69-73; *Яналов В.Г.* Марийско-татарские культурные связи – с.74-75; *Егорова О.К.* Марийское возрождение и судьбы национальной интеллигенции – с.75-76; *Маклыгин А.Л.* Казань и марийская музыкальная культура – с.76-77; *Казаков Е.П.* Этапы этнокультурного взаимодействия населения Татарстана и Марий Эл – с.78-79; *Лисицын Г.И.* Задачи Марийского культурного центра по развитию марийской культуры в Республике Татарстан – с.80.

1998. № 1 (2)

Аксенов В. Новые находки коньковых подвесок в салтовских захоронениях на Харьковщине – с.3-12; *Эрдели И.* Волжские болгары и венгры – с. 13-14; *Руденко К.А.* К вопросу о взаимодействии булгар с поволжскими и прикамскими финнами в XII-XIV вв. (по материалам селищ) с.15-29; *Кызласов Л.* Сохраняются ли малочисленные народы финно-угорской языковой семьи в XXI в.? (заметки о языке) – с.30-34; *Шумилов Е.* Восточные финны и мировые религии – с.35-37; *Сануков К.* Финно-угорские народы России: проблемы историографии – с.38-66; *Куклин А.* Тайны происхождения марийского слова чодыра «лес» (-ая, -ое). О чем могут поведать гипотезы ученых – с.67-75; *Старостин П.Н.* Рец.: Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III-V вв. н.э. Ижевск, 1997 – с.76-78; *Сабгирова Н.* Смотры народного творчества финно-угров Татарстана – с.79-82.

1999. № 1 (3)

Поляков Ю. Керамика гляденевской культуры – с.4-10; *Малышева О.* Женский костюм населения Среднего Поволжья в эпоху Великого переселения народов – с.11-23; *Супруненко А., Кулатова А., Приймак В.* Венгерское погребение с юга Полтавщины – с.24-28; *Беговатов Е.* Абу Райхан ал-Бируни о Волжской Булгарии, стране ису и йура – с.29-37; *Арсланов Л.* Гидронимия Тукаевского района Республики Татарстан – с.38-46; *Исламов Ф., Баширова Н.* Татарско-

марийские культурные и педагогические связи – с.47-69; *Петренко А.* Костные остатки животных в погребальном обряде финно-угорских могильников I тыс. н.э. в Прикамье как этнографический признак – с.70-78; *Старостин П.* Халиков А.Х. и его роль в финноугроведении – с.79-83; *Рыбалка В.* Гобор Берецки (к 70-летию со дня рождения) – с.84-86; *Куликов К.* Иван Васильевич Тараканов – человек и ученый – с.87-94.

2000. №1 (4)

Зимоньи И. Венгры в Волжско-Камском бассейне? – с.5-41; *Комар А.* Горизонт Столбище – Старокорсунская и некоторые проблемы возникновения салтовской культуры – с.42-66; *Шенников А.* О чувалах в жилых постройках народов Среднего Поволжья – с.67-78; *Нунен Т., Ковалев Р.* Два новых журнала в Казани. Татарская археология. *Finno-Ugrica* – с.79-82; *Юрченков В.* Письмо в редакцию – с.83-85; *Хакимов Р., Гафуров И.* Научно-практический семинар «Древняя Алабуга: возникновение и развитие» – с.86-87; Девятый международный конгресс финноугроведов (г.Тарту, Эстония) – с.88; Научные совещания и конференции 2000 года в Урало-Поволжье – с.89; Защита диссертаций по археологии – с.90; *Иванова М., Шутова Н.* Памяти Владимира Алексеевича Семенова – с.91-95.

2001-2002. № 1 (5-6)

Челяпов В., Буланкин В., Губайдуллин А. К вопросу о фортификации городищ городецкого времени Среднего Поочья – с.4-14; *Останина Т.* Кирбинское городище на р. Меше – с.15-43; *Винничек В.* Археологические исследования в районе Усть-Узинского могильника – с.44-55; *Пастушенко И.* Еще раз о локализации Вису – с.56-64; *Куликов К.* Символ коня в древнеудмуртском мифологическом искусстве – с.65-75; *Рогачев В.* Тюркские заимствования в мордовском свадебном обряде – с.76-78; *Харамзин Т.* Природно-ресурсный потенциал Ханты-Мансийского автономного округа – с.79-84; *Войтович В.* Правовое положение Удмуртской АССР по конституционному законодательству 1977-1978 годов – с.85-105; *Гатин М.* Финно-угристика в университетах Германии – с.106-108; *Казаков Е.* Рец.: Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Монография Т.Б.Никитиной. Йошкара-Ола: МарНИИ, 2002. 432 с. с илл. – с.109-113; *Казаков Е.* Финно-угорская археология Урало-Поволжья 1995-2000 гг. (публикации по раннему железному веку и средневековью) – с.114-122.

2003-2004. № 1 (7-8)

Чижевский А. Еще раз об ананьинских (постмаклашеевских) стелах. Вопросы планиграфии и хронологии – с.5-16; *Иванов В.* О роли прикамских племен в формировании раннебулгарского и древнемадьярского этносов – с.17-26; *Руденко К.* Защитные пластины Предуралья и Зауралья – с.27-35; *Пастушенко И.* К вопросу о чилякских «погребальных масках» – с.36-42; *Вискалин А., Уланов Г.* Нахodka женских украшений угротов IX века в Ульяновском Поволжье – с.43-47; *Юнина Е.* Социальный и сакральный статус женщины в традиционной культуре обско-угорских и самодийских народов – с.48-57; *Атаманов М.* Из истории формирования

ния этнолингвистических групп удмуртов. Арская группа – с.58-67; *Арсланов Л.* Финно-угорские элементы в топонимии Альметьевского района Республики Татарстан – с.68-70; *Иванова Р., Казаков Е., Шаландина В.* Характеристика стратиграфических слоев приусьевого Закамья с использованием археологических и биологических методов – с.71-73; *Останина Т.* Рецензия на книгу «История Удмуртии (конец XV – начало XX века)». Ижевск, 2002 г. – с.74-76; *Астайкин А.* Критический разбор карты «Войны Киевской Руси в 9 – нач. 12 вв.» // Атлас офицера. М., 1984. С.260 – с.77-111.

2005-2006. № 9

Волков С., Пастушенко И. Исследования Усть-Иргинского могильника неволинской культуры – с.5-39; *Пастушенко И.* Кишертский могильник в бассейне реки Сылвы – с.40-70; Приложение к статье: *Перевощиков С., Волкова З.* Результаты металлографического анализа железных предметов из Кишертских могильника и I поселения в бассейне реки Сылвы – с.71-80; *Дъёни Г.* Восточные венгры, западные венгры (к проблеме «Югрия») – с.81-90; *Руденко К.* К вопросу о булгарском серебре Закамья и Зауралья – с.91-113; *Никитина Т.* К вопросу о культурной принадлежности «славяноидной» керамики Мариийско-Чувашского Поволжья – с.114-130; *Макаров Л.* Связи Вятской земли в XII-XV вв. по археологическим материалам – с.131-149; *Мельникова О.* Рецензия на книгу «Археология и компьютерные технологии: представление и анализ археологических материалов». Ижевск, 2005 – с.150-155; *Лецинская Н.* Археология в Удмуртском государственном университете (по публикациям 2000-2005 гг.) – с.156-164; *Кузьминых С., Чижевский А.* Памяти Владимира Николаевича Маркова – с.165-170.

2007. № 10

Боталов С., Мосин В. Урало-Сибирская лесостепь в древности и средневековье (к осмыслинию праутро-самодийского единства) – с.10-72; *Ютина Т.* Исследования Дербёшкинского могильника в Актанышском районе Республики Татарстан – с.73-98; *Игнатьева О.* Термин «Пермский звериный стиль» в историографическом аспекте – с.99-111; *Руденко К.* Об атрибуции некоторых бронзовых украшений из Билярского городища – с.112-124; *Останина Т.* Клад ювелира из д. Кузебаево Удмуртской Республики – с.125-127; *Шутова Н., Сеникова Л.* Археологические памятники и культурный ландшафт Вятского бассейна в эпоху средневековья – с.128-142; *Гришикина М.* Экологическое сознание и поведение удмуртов – с.143-154; *Решетников Н.* Исследования Дербёшкинского поселения и могильника в устье реки Белой – с.155-164; *Гарустович Г.* Рецензия на книгу Е.П.Казакова «Волжские болгары, угуры и финны в IX-XIV вв.». Казань, 2007. – с.165-172; *Иванова М., Шутова Н.* Рецензия на постоянную экспозицию «Древняя и средневековая история края» Национального музея Удмуртской Республики им. Кузебая Герда – с.173-175; *Иванова М.* Исследования средневековых памятников в бассейне р. Чепцы (обзор публикаций 2001–2005 гг.) – с.176-183; *Иванова М.* Куликов Кузьма Иванович (к 70-летию со дня рождения) – с.184-190.

Сергей Боталов, Вадим Мосин

Урало-Сибирская лесостепь в древности и средневековые (к осмыслинию праугро-самодийского единства)*

Пытаясь понять историю населения того или иного региона в древности, особенно, если в распоряжении исследователя только археологические данные, необходимо учитывать и следующие взаимосвязанные составляющие исторических процессов: вмещающий ландшафт, как «месторазвития» населения, уровень развития хозяйственного комплекса и социальное устройство как систему возможностей и способов адаптации в данной природной среде. Синтез этих факторов дает возможность исследователю моделировать историческую ситуацию.

Вмещающий ландшафт западносибирской лесостепи имеет свои особенности. Это полоса, шириной в 200–300 км, на западе и востоке ограниченная предгорьями Урала и Алтая – Кузнецкого Алатау, на севере переходящая в подтаежную зону, на юге – в степную. Основная часть территории представляет собой континентальную столообразную равнину с гравами-возвышенностями, березовыми колками и реликтовыми сосновыми борами. Основные реки Западной Сибири: Тобол, Ишим, Иртыш и Обь пересекают лесостепь с юга на север, соединяя все природные зоны. Такая природная структура позволяла населению лесостепи во все времена, во всяком случае, с начала голоцене, использовать различные экологические ниши в процессе хозяйственного освоения территории. Другой составляющей этого процесса была непосредственная связь с населением вмещающих ландшафтов тайги, степи и предгорий.

Свообразие вмещающего ландшафта лесостепи создавало предпосылки для возникновения общих черт в хозяйственном комплексе, социальном устройстве и, как следствие, этнокультурной однородности населения.

Впервые единство материальной культуры населения современной лесостепи фиксируется в верхнем палеолите. Вмещающий ландшафт того времени для этой территории реконструируется как преимущественно открытый тундростепной. Палеоэкологические условия были достаточно благоприятны для увеличения численности популяций мамонтовой фауны. На хронологическом отрезке в 27–25 – 18–16 тыс. л.н. вырабатываются очень сходные в различных памятниках технокомплексы, основанные на использовании микроинвентаря [Зенин, 2002, с. 22–44]. Сезонные миграции стад животных обуславливали подвижность охотничьих коллективов в пределах перигляциональных ландшафтов. Такая социально-адаптационная система сохраняется до рубежа плейстоцена и голоцене. Материалов раннеголоценового возраста, которые обычно связывают с мезолитическим этапом, на сегодняшний день пока недостаточно, чтобы моделировать хозяйствственный комплекс и этнокультурный облик общества.

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 07-01-85107 а/у.

В среднем голоцене, с периода неолита в западносибирской лесостепи начинает формироваться охотниче-рыболовческая социально-адаптационная система, которая являлась частью Урало-Сибирской историко-этнографической области. С этого времени устанавливаются близкие современным палеоландшафты, границы которых изменились незначительно. Стабилизируются основные хозяйствственные комплексы для различных вмещающих ландшафтов: уральского, западносибирского таежного, западносибирского лесостепного, северо-казахстанского южнолесостепного – степного. Присваивающая форма экономики основывалась на сочетании охоты, рыболовства и собирательства в различных процентных соотношениях в зависимости от природного окружения и состава промысловых животных в конкретном вмещающем ландшафте.

Рассмотрим основы формирования Урало-Сибирской историко-этнографической области. Первичным социумом, моделируемым для общества охотников-рыболовов по этнографическим и историко-социологическим исследованиям, являлась община-коллектив людей, объединяющихся с целью хозяйственного освоения определенной части вмещающего ландшафта и направленного на воспроизводство как жизнедеятельности, так и, собственно, человеческого коллектива. Община может состоять из семей и отдельных, не обязательно родственных членов коллектива, делиться в хозяйственном комплексе на хозяйственные и целевые группы. Община имеет свою осваиваемую территорию, соседствующую с хозяйственными территориями других общин [Кабо, 1986; История первобытного общества, 1986; Гиренко, 1991].

При, безусловно, существовавшей в таком обществе экзогамии, члены одной общины вступают в брачно-семейные связи с членами расположенных по соседству общин. Чем продолжительнее время проживания общины на конкретной территории, тем родственнее становятся соседние общины и, соответственно, тем дальше простирается вектор выбора брачного партнера, образуется паутинка кровно-родственных связей, охватывающая всю хозяйственно осваиваемую территорию. Образуется сообщинность – совокупность общин, как основных первичных социумов, осуществлявших свою жизнедеятельность в определенном вмещающем ландшафте и связанных между собой системой брачно-семейных связей в рамках нескольких родовых структур. На территориях, пограничных между сообщинностями брачно-семейные связи образуются уже не только в рамках сообщинностей, но и между представителями разных сообщинностей, что в конечном результате размывает границы между человеческими коллективами, объединенными в сообщинности.

Помимо общинной структуры, основанной на производственных и брачно-семейных связях, в изучаемых нами обществах существовала и надхозяйственная структура – родовая. Род – это экзогамная группа людей, объединяемых кровно-родственными, социально институциализированными связями.

Поскольку родовая структура, безусловно, экзогамна, то община, как стабильное объединение семей неизбежно состоит из представителей, по крайней мере, двух родов. В любой семье муж и жена принадлежат к разным родам, ведут

свое происхождение от разных предков, поскольку не могут являться кровными родственниками. Если основной сферой деятельности общины являлась хозяйственная, то основной сферой внимания рода была духовная, традиционная. Помимо своей основной функции – контроля за сохранением экзогамии, родовая организация осуществляла связь между поколениями в преемственности традиций, мифологии, обрядов и т.п.

Во все времена женщина была связана с домашним хозяйством и, по этнографическим данным, в обществах с присваивающим хозяйством при отсутствии гончарного круга, изготовление керамической посуды было преимущественно женским занятием. Одним из разнообразных проявлений мировоззрения или мифологии древнего населения были орнаментальные сюжеты на керамике. Логично предположить, что при орнаментации керамики в композицию закладывалась часть родовых традиций и представлений. Но в течение жизни женщина практически меняла свою родовую принадлежность и, если до замужества она орнаментировала посуду согласно с традициями отцовского рода, то после замужества – по традициям рода мужа. Существуют различные варианты браков, но у народов Урала и Сибири традиционным можно считать вирилокальный брак, при котором жена переходит в семью (общину, род) мужа. В таком случае, женщина после замужестваносит в общину мужа часть отцовских родовых традиций, что отражалось и в конкретных вещах, и в умениях и навыках деятельности.

На этом этапе при изготовлении посуды она неизбежно руководствуется этиими принципами, что в археологических источниках отражается как присутствие в одном жилище сосудов двух различных систем орнаментации, например, гребенчатой и отступающе-накольчатой. Воспитываясь в отцовском роде с традицией накольчатой орнаментацией, по прошествии времени, становясь хранительницей родовых традиций мужа, она орнаментирует керамику уже не отступающими наколами, а гребенкой. Со сменой поколений ориентация брачно-семейных связей может изменяться, и, соответственно, будет меняться состав керамической посуды как в рамках одной семьи, так и в рамках коллективов более высокого уровня. Все будет зависеть от конкретной географической ситуации, хозяйственной принадлежности памятника, оставлен ли он одной семьей, общиной целиком или хозяйственной группой и т.д.

Со существование нескольких родовых традиций в рамках одной общины мы фиксируем находками керамики с различными системами орнаментации, так называемыми «типами керамики» в одном жилище, на одной стоянке, в жилищах одного поселения, в зависимости от размеров общины. Мозаика сочетаний стоянок как мест жизнедеятельности общин, сочетающих разные родовые традиции, отраженные в типах керамики и будет отражением жизни единого общества – сообщинности.

Урало-Сибирскую историко-этнографическую область в неолите-энолите, на сегодняшний день понимаемую как праугро-самодийскую, можно представ-

вить как систему, связанных между собой на пограничных территориях сообщинностей, занимавших свои вмещающие ландшафты: центрально-уральской, западносибирской лесной, западносибирской лесостепной, северо-казахстанской южно-лесостепной – степной. Наиболее четко, по имеющимся археологическим материалам, эта система выявляется в конце каменного века – в IV–III тыс. до н.э. (рис. 1). Сообщинность Западно-Сибирской лесостепи представлена памятниками Притоболья, Приишими, Прииртышья и Новосибирского Приобья, облик керамических комплексов как бы «перетекающих» один в другой (рис. 2, I–IV), связан с существованием нескольких общих родовых традиций: гребенчатой, гребенчато-ямочной, накольчатой (отступающе-накольчатой).

В общепринятой археологической классификации памятники этих территорий объединены в целый ряд археологических культур. В Курганском Притоболье керамические коллекции поселения Кочегарово 1, Коршуново 1, Вавилон 1, а также святилища Савин 1 и Слободчики 1 авторы относят к нескольким культурным типам: кызыкульско-суртандинским, аятским, липчинским, сосновоостровским, шапкульским, андреевским [Вохменцев, 2000, с. 10–16; Потемкина, 2001, с. 218–220]. Такая эклектичность становится понятной, если учитывать, что эти памятники расположены на территориях, связующих ареалы жизнедеятельности различных сообщинностей: с запада – центрально-уральской (кызыкульско-суртандинская, аятская, липчинская, сосновоостровская археологические культуры по археологической классификации), с юга – северо-казахстанской (ботайская и терсекская археологические культуры). Среди керамики на рисунке 2–I можно с полной определенностью говорить, что сосуды 1, 2, 4, 10, 11 относятся к традициям центрально-уральской сообщинности (рис. 3–I), 8, 9 – к лесостепной западносибирской, 5, 6, 7 – или к северо-казахстанской (рис. 3–II) или тоже к западно-сибирской лесостепной, 3 – к более северной части Притоболья. Таким же образом можно проанализировать и остальные комплексы. Суть явления определена тем, в какую сторону направлены брачно-семейные связи конкретной общины, оставившей конкретный археологический памятник (жилище, стоянку, поселение). Для западносибирской лесостепной сообщинности эти связи разнонаправленные, поэтому отдельные памятники, оставленные одним и тем же населением, относят к разным археологическим культурам, что создает путаницу, поскольку археологическая культура – понятие классификационное и не связано с конкретным обществом прошлого.

Керамические комплексы Приишими таких памятников как Кокуй I (жилище 2), Ир II (комплекс III), Серебрянка 1 (комплексы III–V) [Генинг, Голдина, 1969, с. 30–47, табл. 2–13; Косинская, 1984, с. 45–55; Панфилов, 1993] представлены сосудами с округлыми и приостренными днищами, с гребенчатыми, гребенчато-ямочными и отступающе-накольчатыми простыми и геометрическими орнаментами (рис. 2–II). Авторы раскопок сопоставляют керамические комплексы с кызыкульско-суртандинскими, екатерининскими, байрыкскими, липчинскими, шапкульскими, ботайско-терсекскими культурными типами [Косинская, 1984, с.

54; Панфилов, 1993, с. 24, 27, 34–37].

В керамических комплексах поселений Прииртышья (Екатериновка I, Венгерово III, Пеньки I–II, Шиловокурьинская) сочетается круглодонная и остродонная посуда (редко – с плоским дном) с гребенчато-ямочным и отступающе-накольчатым орнаментом. Редко, но встречаются насечки, прочерчивание палочкой, сочетание гребенчатого штампа и отступающей палочки (рис. 2–III). Авторы относят прииртышские памятники к различным культурным образованиям – культурам, типам и общностям: екатерининской, байрыкской, новокусковскому этапу, среднеиртышской, или, в целом, к гребенчато-ямочной общности эпохи раннего металла [Косарев, 1981, с. 54–59; 1987, с. 261–267; Молодин, 2001, с. 32–40; Петров, 1987, с. 4–20].

Немногочисленная керамика Новосибирского Приобья поселений Киприно и Ирба представлена сосудами с округлыми, приостренными и плоскими днищами. Большинство орнаментов выполнено гребенчатым штампом, насечками, отступающей палочкой. Реже встречается отступающая гребенка, качалка, прочерчивание (рис. 2–IV). Материалы интерпретируются как кипринские, ирбинские, новокусковские или многокомпонентные [Молодин, 1977; Косарев, 1981; 1987; Кирюшин, 2002].

На стабильность и однородность населения указывают и погребальные комплексы – как отдельные погребения, так и могильники: Сопка 2/2, Бузан 3, Боровянка 17, Чепкуль 21, Ордынское и другие [Молодин, 2001; Матвеев, Зах, Волков, 1997; Хвостов, 2001, с. 134–139; Зах, Скочина, Пархимович, 2005, с. 24–41; Древние погребения Обь-Иртышья, 1991; Полосьмак, Чикишева, Балуева, 1989; Косарев, 1987].

Орнаментальные особенности посуды каждого конкретного памятника нужно рассматривать с точки зрения его территориального расположения, специфики хозяйственного назначения и ближайшего окружения.

Проанализировав рисунки 2 и 3 можно найти целый ряд сходных черт в системах орнаментации, и сквозные типы. Адаптируясь во вмещающем ландшафте население западносибирской лесостепной сообщинности в процессе годовых хозяйственных циклов осваивало общинные территории, заходившие, вероятно, на кромку леса и в южную лесостепь. Это определяло направление взаимосвязей с родственным населением юга таежной зоны, Зауралья и северо-казахстанских степей, следствием чего было перекрецывание родовых традиций, отраженное в орнаментации керамики.

Урало-Сибирская историко-этнографическая область существует стабильно на протяжении неолита-энеолита. Затем, в конце III тыс. до н.э. начинается, так же как и на рубеже плейстоцена-голоцене, период деструкции или как принято называть «переходный период». Отчасти это связано с климатическими изменениями и появлением в степи индоевропейского населения. Первая волна, которая ассоциируется с носителями, так называемых, ямной и афанасьевской археологических культур, не внесла кардинальных изменений в лесостепи, но вызвала

процесс постепенного смешения населения и перехода к производящим формам хозяйства. Решающей в происходивших изменениях стала вторая волна – в начале бронзового века, которая на Урале и в Северном Казахстане связана с индоиранским населением, которое принесло сюда комплексное скотоводство и развитую металлургию бронзы.

Вероятно формирование уральского хозяйственного и этнокультурного единства явилось основной предпосылкой выделения угорского прайзыка из прафинно-угорского лингвистического массива к концу III тыс. до н.э. [Напольских, 1997, с. 60]. С освоением степной и лесостепной зон Южного Урала индоевропейским (индоиранским) населением в конце III – нач. II тыс. лет до н.э., вероятно, начинается деформация этнокультурных черт ранее вышеназванных общностей, что неизменно сказалось на изменении хозяйственного уклада. Население их было вынуждено переселяться на север вглубь лесов, либо было ассимилировано более социально и культурно консолидированным населением, освоившим производящий комплексный хозяйственный уклад. Бессспорно, процесс этот был не прямолинейным и разовым. Этнокультурное микширование, по всей видимости, имело длительный период (150–300 лет) и осуществлялось в виде непосредственного расселения индоиранцев и как результат межродовых брачных связей. Это отразилось в том, что мы по сей день фактически не имеем представления о переходных памятниках от финального энеолита к ранней бронзе. Исходя из этого, вероятнее всего сегодня мы вынуждены принять тот факт, что на самом раннем этапе формирования уральских культур индо-иранского пласта в процессе сложения населения абашевского и синташтинского круга активно (в конце III тыс. до н.э.) участвовало местное палеоугорское население. Археологически эта реконструкция подтверждается тем, что в характеристиках этих культур, при основной индоевропейской составляющей, выраженной в домостроительстве, хозяйстве и погребальном обряде, ярко проявляются и праугорские орнаментальные традиции в керамике, сочетание в керамическом комплексе посуды с простыми, геометрическими и гребенчатыми видами орнаментации. На следующем этапе, в период средней бронзы, процесс микширования, как нам представляется, вступает в завершающую стадию. К XVII–XVI вв. до н.э. в Южном Зауралье складывается два сообщества, которые составили в последующий период (XVII до XII–XI вв. до н.э.) особые группы памятников.

В степи: петровские, алакульские – срубно-алакульские – амангельдинско-бишкульские, саргаринско-алексеевские.

В лесостепи: федоровские, черкаскульские, межовские, березовские, бархатовские.

Собственно федоровский, как тип керамики, возникает в самый ранний период и встречается уже в комплексах синташтинско-аркаимского круга (рис. 4, I–II) [Боталов, Григорьев, Зданович, 1996, с. 80, рис. 165], что сегодня подтвердилось данными комплексной радиоуглеродной шкалы, где ранний рубеж федоровской

культуры соотносится с финалом синташтинских комплексов (XVIII в. до н.э.) [Епимахов, Хэнкс, Ренфрю, 2005, с. 100, рис. 3]. Однако, как нам представляется, что непосредственное оформление федоровской культуры, или точнее федоровско-черкаскульского эквивалента некоего ирано-угорского единого сообщества в пределах уральской и западно-сибирской лесостепи, происходит в более поздний период (XVI–XIV вв. до н.э.).

Сегодня трудно однозначно определить, что было причиной большой перегруппировки комплексного населения в середине II тыс. лет Урало-Поволжья и Северного Казахстана. Возможно это могло быть связано с началом длительного этапа ксеротерма и аридизации в данный период [Демкин, Рыков, 1996; 1996а, рис. 3; Демкин, 1997, рис. 9] или с демографическим взрывом, вызванным развитием комплексного производящего хозяйства в степной и лесостепной зонах Средней Евразии. Вероятнее всего имело место и то и другое.

Результатом этих масштабных процессов, происходивших в лесостепной и юге лесной зон, явилось формирование к последним векам II тыс. лет до н.э. культурного андронойдного массива (федоровского в своей основе) или андронойдной культурной общности, которая простиралась от Енисея до Волги (рис. 4, III).

При этом вопросы возникновения и развития федоровской общности остаются открытыми. В наиболее чистом виде ранние памятники этой культуры по небесно-спорному мнению ряда авторов располагаются в степной зоне востока Средней Азии, в Восточном Казахстане, на Алтае и Минусе [Григорьев, 2000, с. 314; Кузьмина, 1994; Максименко, 1978; Черников, 1960]. При этом, не менее аргументированной, с нашей точки зрения, является гипотеза о зауральском происхождении федоровской культуры [Сальников, 1967, с. 340, 358, 363; Косарев, 1981, с. 30, 81; Шорин, 1999, с. 97]. В период поздней бронзы (XIV–XII вв. до н.э.) происходит своеобразное эшелонирование памятников этого круга. Более южное положение в пределах полосы, включающей север степи и юг лесостепной зоны в пределах Южного Урала и Северного Казахстана, как уже указывалось, было занято населением петровско-алакульского, срубно-алакульского культурного облика. Более северное положение имело население федоровско-черкаскульско-межовского типа. При этом очевиден тот факт, что федоровское и алакульское население какой-то период на Урале, юге Западной Сибири и в Казахстане проживало совместно в пределах лесостепной и даже степной полосы, что в результате привело к сложению новых смешанных групп и типов (амангельдинский, бишкульский, кожумбердинский, солынлецкий и др.) [Корочкива, Стефанов, 1983; Генинг, Стефанов, 1993; Корочкива, Стефанов, 1987 с. 6; Корочкива, Стефанов, Стефанова, 1991, с. 78–81; Мартулан и др., 1966; Кузьмина, 1986, с. 191, 192; Усманова, 1987, с. 43–44; 1989, с. 58; Чиндин, 1987; Рудковский, 1989, с. 52; Федорова-Давыдова, 1973, с. 134, 148; Кузьмина, 1986, с. 191, 192; Кривцова-Гракова, 1948, с. 147, 150; Григорьев, 2000, с. 314–315]. Трудно сказать является ли это результатом освоения федоровцами южно-степного пространства или демонстрирует факт их изначального более раннего проживания в этих

районах совместно с племенами алакульского круга? С другой стороны, сегодня явно просматривается тенденция доминирования или абсолютного федоровского развития андроновской культурной традиции на более восточных (Алтай и Минусинск) и северных территориях. Напомним, что собственно наименование андроновская культура получила от эпонима именно федоровского могильника у с. Андроново (Минусинская котловина).

Для памятников северной лесостепи и юга таежной зоны Сибири и Урала также укоренилась традиция говорить о памятниках андроновского круга, андронойдного массива, андронойдной общности, в большей степени как именно о федоровских, либо каких-то производных от них. Таким образом, для наиболее восточных памятников, а также типов северной полосы установилась терминологическая тождественность андроновских – в смысле федоровских памятников. Это весьма важное наблюдение, т.к. оно позволяет взглянуть на единый характер большой историко-этнографической андронойдной (как постфедоровской) общности, сложившейся к периоду поздней бронзы (последняя четверть II тыс. лет до н.э.) в пределах лесостепной и южно-таежной зон Урала и Сибири. Если предположить, что федоровское население со скотоводческим комплексным хозяйством на раннем этапе активно осваивало степные территории, где продолжался процесс синтеза двух основных этнических составляющих на тот момент: иранской и угорской, то в период поздней бронзы (после XIV – XIII вв.) федоровцы-андроновцы большим широтным фронтом сдвигаются в лесостепь и южно-таежную зону. Единовременно происходили два взаимовытекающих процесса – окончательное сложение уже упомянутой общности андронойдных культур (что подразумевает собой этническое и культурное единство), и углубление в лесную зону, которое неизбежного приводит к доминированию палеоугорского компонента и последующему формирование, хотя и синкретического, но единого сообщества. Данные процессы своей кульминации достигают на самом финальном этапе бронзового века, когда в пределах Урало-Сибирского лесного и лесостепного ландшафтного массива складывается бесконечный ряд культур и типов, демонстрирующих активный процесс смешения в пределах локальных районов. Так в восточных пределах Томского Приобья в результате взаимодействия андронойдного и сузунского населения формируется несколько групп еловской культуры. Для лесного Прииртышья, выделяя сузунский культурный тип, имеющий много общего (хотя не тождественных) андронойдным и черкаскульским памятникам лесостепного и лесного Зауралья [Косарев, 1981, с. 132–160]. В западных пределах в районах Заволжья и Прикамья в результате взаимодействия, вероятно, позднефедоровского (черкаскульского) и срубного населения образуется луговская культура, которая по основным своим характеристикам (архитектуре, погребальному обряду, металлу, керамическом комплексам) также относится к этому массиву андронойдных культур [Обыденнов, 1997, с. 62–66]. Обшим в этой бесконечной череде процессов взаимопроникновения и взаимосмещения лесостепного и лесного населения Урала и Сибири явилось обяза-

тельным появление в орнаментальных мотивах керамического инвентаря, выше-названных культурных типов, элементов, характерных для раннебронзовых традиций таежного и лесного населения этих регионов: наколки, жемчужины, отступающий гребенчатый штамп, превалирующие вариации гребенчатого геометризма, в более поздний период крестование флагшково-жемчужной орнаментации [Косачев, 1981, рис. 47–48, 52–57, 70, 71, 74, 75; Обыденнов, 1997, рис. 6–16].

Однако палеоиранское воздействие на данное сложившееся этнокультурное и территориальное единство не прекращается и в постандроновское время. Вероятнее всего с XI в. до н.э. (возможно и в более ранний период XII в. до н.э.) вдоль бассейна Иртыша первоначально в районы юго-западной Сибири из территории Большой Монголии и Северного Китая начинают проникать племена, условно называемые нами населением культур карасукско-ордосского* круга (рис. 4, 7).

Дело в том, что в конце II тыс. до н.э. в районах Ордоса и Внутренней Монголии наступает фаза холодного и сухого климата, что выразилось в интенсивном отложении золовой пыли в лесовых областях Китая и опустынивании степных областей [Пань-Джиангли и др., 2003, с. 155, 156; Лю Дуншэн и др., 1984, с. 84–85; Таиров, 2003, с. 20–21]. Примерно с этого же периода наступает эпоха аридизации и в Монгольских степях [Иванов, Васильев, 1995, табл. 25; Иванов, Чернявский, 2000, с. 13; Таиров, 2003, с. 20; Демкин, Рысков, 1996а, с. 99–100]. Данные ландшафтно-климатические изменения вызвали серьезную перегруппировку и культурную трансформацию в среде населения палеоиранских скотоводов, так называемых «северных варваров» (жуны, ди) – носителей культур ордосских бронз, которых сегодня не без основания ряд авторов связывает с населением карасукоидного круга, которыми оставлены известные образцы карасукского вооружения и оленные камни [Кляшторный, 1982, с. 172; Ковалев, 1987]. Следствием этого явился сплошной переход к кочевью, китайская ассимиляция племен бассейна Хуванхэ, множественные миграции и перемещения [Варенов, 1996, с. 4–6; Ковалев, 1998, с. 128–129; Крадин, 1996, с. 23; Кульпин, 1995, с. 11–14; Мануйлов, 1993; Материалы… 1968, с. 14–15, 35–36, 124; Новгородова, 1989, с. 320–321; Mg.Govern, 1939, р. 99–100].

Скотоводы Монголии и Ордоса, а также земледельцы Великой Китайской равнины вынуждены были принять вызов деструктивной эпохи, который неизбежно обрекал их на длительное противоборство Западная Хань, Чжоу («Эпоха воюю-

* Рабочее использование подобного термина обусловлено тем, что название «карасукский», «карасукоидный» не совсем точно отражает историко-культурную суть памятников этого облика. Так как в Северном Китае и Монголии, возникают и существуют в период гораздо ранний, нежели минусинские, собственно карасукские памятники. Мы всецело разделяем точку зрения С.В.Хаврина, что для монгольских или северо-китайских действительно уместнее было бы употребить определение «ордосские» или «чандманьские» [Хаврин, 1994, с. 105], однако, опасаясь того, что широкому кругу исследователей будет не совсем понятен археологический аспект того или иного явления, следует признать, что понятие «карасукский» сегодня в большей мере приобрело характер некоего археологического брэнда.

щих царств») за обладание долины Хуанхэ. Увеличение лессового покрова, переход на принудительную систему орошения и секового земледелия привело к логичной победе оседлой цивилизации, появлению первых северокитайских государств и вытеснению варваров за пределы лессового плато. Альтернативой существования скотоводческого населения Монгольской Гоби были либо массовое переселение из неблагоприятных территорий, либо переход к новому хозяйственному укладу, что собственно и произошло в первой половине I тыс. до н.э. Археологически этот процесс ознаменовался распадом всего блока культур эпохи бронзы Ордоса и Большой Монголии (культура Ордосских бронз, карасукская культура плиточных могил) в VIII–VI вв. до н.э. Исторически он соответствует длительному оттоку ордосско-карасукоидного населения из Монголии и Северного Китая в северо-западном и западном направлении, который, в конечном счете, приводит к формированию большой карасукской общности в пределах различных регионов в Азии (Южная Сибирь, Ордос, Монголия, Казахстан, Иран) [Членова, 1972]. В этой связи появление в Восточном Туркестане памятников карасукского облика [Худяков, Комиссаров, 2002, с. 39–41; Варенов, 1998, с. 65, 69, 70; Молодин, 1998, с. 286–289], а в Центральном Казахстане формирование бегазы-дандыбаевской культуры (или дандыбаевского компонента в дандыбай-саргаринской культуре) в пределах Улутау, Сары Арки и появление памятников типа Северного Тагискена в Приаралье (рис. 4, 8–10) [Богалов, 2003, с. 106, 110, рис. 2] – это звенья глобального процесса расселения восточно-иранского населения ордосско-карасукского облика. Вероятнее всего в этот период в пределах оазисов и предгорий Восточного Туркестана и в лесостепной зоне Западной Сибири происходит встреча двух миграционных потоков с запада – позднеандроновского (рис. 4, 3–5), а с востока – карасукского населения (рис. 4, 7, 8).

Скорее всего, западное переселение вышеизванного населения картографируется маршрутом распространения элементов ордосско-карасукского (предскифского) типа в этом же направлении, о чем вкратце сказано выше. Здесь же особо следует обозначить то, что данное расселение, вероятнее всего, не носило разовый характер. Эта миграция имела поступательный волнообразный характер, если начало ее, вероятнее всего, приходится на XI в. до н.э. (возможно XII в. до н.э.), то конец, вероятнее всего, падает непосредственно на пред斯基фский период IX–VIII вв. до н.э. Вероятно, эта динамика отражает постепенный процесс распада северокитайских культур Ордосских бронз и культур эпохи бронзы Большой Монголии и, прежде всего, культуры «керексуров и оленных камней» (по Э.Б.Новгородовой).

В качестве осторожного предположения, хотелось бы высказать мысль о том, что непосредственным толчком к распаду варварских культур Ордоса и Монголии, вероятнее всего, явилось создание Шанской империи в равнинной части долины Хуанхэ в XIII–XII вв. до н.э., которое, по всей видимости, произошло не без непосредственного участия скотоводческого населения Манчжурии и Восточной Монголии, активно использовавшем наиболее эффективные на тот мо-

мент степные образцы вооружения и боевые колесницы (Аньян). Вероятно, это явилось решающим моментом исхода первого этапа противостояния земледельческой и скотоводческой культур Северного Китая и Внутренней Монголии.

Отток племен этих культур осуществлялся по двум направлениям.

Южный маршрут расселения карасукоидного населения в одном случае определили памятники бегазы-дандыбаевской культуры Сары-Арки и Северного Тагискена, а также памятники и артефакты культуры луристанских бронз Загроса (Западный Иран), датируемых сегодня большинством авторов в пределах XII–VIII вв. до н.э. [Новгородова, 1989, с. 127] (рис. 4, 8, 9, 11).

Северное расселение этого населения шло вдоль лесостепной полосы, призывающей к кромке лесов. Это хорошо иллюстрируется находками многочисленных образцов карасукского металла в памятниках Юго-Западной Сибири, Южного Урала, Волго-Донья и Причерноморья, а также образцами посуды и орнаментальными элементами карасукского облика, появляющихся в керамических комплексах Урала и Западной Сибири [Членова, 1981, с. 20–36; Мелентьев, 1975, с. 39–42]. Кроме того, этот маршрут довольно хорошо маркируется находками оленных камней, встреченных в рамках этого же северного степного пояса от Западной Сибири до Подунавья [Кызласов, 1977, с. 75; Членова, 1981, с. 15–16; Ольховский, 2005, с. 167–168, илл. 16, 17] (рис. 4, 6, 7, 21).

Проекция обозначенных маршрутов предскифского (карасукоидного) населения совпадает со схемой распространения близких по стилю образов животных (оленя, лошади) на территории Евразии в конце IX–VII вв. до н.э., предложенной Л.С.Марсадоловым [Марсадолов, 2004, рис. 1].

В начале в предгорья Монгольского Алтая и Саяна. После, вероятно, алтайский маршрут охватывал южные предгорья Синьцзянского Алтая, где встречены многочисленные комплексы керексуров и оленных камней, т.к. горный рельеф северного участка монгольского Алтая позволяет без особых сложностей преодолевать его вдоль межгорных долин. Далее часть этого населения, вероятно, освоила данные долины и плоскогорья, в том числе и районы Русского Алтая, где позднее появляются знаменитые раннескифские комплексы (Бесшатыр, Пазырык, Укок, Санъханцы и др.), после вдоль бассейна Верхней Оби это население проникает в лесостепное Приобье. Другая вдоль долины Черного Иртыша поднимается в Среднее Пойртышье и далее на запад до Приуралья (рис. 4, 7, 9).

При этом следует особо заметить, что, скорее всего, еще один Саянский северный маршрут расселения карасуско-ордосского населения осуществлялся из Монголии вдоль бассейна Енисея, что собственно и явилось следствием вторжения карасукской культуры Минусы и Среднего Енисея (XIII–IX вв. до н.э.) [Максименков, 1975, с. 49–52; Членова, 1972; Комплекс археологических памятников..., 1979, с. 29–49] (рис. 4, 7).

Однако в общем аспекте нашего рассмотрения, безусловно, особый интерес представляют последствия проникновения данного ордосско-каракусского насе-

ления в срединной части большого Обь-Уральского культурно-территориально-го единства (андроноидного на тот момент), которое, как уже сказано, проходило вдоль бассейна Иртыша и Оби. В литературе это явление получило достаточно точное название карасукско-ирменской этнокультурный компонент [Обыденнов, Шорин, 1995, с. 98]. Карасукоидное проникновение основательно видоизменило культурную карту очерченного микрорегиона, однако как нам представляется, оно принципиально не нарушило той системы хозяйственных и этносоциальных связей, сложившихся к тому времени в недрах Обь-Уральского угро-иранского единства. Попробуем рассмотреть последовательность событий в данный период. Проникновение ордосско-карасукского населения из Алтая вдоль Обского бассейна приводит к активному контакту ранее существующего здесь андроноидного населения еловской культуры, что вносит, с одной стороны, определенное своеобразие отдельных типов еловской (третья и пятая группы керамики по А.В.Матвееву) и сузгунской культуры, с другой, к сложению в XI в. до н.э. собственно ирменской культуры в лесостепном Приобье (XI–VIII вв. до н.э.) [Косарев, 1981, с. 145–162, 172–181; Матвеев, 1993, с. 93–127].

В Среднем Поиртышье проникновение карасукоидного населения приводит к сложению здесь среднеиртышского варианта ирменской культуры и, вероятно, к смещению на север и на северо-запад в Притоболье сузгунского андроноидного населения, что приводит к его активному взаимодействию с проживавшими здесь племенами черкаскульской культуры. В результате этого в Зауралье формируется межовская культура (IX–VII вв. до н.э.) [Косарев, 1981, с. 162–172; Обыденнов, Шорин, 1995, с. 99–100]. Общее смещение на запад позднечеркаскульского и межовского населения и активное взаимодействие его в Прикамье с позднесрубными племенами и населением луговской и ерзовской культур, приводит к формированию здесь различных культурных локальных групп большой Маклашеевской общности [Обыденнов, 1997, с. 66–70].

Это лишь общая схема процессов, вызванных притоком карасукско-ирменского населения в пределы обско-уральского региона. К этому следует добавить, что, вероятнее всего, общее смещение андроноидного и последующего микшированного (ирменского) населения приводит к демографическому взрыву здесь и активному взаимодействию в южно-таежной зоне. Это приводит к формированию особых культурных типов – сусканко-лебежинский (Заволжье), ерзовско-быргындянский и культура Курмантау (Приуралье, горно-лесной Урал), березовский (Южное Зауралье), кокшаровский, пахомовский и бархатовский (таежное Тоболо-Иртышье), памятники типа Чупино и Кучум-Гора (Нижнее Поишиье), розановский (Среднее Поиртышье) [Обыденнов, Шорин, 1995, с. 97–102; Корочкива, Стефанов, Стефанова, 1991, с. 81–89; Стефанов, Корочкива, 1984; Косарев, 1981; Членова, 1981, с. 21–29; Морозов, 2004; Гарустович, Савельев, 2004]. При этом следует напомнить, что данные процессы происходят на фоне распада общего массива степных культур финальной бронзы и оттоку постандроновско-

го и постсребного населения на запад (культура многоваликовой керамики), на юг и юго-восток в Хорезм, Центральный Казахстан и Восточный Туркестан (саргариинско-алексеевские, бегазинские, донгальские, янблакские и др. памятники) (рис. 4, 1–5) [Боталов, 2006, с. 41–43].

Не углубляясь в археологическую атрибуцию вышеперечисленных и других существующих на период финальной бронзы культур в пределах региона, границы которого вероятно расширяются от Оби до Камы, попробуем наметить главные историко-культурные тенденции, отчетливо просматриваемые на этом этапе перехода от бронзового к раннему железному веку. Постепенное освоение Приобской, Поиртышской и впоследствии Зауральской и Прикамской территории ирменско-карасукским населением, приводит, вероятнее всего, к установлению новой культурной доминанты. Мы склонны считать, что в данный момент происходит вытеснение и замена андронойидных культурнозначимых черт на карасукоидные. Первоначально это хорошо видно на примере ирменских памятников лесостепного Приобья, как на последовательных ордынском, быстровском этапах, в керамическом комплексе постепенно вытесняются еловские (андронойидные) черты ирменскими (карасукоидными): округлая или шаровидная форма, круглое дно, лощение сосудов, канелюры в основании, геометрический узор (острые, косые треугольники) по плечу, заполнение узора белой пастой [Матвеев, 1993, с. 109]. Постепенно эти тенденции начинают проявляться и доминировать на позднееловских, позднемежевских, бархатовских, курмантуцких и маклашевских памятниках Тоболо-Иртышья, Зауралья и Приуралья. Большой частью смена традиций связана с изменением формы сосудов и повсеместным внедрением круглодонности. Это весьма важный момент, т.к. он связан с внедрением новой карасукской технологической нормой формовки сосудов, которая, как известно, предусматривала обязательное присутствие круглодонной карасукоидной керамики, как на территории Монголии и Китая, так и в Южной Сибири [Новгородова, 1989; Членова, 1972, табл. 64, 67–68; Максименков, 1975, рис. 1, 4, 5; Комплекс археологических памятников..., 1979, рис. 19; Худяков, Комиссаров, 2002, рис. VI; Shui Tao, 2001, р. 31].

Эта тенденция начинает просматриваться как появление круглого дна и специфических невысоких или больших сосудов с раздутым круглым туловом среди березовских комплексов межовской культуры в бархатовской керамике Южного и Среднего Зауралья [Корочкива, Стефанов, Стефанова, 1991, рис. 3, 4, 9, 10, 12, 17, 19, 21], так полностью круглодонных сосудов с короткой отогнутой шейкой розановского типа и Кучум-Горы Поиртышья, и комплексов курмантуцкой и маклашевской культуры Приуралья и горнолесного Урала [Членова, 1981, рис. 8, 10, 26; 9, 1; 10, 19, 20; 11, 36; 12, 13, 2, 3, 6, 10; Обыденнов, 1997, рис. 14, 5–9; 15, 4–7; Гарустович, Савельев, 2004, рис. 4–6; Морозов, 2004, рис. 1–4]. Вероятно, еще одной из важнейших черт культурной трансформации, произошедшей в ирменско-карасукский период, явилось изменение в погребальном обряде. Речь идет о существующей среди населения ордосско-карасукского круга захоронений либо

в слабоскорченном, либо в вытянутом положении [Новгородова, 1989, с. 160; Shui Tao, 2001, р. 31; Комплекс археологических памятников... 1979, рис. 20, 8; 22, 7, 8; 23, 1, 2]. В ирменских погребениях лесостепного Приобья сохраняется традиция скорченных погребений (отличием от еловского населения являются ориентация и положение на правом боку) [Косарев, 1981, с. 179–180], что, вероятно, указывает на меньшую долю пришлого населения на местный андронойдный субстрат. Однако транскультурные изменения, которые происходят в Зауралье и Приуралье, указывают на то, что значение карасукоидного элемента на население межовской, маклашеевской и курмантаутской культур и составляющие их березовский, бартынский и ерзовский типы, вероятнее всего, было более значительным. Следствием этого был повсеместный переход на традицию захоронений в вытянутом положении [Обыденнов, Шорин, 1995, с. 61–62; Обыденнов, 1997, с. 66–70, рис. 14–16]. Еще одной из наиболее важных культурообразующих тенденций финальной бронзы и переходного периода является динамичное возрастание черт угорского и даже самодийского облика, что указывает на приток новых групп северного таежного населения в урало-сибирскую лесостепь.

Это связано с той своеобразной экологической ситуацией, которая сложилась к рубежу II–I тыс. лет до н.э. не только в степной, но и в лесостепной и южно-таежной полосах Урала и Западной Сибири. По мнению Л.Г. Рыскова и В.А. Демкина, с середины II по первую половину I тыс. до н.э. в северной части Евразии устанавливается фаза высокого температурного режима, что неизбежно приводит к общей климатической и ландшафтной аридизации [Демкин, Рысков, 1996; 1996а, рис. 3; Демкин, 1997, рис. 9] и ландшафтно-климатическому экстремизму, который, вероятнее всего, падает на временной отрезок с рубежа II – I тыс. до IX в. до н.э. [Бельгибаев, Белый, 2002, с. 137–138; Таиров, 2005, с. 286–287]. Вероятно, в соответствии с законом климатической гетерохронности в южно-таежной зоне устанавливается фаза похолодания и увлажненности, что приводит к наступлению таежного ландшафта, ухудшению возможности для скотоводческо-земледельческих занятий [Зах, Рябогина, 2005, с. 93–94, рис. 2, 9]. В эпоху поздней и финальной бронзы (XIV–IX вв. до н.э.) в Зауралье происходит значительный сдвиг лесного населения к югу по сравнению с периодом средней бронзы. Если алакульское и алакульско-федоровское население проникает в южно-таежные районы достаточно глубоко (до 58° с.ш.), то алексеевские племена дальше севера лесостепи (56,5° с.ш.) практически не селились. Ярко наметился обратный вектор воздействия со стороны уgro-самандийского лесного и таежного населения, которое в этот период опускается до 53° с.ш. [Потемкина, 1995, с. 15–17; Косарев, 1976]. Это движение установило, по всей видимости, доминанту лесного угорского населения, что сказалось на возрастании роли традиционных промыслов охоты и рыболовства в середине лесостепного и южно-таежного населения [Корочкива, Стефанов, Стефанова, 1991, с. 85–89; Обыденнов, 1997, с. 88–90]. Смена культурной доминанты хорошо отразилась в орнаментальных мотивах керамического комплекса: в уже упомина-

емой традиции наколок и жемчужин, происходит постепенная замена геометрических узоров вертикальной и горизонтальной елочкой, косым крестопарным зигзагом, насечками и шнуровидным штампом, а также косыми и горизонтальными отпечатками гребенчатого штампа, расположенных, как правило, в верхней части плеча и по шейке [Обыденнов, 1997; с. 68–69; Обыденнов, Шорин, 1995, с. 67–77; Стефанов, Корочкива, 1984; Корочкива, Стефанов, Стефанова, 1991, с. 85–90; Членова, 1981, с. 22–33]. В первые века I тыс. лет до н.э. северно-таежное влияние на лесные и лесостепные территории Обь-Уральского региона возрастает еще сильнее. На широте Миасса (Южное Зауралье), Среднего Пойртышья и в Томско-Нарымском Приобье формируются культурные типы (гамаюнский, красноозерский, молчановский, завьяловский), носителями которых является таежное угро-самодийское население Западной Сибири (рис. 4, 12–15). Граница между этим населением, представленного памятниками лозьвинской и алымской культурами Конды и Нижней Оби X–VIII вв. до н.э. [Борзунов, 1992, с. 87–91] и племенами праугорской общности проходила с ССЗ на юго-восток вначале по бассейну р. Тавды и далее по широте Тары и Томи. Результатом этого воздействия явилось появление керамического комплекса, состоящего из конусовидных остро или круглодонных сосудов или горшков с узким плоским дном сплошь или на 2/3 орнаментированные крестовым или мелкозубчатым штампом, а также струйчатым и фигуранто-штамповым орнаментом, с применением круглых или фигурных наколок, простых или накольчатых жемчужин [Косарев, 1981, с. 182–200, Таиров, 2000, с. 13, рис. 2]. Интересно, что эти черты обнаруживают схожесть с керамикой энеолита и ранней бронзы и последующего времени Конды и Сургутского Приобья (Западная Сибирь) [Кокшаров, 1991, рис. 1, 2; Чемякин, 1998, рис. 3; Косинская, 1998, рис. 4–6]. Проникновение таежного населения так далеко на юг в данный период обусловлено, как уже указывалось, общим увлажнением лесной и таежной зон, которое неизбежно привело к повышению уровня верховых болот*. Наступление на юг кромки болотистой тайги неизбежно приводило к невозможности использовать данные территории для скотоводства, результатом чего был отток населения угоро-индоирянской андронойдной (или на тот момент ирменско-андронойдной) общности на юг, либо к значительному переходу к присваивающим видам хозяйства. Усиление угро-самодийского влияния в данный момент наравне с воздействием со стороны ирменско-карасукского времени имело решающее значение в переходе на погребальную традицию прямолежащих захоронений. Это косвенно подтверждает то обстоятельство, что доандроновские погребения праугорской общности энеолита, ранней бронзы, также прасамодийские Конды и Средней Оби* в абсолютно подавляющем количестве захоронений вытянуто на спине [Шорин, 1991; Шилов, Маслюженко, 2002; Стефанов, 2006, с. 52].

Постоянная инфильтрация в пределы Приобья и Пойртышья восточного и раннего карасукоидного населения, которая продолжается, вероятно, с XII–XI

* Благодарим Е.М.Беспрованного за консультации по данному вопросу.

по VIII–VII вв. до н.э. и чрезвычайная активность угро-самодийского населения южно-таежной зоны, вынужденного продвигаться на юг в лесостепь в условиях экспериментальных палеоэкологических условий, привели к окончательной культурной ассимиляции андронойдного населения и выхолащивании основных культурнозначимых черт данного массива (замена скорченных погребений на прямолежащие, форм и способов орнаментации в керамическом комплексе).

Таким образом, переходный период от финальной бронзы к предскифскому периоду раннего железа ознаменовался формированием нового этапа ирано-угорской общности, где первая составляющая была основательно изменена восточноиранским (карасукоидным), а вторая – северным угро-самодийским компонентом.

Бесконечная свита культур и культурных типов угро-иранского субстрата, выделенная сегодня для финального (переходного) этапа эпохи бронзы, позволяет без особого труда, по крайней мере, на примере керамического инвентаря проследить преемственность и судьбы культурно-территориальных групп населения в пределах очерченного Камско-Обского Единства. Так в Прикамье и прилегающих к нему регионах Среднего Поволжья складывается большая маклашевско-ананьевская культурно-историческая общность, которую, по мнению исследователей, образуют несколько культурно-локальных типов: маклашевский (Усть-Камье), кокшайский (Марийское Поволжье), быргындинский (Восточное Прикамье), курмантаутский (бассейн Белой, горно-таежный Южный Урал), ахмыловский (впадение Камы и Волги), ерзовский (таежное Приуралье) [Обыденнов, 1997, с. 66–70].

В начале VIII в. до н.э. на западные районы урало-сибирской общности начинается воздействие со стороны раннескифского и сакского населения, составляющее самую позднюю волну карасукских центральноазиатских миграций. В Предуралье результатом этого явился повсеместный переход на традиции прямолежания в погребальном обряде, круглодонные сосуды в керамическом комплексе, и самое главное в широком применении образцов вооружения и бытового инвентаря карасукского или центрально-азиатского происхождения. Особенно ярко они представлены среди металла ананьевских (ахмыловский этап) могильников (кельты, чеканы, наконечники стрел асимметрично ромбические с шипом, бронзовые кинжалы с сердцевидным перекрестием и грибовидным навершием, бубенчики и прорезями, стремечковидные удила, элементы конской сбруи, втульчатые наконечники копий с сегментовидными прорезями и др.)* [Членова, 1981, рис. 2–5, 7; Патрушев, Халиков, 1982, табл. 1, 1–4, 10, 20; 2, 28, 30; 3, 1а, 50, 58; 4, 1а, 1б, 1в, 2а, 3д, 3г; 8, 10, 1м; 9, 4, 5а, 6а; 10, 1м; 15, 1а, д, 2а, 4б; 16, 3а; 17, 12; 19, 3в, 2; 22, 2ж, 12; 23, 1ж, 24, 2а, 4б, д; 32, 4а; 35, 3г, 6б; 38, 2б; 42, 22; 44, 1а, 5; 45, 1а; 47, 1а; 50, 15; 55, 1; 56, 42; 60, 3а, 1а; 63, 1а, в, с, к; 64, 9; 65, 1; 67, 2а; 69, 3; 73, 3б; 77, 1а; 81, 4; 82, 1г, в; 88, 1а; 99, 2г; 101, 4б, 5а; 105, 12; 109, 20; 118, 2а, 4а, б; 119, 1б; 121, 5а; 125, 1а; 127, 1е; 130, 1а, б,

* Благодарим Е.М.Беспрованного и К.Г.Карачарова за предоставленную информацию.

д, и; 135, 1б; Могильник на острове Мольбышенский, 1988, рис. 2–4, 6, 8, 25; 9, 11, 11а; 11, 29]. Фактически эти образцы ананыинского металла и придают данной культуре общий скифовидный облик. Безусловно, ананыинская эпоха является новым особым этапом культурогенеза Маклашеевской общности. Наиболее важное территориально-стратегическое положение, явный милитаризованный облик ананыинцев указывают на то, что данное население было господствующим в пределах большого региона Волго-Камья. Сам собою напрашивается вопрос, не привело ли установление ананыинской доминанты в Приуралье к естественному геоландшафтному обособлению этого района от Зауральской и западно-сибирской провинций большого угро-иранского единства? Думается, что нет, потому как сам механизм этнокультурных взаимодействий здесь был очень похож на Приуральский. В результате разнохарактерных воздействий на межовско-ирменское население к VII–VI вв. до н.э. здесь складывается общность Зауральско-западносибирских горнолесных и лесостепных культур и типов раннего железного века. Так в результате сосуществования лесного пришлого гамаюнского населения с племенами межовско-березовского типа в горно-лесном Зауралье вероятно формируется иткульская культура (рис. 5, III), унаследовавшая особую группу (второй иткульский тип) керамики с густыми мелкогребенчатыми и «струйчатыми» узорами, нанесенными мелкогребенчатым штампом в виде многорядными и взаимопроникающими геометрических зон [Борзунов, 1992, с. 90–91]. Население этой культуры, специализировавшееся на производстве металла [Бельтикова, Борзунов, Корякова, 1991], вероятнее всего, было тесно связано с волжскими ананыинцами, осуществлявшими в VII–VI вв. до н.э. поставку скифского металла и металлоизделий по «торгово-му пути Геродота» в Причерноморье и Поднепровье, а после VI в. до н.э. ставшее основным производителем и поставщиком металла для сопредельных территорий Европейской Скифии [Таиров, 2005, с. 16–17].

Ананыинское общескифоидное единство просматривается и на материалах байтовско-насиловских памятников, появляющихся в Среднем Притоболье и Приишмье, на Средней Исети в VII–VI вв. до н.э., где встречены предметы вооружения (кельты, кинжалы с прямым перекрестием и навершием, чеканы, трехгранные черешковые и ассиметрично-ромбические с шипом наконечники стрел) и конской узды карасукоидного и центрально-азиатского происхождения [Таиров, 2000, рис. 9]. Происхождение этих родственных групп, по всей видимости, связано с воздействием на смешанное население межовско-ирменского и бархатовского типов [Матвеева, 1989, с. 97–98] новой волны населения позднекарасукоидного (возможно тасмолинского) круга. Несколько позже на этих же территориях формируются воробьевский тип и гороховская культура, а на сопредельных с востока территориях Тобола, Ишима и Среднего Иртыша появляются памятники саргатской культуры (рис. 5, I). Эти события падают на особый новый этап в истории населения Зауралья и западной Сибири, который начинается в конце VI в. до н.э. Они связаны

* Благодарим А.Д. Таирова за данное наблюдение.

с приходом в Зауральские степи скифского населения лесостепного Поднепровья и формированием здесь древнепрохоровской культуры [Таиров, 2005, с. 16–27] (рис. 4, 24). Несмотря на мозаичную пестроту культур и типов, выделенных для горно-лесного и лесостепного Зауралья и Западной Сибири, некоторые авторы в разное время пришли к выводу, что большинство из них родственны и составляют некое этнокультурное единство. Так, В.Е.Стоянов предложил объединить иткульские и воробьевские комплексы в исетскую культуру, а также объединить носиловскую и байтовскую, саргатскую с розановской [Стоянов, 1975, с. 241, 247–252; 1970, с. 238]. Г.В.Бельтикова пришла к выводу, что иткульские, воробьевские и носиловские племена родственны и сложились в результате размежевания первичного этноса на группы по производственно-экономическому принципу [Бельтикова, Борзунов, Корякова, 1991]. Н.П.Матвеева включает воробьевские памятники в круг комплексов гороховской культуры в качестве первого воробьевского этапа (VI–V вв. до н.э.) [Матвеева, 1987, с. 12–15; 1991, с. 149–158]. По мнению В.А.Могильникова гороховские и саргатские памятники также составляют единую этнокультурную общность [Могильников, 1972, с. 85; 1973, с. 115; Полосьма, 1987, с. 99]. К сказанному следует добавить тот факт, что по нашему мнению, гороховский и саргатский культурогенез – это явления единого порядка. Может быть именно по этому специалисты и по сей день одни и те же памятники Зауралья и Западной Сибири равным образом относят и к гороховской и к саргатской культурам (Шмаковский, Раскатихинский могильник). Думаю, что «гороховское» своеобразие лесостепному населению Приоболья придала скифо-сарматская приближенность, что сказалось как в вещевом инвентаре, так и в погребальном обряде (дромосная могильная яма, шатровые подкурганные конструкции) [Таиров, 2000, с. 72, рис. 16, с. 78–79, рис. 17, 18].

Таким образом, при своей территориальной вариабельности культуры типов раннего железного века (во второй половине I тыс. лет до н.э.) на территории Зауралья и Западной Сибири продолжает существовать единая историко-этнографическая (иткульско-гороховская – саргатская) общность, объединяющая два основных – угорский, иранский и один сопутствующий – самодийский этно-культурные компоненты. Однако данный этап развития урало-сибирской общности конца VI в. до н.э. по II–IV вв. н.э. требует особого рассмотрения. Условно его можно назвать как саргатский этап историко-культурного развития Урало-Обского региона.

Саргатская Урало-Сибирская общность в основной период своего существования (VI–III вв. до н.э.) структурно состояла из культурно единообразного и консолидированного саргатского ядра, располагавшегося в Тоболо-Иртышье с запада и с востока, к которым примыкали две большие провинции: Уральская и Приобская. Данные провинции черезполосно или в пределах относительно замкнутых ландшафтно-культурных нишах сосуществовали вместе с саргатским коллективом близкородственного соплеменного населения. На Урале: лесостепные сарматы, гороховцы, воробьевцы, иткульцы и позже кашинско-прыговское население (рис. 5, I–IV). В Приобье: сакское, большереченское, староалейское и позже кулайское население.

Кардинальные трансформации этнокультурного единства начинаются вероятнее всего на рубеже IV–III вв. до н.э., причины их связаны с резким ухудшением палеоэкологических условий в степной и лесостепной зонах Южного Урала и Казахстана. Резкая аридизация степей Южного Зауралья в IV–II вв. [Рысков, 1996, с. 11; Демкин, 1997, с. 120, 123; Рысков и др., 2000, с. 694, 698; Песочина, Зайцев, 1996, с. 57], привели к миграции раннесарматского населения Южного Урала на запад в Приуралье и Заволжье, а также в лесостепную Башкирию, где возникают могильники Старые Клишки и Бишунгово (рис. 5, 16) [Таиров, 2003, с. 50]. В степях Сары-Арки и Северного Казахстана прекращает свое существование тасмолинская культура [Бейсенов, 1997, с. 16], что также, вероятно связано с периодом общего осушения климата в этих районах в III в. до н.э. [Иванов, Луковская, 1998, с. 194; Иванов, 1992, с. 74, 11; 1996, с. 5; Таиров, 2003, с. 28, 30] и оттоком раннесакского населения в лесостепных районах Западной Сибири.

Резкая кратковременная гумидизация и похолодание в лесостепных районах Зауралья и, вероятно, в лесной зоне Западной Сибири [Ларин, Матвеева, 1997, с. 137; Таиров, 2003, с. 30–31] приводит к новому оттоку южно-таежного населения этих районов на юг вдоль бассейнов Тоболо-Иртышья и Оби. В первом случае следствием этого явилось появление в лесных районах Среднего и Притобольского Зауралья в IV–III вв. до н.э. населения – керамики кашинского и прыговского типов [Викторова, Морозов, 1993, с. 173–178; Ковригин, Шарапова, 1998] (рис. 2, 15).

В первом и во втором случае мы фиксируем своеобразную реминисценцию зауральских традиций в орнаментации и формовке сосудов, существовавших здесь в энеолитический период. Вновь появляются сосуды яйцевидной формы с заостряющимся днищем, орнаментированным крупнозернистым, прямым, косым или отступающим гребенчатым штампом (кашинский тип), а также с гребенчато-шнуровой орнаментацией с сюжетами в виде косых, горизонтальных линий, зигзагов и геометрических узоров (прыговский тип).

К этому следует добавить факт наличия традиционной для Южного Зауралья тальковой примеси в тесте кашинско-прыговской посуды. Думается подобные параллели и совпадения вряд ли случайны. Как известно, вопросы поиска генетической основы кашинско-прыговской керамической традиции сегодня еще далеки от своего разрешения. Однако, учитывая вышеозначенные наблюдения с определенной осторожностью можно предположить, что где-то в регионе, ограниченном левобережьем Исети и правобережьем Тавды, включающем бассейны Ниццы и Туры на протяжении довольно длительного периода проживало значительное количество палеоугорского населения, культурогенез которого напрямую связан с автохтонными племенами Зауралья. В определенные периоды с ухудшением палеоландшафтных условий в полосе южно-таежной зоны и изменением рода-племенной этнокультурной конъюнктуры в лесостепной зоне определенная часть этого населения устремилась в южном направлении. Подобные миграции таежного угросамодийского населения в переходный период IX–

VIII вв. до н.э., описанные выше, привели к переселению большой группы гамаюнских племен, которые, вероятнее всего переселились из северных районов выше очерченного региона. В случае же с кашинско-прыговскими миграциями мы можем лишь принципиально обозначить вектор проникновения населения – носителей керамики с гребенчатой, гребенчато-накольчатой и гребенчато-шнуровой традицией орнаментации. Это объясняется, прежде всего, крайне слабой изученностью Пышма-Тавдинского микрорайона.

Вероятнее всего из этой же зоны и территории севернее происходит традиция накольчато-фигурно-штамповой и шнуровой керамики синдетско-туманского типа. Появление керамики этого типа в конце раннего железа лишь маркируется в комплексах лесного Зауралья. Данные миграционные процессы в Южном Зауралье привели к серьезной транскультурной перегруппировке. Прекращают свое существование (в традиционно-археологическом смысле) иткульская и саргатско-гороховская культуры в горно-лесной и лесостепной зонах. Процесс микширования местного и пришлого населения, на наш взгляд, был постепенным и относительно мирным, т.к. в контакт вступало, вероятно, близкородственное местное угро-иранское население с пришельцами угро-самодийского облика. В этой связи переходный этап культурных трансформаций, скорее всего, растянулся на несколько столетий начала I тыс. н.э.

Возвращаясь назад к вопросу саргатских культурных трансформаций, заметим, что более мощный импульс лесного и таежного населения – носителей фигурно-штамповой и желобчато-накольчатой керамики наблюдается в III–II вв. до н.э. вдоль бассейна Иртыша и Оби. Вероятнее всего ухудшение палеоэкологических условий приводит к миграции угро-самодийского сперановского населения подчевашской культуры Поиртышья и Барабы и кулайских лесных племен Приобья (рис. 5, 15). Вероятнее всего определенный период (до рубежа эр) это население проживает череззолосно с саргатскими и новочекинскими племенами Барабы [Елагин, Молодин, 1991, с. 99] и саргатским и большереченским населением Приобья, постепенно ассимилируя и вытесняя его.

Как известно, фиксируются контакты саргатского и кулайского населения и в пределах омского Прииртышья, а также в бассейнах Оми и Тары в IV–III вв. до н.э., что хорошо фиксируется в материалах керамических могильников Карташово I Богдановского городища [Могильников, 1986, с. 26, рис. 1, 2]. Этот факт указывает на то, что миграция таежного угро-самодийского населения на саргатскую общность была весьма масштабной. В результате ее саргатская общность сокращается до пределов территорий Тоболо-Иртышья, то есть до пределов своего прайдера. При этом вероятнее всего фактором культурной консолидации на этом и последующем этапе для саргатского населения Тобол-Иртышья явился союз с вновь пришедшим сюда в конце III–II в. до н.э. юэчжийско-сарматским населением, переселившегося в степные и лесостепные районы Урала, Западной Сибири и Казахстана и вытесненного из Хесийского (Гансийского) коридора и Восточного Туркестана

хуннами в III–I вв. до н.э. (рис. 5, 18–20). В оазисных районах севера Средней Азии и юга Казахстана это переселение своеобразно маркируется появлением подбойно-катакомбных комплексов так называемого лявиандакского типа с сарматско-юэчжийским историко-культурным комплексом (рис. 5, 18, 19, 32) [Боталов, 2003, с. 89–99]. В Пойртышье эта миграция опредмечивается появлением известных вождеских комплексов среднесарматского времени (Исаковский I, Сидоровка, Тютрино) (рис. 5, 10, 11) [Корякова, 1997, с. 146–151], а также массовым появлением лакового покрытия и предметов китайского и центрально-азиатского происхождения [Погодин, 1998, Довганюк, 1997]. Именно с этого периода саргатская культура претерпевает серьезные изменения погребальной обрядности, которые выразились в появлении больших царских курганов с пышными элитарными воинскими погребениями [Берсенева, 2005, с. 20–23] сарматского облика [Погодин, 2000]. С приходом этой сарматско-юэчжийской волны, по всей видимости, значительно изменяется социальная стратификация саргатского общества. Вероятнее всего пришельцы составили новый вождеский клан. Резко возрастает роль этой новой кочевой элиты. Несколько позже во II в. н.э. его сменил новый раннегуннский компонент в саргатской культуре, вследствие чего в большом количестве появляются погребения гунно-сарматского облика (одиночные погребения в узких подпрямоугольных ямах с северной ориентировкой и раннегуннским набором вещевого инвентаря) [Культура зауральских скотоводов..., 1997, с. 15–19, 28, 30–41, 44–46, 64, табл. 3; Матвеева, 1994, с. 24, 38, 39, 73, 75, 76, 78, 79, 82–84, 88, 89, 91, 92, 94, 95] (рис. 6).

Все вышеперечисленные импульсы со стороны урало-казахстанских степей и из пределов южнотаежной кромки лесов и тайги Зауралья и Западной Сибири неизбежно приводят к длительному кризису в недрах саргатской общности, что выразилось в постепенном затухании и упадке саргатских городищ с рубежа эр и, особенно, в первых веках новой эры! Саргатское общество, помимо сохраняющегося до этого периода в его недрах общего кризиса, претерпевает кардинальные изменения на его восточном и юго-восточном флангах. Дело в том, что приход в горные районы Саяна и Алтая гяньгуйского населения, вытесненного хуннами из Северо-Западной Монголии и Восточного Туркестана во II в. до н.э., который археологически отобразился тесинскими и булан-кобинскими трансформациями, в Минусе формируется Таштыкская общность, а в горной Туве и на Алтае возникают многочисленные переходные типы (кокэльский, кокпашский, балактыпольский, ранnekатаидинский, берельский и др.) зарождающегося могучего тюрко-төлесского сообщества [Боталов, 2003] (рис. 5, 42). Это население уже к III–IV вв. занимает лесостепную широту Алтая и Приобья, оттеснив, а затем ассимилировав кулайские угро-самодийские племена. С возникновением Верхнеобской (Новосибирское Приобье), Одинцовской (Бийско-Барнаульское Приобье) (рис. 7) культур в IV–V вв. н.э. мы, вероятно, можем констатировать то, что крайняя восточная часть ранее существовавшей урало-сибирской общности становится новым тюрко-угорским анклавом будущего зарождающегося ново-

го этнокультурного единства. По мнению А.А.Казакова с данного периода начинается тюркизация Верхнего Приобья [Казаков, 1996, с. 176–177]. Хотя в этой связи следует заметить, что этот процесс автор видит как следствие непосредственного влияния хунно-сянбийских племен на районы Алтая и Приобья, с чем можно согласиться лишь отчасти. Во-первых, на сегодняшний день фактически неизвестны алтайские памятники, которые бесспорно можно было бы связать с центрально-азиатскими хуннами [Худяков, 1996] (исключение составляют печи для обжига хуннской керамики) в период существования Хуннской империи. Во-вторых, одинцовский и верхнеобский культурогенез, как уже сказано, непосредственно связан с воздействием горно-степных вышеозначенных культур и типов предтуркского облика, в которых появляются такие важные маркеры как погребения с восточной ориентировкой и конем (катандинский тип), погребения с конем (кудэргинский тип), кремация (Обские Плесы) и характерный для тюркотелесского комплекса вещевой набор (конская узда с эсовидными или костяными двудырчатыми псалиями, чумбуры, стремена, однолезвийные палаши с кольчатым навершием, т-образные петлевидные колчанные крючки и др.).

В этот период, среди указанных памятников лесостепной полосы юго-западной Сибири появляются немногочисленные, но весьма яркие воинские комплексы, маркирующие сложение нового проаварского и проболгарского пласта тюрко-угорских народов. Речь идет о знаменитых одиночных погребениях Тугозвоново, Сопка, погр. 688, Татарские могильники, Ераска, Троицкий Елбан I, Обские Плесы II и др. (рис. 8). Последующее стремительное проникновение этого тюрканизированного полукочевого населения, как в прочем и смещение всего массива угро-иранского и угро-самодийского лесостепного населения Зауралья и Западной Сибири в первой половине I тыс. н.э. сегодня не требует особых исторических и археологических подтверждений. В этой связи особо хочется заострить внимание на важное наблюдение, которое было сделано А.П.Бородовским по материалам раскопок могильника Юрт-Балык-8 (кург. 23) и Умны-4, относящихся к раннему этапу Верхнеобской культуры VI–VII вв. Украшение головы, костюма и пояса, найденные в 1 и 2 погребении кургана 23 Юрт Балык 8, позволили автору прийти к выводу о типичной тюркской культурной традиции в рассматриваемых элементах внешнего облика погребенных, сформировавшихся в лесостепном Приобье в период, предшествующий широкому проникновению сюда тюркских групп (с точки зрения автора) [Бородовский, 1988, с. 45–46]. Однако с нашей точки зрения в конкретном случае данные факты, вероятнее всего указывают на то, что проникновение собственно тюрков и телесцев и тюркизация угро-самодийского лесостепного населения Приобья, это процессы разного порядка. Возникновение IV–V вв. в пределах Алтая такого мощного этнополитического центра, коим явился союз теле, неизбежно привело к созданию некоего нового культурно-генетического очага, который с этого периода стал активно влиять на соседствующие с ним восточные районы ирано-угорской (самодийской) общности. Результат – неизбежная культур-

ная трансформация восточно-угорского населения и замена этнокультурных и, думается, лингвистических ориентиров. С нашей точки зрения указание инновации в могилах Юрт Балыкском 8 и Умны 3 не эпизодические и неожиданные явления, а своеобразный показатель окончательного сложения этапа тюркизации приобского населения. Однако начало его падает на более ранний период, который соотносится с первыми веками новой эры.

Сегодня очень трудно говорить о характере этнокультурных трансформаций лесостепного Приобья и Барабы в этот период. Разрозненные материалы, имеющиеся на сегодняшний день, не позволяют четко представить обширный сперановский этап (II–I вв. до н.э.–V–VI) подчевашской культуры Барабы, в памятниках которых наблюдается слабое присутствия саргатских черт [Елагин, Молодин, 1991, с. 98–103], а также финал фоминского этапа кулайской культуры с аморфным так называемым переходным этапом III (или второй половины IV) – V вв. [Казаков, 1996, с. 166–171]. Тем не менее, этнокультурные процессы, которые имели место в Верхнем Приобье и Поиртышье в течение первой половины I тыс. н.э. позволяют наметить новый этап в существовании большого угро-самодийского Урало-Сибирского единства. Процессы, которые произошли здесь в первые века н.э., кардинальным образом изменили этнокультурную карту региона.

По вопросам культурогенеза Новосибирского Приобья и лесостепных районов Алтая сегодня существует довольно внушительный список литературы, посвященный памятникам фоминского этапа кулайской культуры, переходному этапу, одинцовскому или сошинскому этапу соответственно Верхнеобской или Одинцовской культуры [Грязнов, 1956, с. 113; Троицкая, 1981, с. 111–119; 1987, с. 86; Троицкая, Новиков, 1998, с. 78; Казаков, Неверов, 1991, с. 168; Казаков, 1996, с. 166–177; Горбунов, 1993, с. 80; Горбунов, 2004, с. 92–95] (рис. 7).

Бесспорно осознавая важность вопросов уточнения хронологических позиций отдельных этапов и групп памятников, попробуем остановиться на более широких аспектах этнокультурных трансформаций, происходивших в Верхнеобском бассейне в данный период.

В этой связи заметим следующее: на наш взгляд, весьма важное наблюдение о характере культурных инноваций, которые привели к формированию Верхнеобской культуры, сделал пятьдесят лет назад М.П.Грязнов на материалах исследований погребальных комплексов Ближне Елбанских могильников.

Рассматривая керамический комплекс одинцовского этапа, автор приходит к выводу, что одинцовская посуда принадлежит к совершенно новому для Верхней Оби типу керамики, чуждому предшествующему населения, чуждому и для других племен Южной Сибири. Она представляет собой один из вариантов того типа посуды, который был создан племенами северного Приуралья и северо-западной Сибири. Прямые аналогии керамики этого этапа автор усматривает среди сосудов раннеананынского ломоватовского, родановского и болгарского времени, а также для памятников тундровой полосы северо-западной Сибири [Грязнов, 1956, с.

112–113]. Несмотря на то, что отдельные вопросы общей схемы хроно-культурного развития в позднекулайское и ранневерхнеобское время, предложенные М.П.Грязновым, впоследствии претерпели определенную корректировку (Т.Н.Троицкой предложено удревнить фоминские памятники и отнести в позднему этапу кулайской культуры (I–III вв. н.э.), переходный этап конца III–IV вв. н.э., а одинцовские V–VI вв.) [Троицкая, 1979, с. 47, 50–52; 1981, с. 102–103, 116, 119], приведенные наблюдения автора не утеряли своей актуальности. Более того, последующие исследования в Приуралье позволили уточнить и расширить спектр аналогий приобских и прикамских памятников рубежа эр. Так, среди керамических комплексов позднеананынского (касъяновско-михайловского), чегандинского и кара-абызско-убаларского круга, а также в комплексах мазунинской и бахмутинской культур последних веков до н.э. и первых веков нашей эры встречены фактически идентичные одинцовским сосуды со сферическим туловом, выпуклым дном и отогнутым венчиком и характерной орнаментацией в виде жемчужин, наколок в верхней части туловая, горизонтальных полос и рядами оттиска гребенчатого штампа [Генинг, 1972, рис. 4, 7, 9; 6; 1988, рис. 5, 11, 20; Мажитов, 1968; Останина, 1997]. Однако весьма показательным в этой связи является тот факт, что кроме керамических параллелей существует целый ряд отдельных категорий культурномаркирующих предметов, которые в более раннее время встречаются в Приуральских комплексах. Речь идет о серьгах в виде знака вопроса, завитых в нижней части в виде конуса или цилиндра, гривнах и браслетах с крючкообразным основанием, эполетообразные фибулы ранних типов, колоколовидные накосные подвески с наборными пронизками для подвешивания, бронзовые нашивные бляхи, которые характерны для чегандинских, караабызских, убаларских, азелинских и мазушинских вещевых комплексов I–V вв. [Генинг, 1963, с 40, 41; 1988, рис. 4, 50, 60, 61, 85–87, 112, 115; 9, 3, 4, 27; 17, 1, 2; Останина, 1997, рис. 4, 5, 7] (рис. 9). Мы склонны полагать, что этот широкий круг аналогий складывается отнюдь не случайно. Однако полностью понять механизм этих заимствований сегодня, безусловно, не просто. Была ли эта разовая миграция или длительная инфильтрация приуральского населения в Приобье сказать трудно. Мы склонны полагать, что имели место и какого-то рода культурно-региональные коммуникации уже с рубежа эр, в период сложения пьяноборской и кулайской общностей в пределах лесостепной полосы Урала и Западной Сибири, а также единоразовые переселения, которые привели к существенной культурной трансформации переходного этапа IV–V вв. [Казаков, 1996, с. 170].

Скорее всего, приток новой волны приуральского угорского населения на этом этапе приводит к некой нивелировке и общекультурной настройке в пределах урало-сибирской этнокультурной области, своеобразно нивелируя ее крайне западную и крайне восточные регионы (рис. 5, 41). Их этнокультурное единство выявилось не только в появлении вышеупомянутых параллелей в вещевом комплексе, а также в планиграфии и архитектуре городищ и селищ (береговые укрепленные городища с подквадратными или прямоугольными полуземлянками и наземны-

ми жилищами с очагами по центру или в углах и зольниками по краям), и в погребальном комплексе (грунтовые могильники или небольшие земляные курганы, преобладание или значительной процент восточной и северной ориентировок) [Генинг, 1988, с. 36, 37, 49, 52, 72, 73; Останина, 1997, с. 94–98, табл. 5; Грязнов, 1956, табл. XLVII; XXXI; XXXV; XXXIX; XLIX; Троицкая, Новиков, 1998, с. 15, 22–24]. Кроме того, на переходном этапе появляются две весьма важные черты погребального обряда: кольцевая деформация черепов и погребения с конем [Грязнов, 1956, табл. XXXVIII, XLIII]. На эти черты особо обратил внимание А.А.Казаков, а к особыму проявлению этих инноваций он относит факт появления знаменитых погребений в лесостепном Алтае и Новосибирском Приобье: Тугозвоново, Ераська и Сопка 2 (погр. 688). Автор справедливо усматривает в этих инновация «постхунинское влияние на племена Верхнего Приобья» [Казаков, 1996, с. 170–175]. Однако собственно механизм воздействия в его изложении остается не совсем понятным.

На наш взгляд процесс культурной интеграции в больших пределах рассматриваемого региона в раннегуннский период (II–IV вв.) был весьма сложным и многополярным. Первоначально основной узел его был сосредоточен в пределах камско-бельского Приуралья. Появление и последующее обитание в пределах степей Южного Урала и Западного Казахстана раннегуннского (гунно-сарматского) союза приводит к длительному (II–IV вв.) взаимодействию местного лесостепного населения с пришельцами. Результатом этого является распад или трансформация культур пьяноборской общности во II–III вв. н.э. и появление нового блока раннесредневековых культур: азелинская, мазунинская, имендяшевская, бахмутинская [Генинг, 1972, с. 222–247; Овсянников, 1999, с. 178–180]. С началом движения ранних гуннов на запад в III–IV вв. и последующее возвращение гуннов из западных походов, часть гунно-сарматского населения начинает активно оседать в пределах бассейна р. Белой, смешиваясь с местным имендяшевским населением (Салиходский могильник) [Васюткин, 1986], где возникает Турбаслинская культура (рис. 10). Взаимодействие гунно-сарматского и именковского населения в районе слияния Камы и Волги приводит к сложению культуры типа Коминтерновский II (рис. 11). При этом очаги этого культурогенеза происходят в стратегически важных районах Волго-Камья под общим главенством уральских гуннов и появившихся чуть позже в союзе с ними (после возвращения гуннов из Европы) присырдаринских гуннов-эфталитов (Джетыасарский тип, гунно-кангюйский ИКК). Безусловно, столь бурные процессы привели не только к культурной трансформации, но и к вероятному оттоку приуральских угров в восточном направлении. Вероятность этого вектора связана с тем, что с запада этот регион ограничивается не столько естественным препятствием – Волгой, сколь обитанием здесь обширного славяно-финского мира, который к тому же активизируется к середине I тыс. Одновременно с этим в северное Среднее и Верхнее Прикамье с III в. н.э. начинается проникновение зауральского гунно-сарматского и лесостепного (кашинско-прыговского) населения, что приво-

дит к формированию харинского этапа ломоватовской и ранненеволинской культур [Генинг, 1959, с. 184–187; Викторова, Морозов, 1993, с. 174–181]. Проникновение на территорию Приоболья гунно-сарматского населения с первых веков новой эры привело к установлению новых культурных норм в среде позднесарматских племен, что отразилось на погребальном обряде и вещевом материале – преобладание индивидуальных захоронений в узких прямоугольных ямах, наличие гробовых конструкций, северная ориентировка, появление деформации черепов, гунно-сарматский набор вещевого инвентаря (рис. 6) [Матвеева, 1994, с. 24, рис. 11; с. 38, 39, рис. 20, 21; с. 73, рис. 44–46; с. 78, рис. 47; с. 83, рис. 51; с. 84, рис. 52; с. 88, 89, рис. 54, 55; с. 91, 92, рис. 56, 57; Корякова. Булдашов, Потро, 1997, рис. 3, 6; 12, 1; 13; 16, 2; 18; 19; 20; 21; 22; 27, 2–4; Хабдулина, 1994, табл. 46, 48, 49].

Таким образом, вероятнее всего с первых веков новой эры (II–III вв.) и в лесостепном Приуралье и в Зауралье установилась некая гуннская доминанта, которая и лежала в основе культурных трансформаций и межплеменных взаимодействий. По всей видимости, первоначально эти перемещения населения были обусловлены общей этно-культурной близостью племен Приуралья, Зауралья и Западной Сибири (II–III вв.), а на заключительном этапе, оно было связано с активностью позднегуннского населения, вернувшегося в Урало-Аральский регион после центральноевропейских походов. Втянутое в эту компанию позднепьяноборское, имендяшевское, раннебахмутинское, устремившееся на восток, возглавлялось вероятнее всего позднегунской верхушкой из числа населения, оставившего памятники турбаслинского и коминтерновского круга (рис. 12, 2, 3). Не случайно в этой связи в Зауралье (Каменный Амбар к-ны 4, 5, Аркаимское) и в Западной Сибири в памятниках переходного этапа, а также Сопка 2 (погр. 688), Ераска, Тугозвоново, появляются погребения с черепной деформацией, конем или частями лошади. Как известно черепная деформация была широко распространена как раннегуннский период среди позднесарматского и гунно-сарматского населения Казахстана и Урало-Поволжья, так и среди населения турбаслинской и джетыасарской культуры [Сунгатов, 1998, с. 108; Акимова, 1968, с. 71–72; Левина, 1996, ил. 31, 32]. При этом в позднетурбаслинских памятниках и погребениях Коминтерновский II могильника получает распространение помещение в могилу шкуры коня (рис. 11). Не углубляясь на вопросе исторических корней и территории появления традиции конских сопровождений, заметим главное, все эти параллели, в конечном счете, указывают на то, что в гуннский и позднегуннский период на территории камско-обского региона продолжает сохраняться и функционировать этно-культурное, хотя и весьма конкретическое, но единство. При этом гунское политическое господство, которое осуществлялось, скорее всего, на позднем этапе IV–V вв. ни в коей мере не изменило общеугорскую культурную доминанту, более того по точному определению А.А.Казакова гунское влияние на племена Верхней Оби подготовило благоприятную почву для последующей тюркизации этого региона [Казаков, 1996, с. 176].

Однако при этом не стоит считать, что процесс тюркизации этого макрорегиона протекал в одностороннем векторе (например, с востока на запад) и имел поступательный историко-культурный характер. Те раннетюркские инновации, имевшие место на одинцовском этапе верхнеобской культуры, о которой упоминалось выше, на наш взгляд не были решающими культурными преобразованиями в раннетюркский период VI–VIII вв.

В это время основные подвижки и этногенетические процессы происходят в средней части урало-сибирской археологической области. Продвижение угро-самодийского северного лесного населения в Поирышье и Притоболье (рис. 11, 19), которое наметилось на рубеже эр на сперановском этапе подчевашской культуры, наибольшую мощность приобретает с середины I тыс. н.э. Вероятнее всего это обусловливается благоприятными условиями, которые складываются на Среднем Иртыше и Притоболье с окончательным распадом саргатской общности и перераспределением основных этнополитических очагов внутри Камско-Обского региона, о чём говорилось выше. Попробуем проследить основные этапы культурогенеза, происходившего в Тобол-Иртышье в VI–VIII вв. Основная суть его, в конечном счете, сводится к выявлению истоков формирования памятников кушнаренковско-караякуповских типов, которые, по мнению большинства исследователей, соотносятся с культурой средневековых угрлов и башкир Урала.

Как известно кушнаренковские памятники появляются в центральных и западных районах Башкортостана и Татарстана в VI в. и встречаются здесь вплоть до VIII в. [Казаков, 1981] (рис. 11, 20; 13, 3, 4, 6–53). В их составе в абсолютно подавляющем количестве в поселенческих комплексах присутствуют образцы керамики, которые соотносятся с раннекараякуповским типом керамики. Этот тип керамики характеризуют сосуды с прочерченным (зигзаг, елочка) многорядным орнаментом, «жемчужинами», наколами. Погребальные комплексы с карайкуповской керамикой районируются в наиболее восточных районах Башкирии и Южного Зауралья, вплоть до Притоболья [Овчинникова, 1988. Рис. 1] (рис. 13, 31). Здесь они встречаются фактически в преобладающем (над позднекушнаренковскими) количестве и датируются не ранее конца VIII в., существуя до X в. Кушнаренковские образцы в классическом представлении об этом типе (плоскодонные крынкообразные сосуды, орнаментированные многорядными поясками горизонтальных линий, косых насечек, и с обязательным присутствием различных образцов фигурного штампа) [Мажитов, 1977; Генинг, 1972, с. 271] в Зауралье встречаются крайне редко. Известен один случай находок нескольких фрагментов керамики с характерным штампом в виде «гусеничек» из верхних слоев стоянки Веселовка I на реке Ай [Боталов, 2000. Рис. 42]. Возможно, сказывается недостаточная изученность территорий лесостепного Зауралья. Однако мы склонны предположить, что данная ситуация обусловлена особой природой и динамикой этнокультурных процессов, происходивших в этом регионе в конце раннего железного века и раннем средневековье. По вопросу происхождения карайкуповских памятников большинство исследовате-

лей сходятся во мнении, что для территории Приуралья население этой культуры пришлое. Исходным районом расселения кааякуповцев является территория Южной Сибири (Обь-Иртышья) и Южного Зауралья [Генинг, 1972, с. 272; Матвеева, 1975, с. 21; Мажитов, 1977, с. 74; Могильников, 1983, с. 89].

Попытаемся обосновать зауральские истоки возникновения кааякуповского культурного комплекса. Безусловно, определяющее значение в этом случае играет керамический материал. С этой целью нами приводится сравнительная таблица керамической посуды, встречающейся в лесостепных памятниках Зауралья и Западной Сибири с первой половины I тыс. до н. э. до кааякуповского периода включительно. Из таблицы хорошо видно, что основные формы кааякуповских сосудов складываются в предшествующий период. Так, керамика кашинского типа (первая половина I-го тыс.) представлена приземистыми круглодонными горшками со слабо отогнутым невысоким венчиком (рис. 13, 75–77, 89–92, 101–103, 117, 118, 130, 131, 141, 142, 152). Вторая группа прыговского типа (конец I тыс. до н. э.– начало I тыс. н. э.) представлена круглодонными сосудами с шаровидным туловом и высокой отогнутой шейкой (рис. 13, 7–15, 26, 27, 29, 39, 41, 42, 54, 57). Данные формы керамики фактически клишируются в кааякуповских образцах. Повторяются и орнаментальные традиции. Зональность (верх плеча, венчик сбоку и сверху) и элементы орнаментации (гребенчатый штамп, зигзаги, вертикальная и горизонтальная елочка) на кашинских сосудах, а также на прыговских (резные линии, многорядные зигзаги, горизонтальная и вертикальная елочка) сосудах продолжают развиваться в кааякуповское время. Различием в формах керамики и орнаментальных мотивах кашинско-прыговского и кааякуповского комплексов является бульшая изящность и тонкостенность кааякуповских сосудов. В орнаментации присутствует более отчетливая зональность. Она достигается своеобразной отбивкой орнаментальных зон прочерченными многорядными линиями (рис. 13, 43–46, 78, 80, 107, 108–110, 121, 122, 146) или оставлением незаполненных поясков (рис. 13, 30, 59, 60, 93, 157). Появляются также новые элементы: ярко выраженная строгая зональность в орнаментах, наколки, «жемчужины», а также своеобразные ромбические или квадратные шахматные узоры, выполненные гребенчатым штампом, имитирующие фигурно-штамповую орнаментацию (рис. 13, 63, 78, 80, 94, 106, 120, 134). Эти инновации привнесены в кааякуповский комплекс, вероятно, вместе с притоком лесного угро-самодийского населения – носителей культуры с фигурно-штамповой орнаментацией керамической посуды. Ареал этих племен, сложившихся ранее на основе кулайской общности, включает обширные территории Обь-Иртышья [Расторопов, 1993, с. 145]. Образцы с фигурно-штамповой орнаментацией появляются в Южном Зауралье – молчановские (городище Туман I, Уфа IV, Мурино, Янычково, Больше Бакальское, Коловское) и на юге Западной Сибири – потчевашские (городища Логиновское, Инкуль, могильники Лихачевский, Сабурово) в IV–VI вв. н.э. [Викторова, Морозов, 1993, с. 176. Рис. 2; Матвеева, 2006] (рис. 13, 104, 119, 132, 133, 143, 144, 153–156).

Однако, здесь следует сделать одно очень существенное дополнение. В данной таблице рассматривается кааякуповская керамика из комплексов не ранее конца VIII в. (Байрамгулово, Граулты, Наровчатский, Кайнсай, Старолыбаево, Хусаиново, Бекешево и др.), поэтому перечисленные инокультурные элементы в этих сосудах присутствуют в единичных случаях. Преобладающая часть сосудов имеет характерную для зауральских горшков предшествующего периода зональность в орнаментации и абсолютное преобладание различных композиций гребенчатого штампа. В отличие от этого классические образцы раннекааякуповской керамики, появившиеся в поселенческих комплексах центрального Башкортостана, несут на себе в большей степени основные черты, которые стали определяющими для ранних комплексов кааякуповского типа: многорядные резные зигзаги, «елочки», «жемчужины», наколы. Как явствует из таблицы, эти элементы более характерны для позднесаргатских и прыговских памятников лесостепного Притоболья и Западной Сибири (рис. 13, I, II, 7–15, 26–29, 54).

Вероятнее всего, приток этого нового населения имел важное значение в сложении кааякуповской культуры, однако, как уже было упомянуто выше, основные формы керамики и орнаментальные традиции в кааякуповском комплексе своими корнями уходят к кашинско-прыговским образцам, а те, в свою очередь, складываются под воздействием саргатских и иткульских традиций. Это также довольно хорошо иллюстрируется левой стороной таблицы (рис. 13, I, IV, V).

Данная ситуация довольно ярко наблюдается на материалах керамического комплекса Большого Бакальского городища [Потемкина, Матвеева, 1997], где на материалах единого, с нашей точки зрения*, горизонта одновременно наблюдаются наличия по меньшей мере четырех типологических групп и, вероятно, культурных компонентов. 1-я, собственно, бакальская с резным гребенчатым и накольчательным орнаментом [Потемкина, Матвеева, 1997, рис. 6–8], совершенно справедливо помещаемая К.В.Сальниковым к IV–VII вв. [Сальников, 1956, с. 214]. 2-я – логиновско-лихачевская группа подчевашской керамики (средневековая по Потемкиной и Матвеевой) [Потемкина, Матвеева, 1997, рис. 5, 1, 4, 5, 6, 7], датируемая VI–VII вв. [Генинг, Евдокимов, 1969, с. 125]. 3-я – прыговско-кашинская, возможно батырская и неволинская с ложношнуровой и гребенчатой орнаментацией (юдинская по Потемкиной и Матвеевой) [Потемкина, Матвеева, 1997, рис. 10], датируемая серединой – началом второй половины I тыс. н.э. [Викторова, Морозов, 1993, с. 174–183]. И, наконец, 4-я группа – кушнаренковско-кааякуповская керамика (средневековая, юдинская по Потемкиной и Матвеевой) [Потемкина, Матвеева, 1997, рис. 5, 1, 2; 6, 6], которая тоже не выходит за рамки VI–VIII вв.

Таким образом, материалы Большого Бакальского городища демонстрируют процесс культурной трансформации, происходившей в Южном Зауралье в V–VII вв. н.э., в результате чего, вероятнее всего, на территории в начале Тобольско-

* Эти выводы позволяют сделать предварительные результаты полевых исследований Большое-Бакальского городища в 2006 году.

го, а позже и Камского бассейна, происходили не просто формирования кушнаренковско-караякуповского горизонта, но и локальное восстановление и интеграция культур уgro-самодийского единства.

Как в целом выглядел процесс культурных трансформаций? Существенные изменения, произошедшие в среде населения Южного Зауралья в начале второй половины I тыс. н.э., имели кардинальное значение для смены состава населения или значительного изменения материальной культуры. Вероятнее всего, западно-сибирское уgro-самодийское население (носители фигурно-штамповой керамики – памятники батырского типа и потчевашской (логиновско-лихачевской) культуры) (рис. 15) в этот период активно взаимодействует с зауральскими лесостепными угорскими племенами (позднесаргатские памятники и комплексы бакальского, кашинско-прыговского и неволинского типов). Последние, в свою очередь, в это же время находятся под мощным влиянием со стороны кочевого гунно-сарматского населения (комплексы типа Байрамгулово, к-н 2, Малково, к-н 1) [Боталов, 2000, с. 286–287]. Вероятнее всего, западно-сибирское молчановско-потчевашское и зауральское позднесаргатское кашинско-прыговское население были весьма близки в этнокультурном плане. На это указывает единство погребальных традиций. Для этих памятников характерны курганные погребения семейными группами, в неглубоких могильных ямах, с наличием деревянных перекрытий, рам, обкладки стен, особое использование бересты для покрытия или обертывания покойников, господство северной или западной ориентировок, частые случаи ритуального разрушения погребений [Могильников, 1987, с. 165–168; Генинг, Зданович, 1987; Корякова, Булдашов, 1997, с. 130–137; Матвеева, 1994, с. 113–118; Корякова, 1988, с. 44–59]. Микширование данных групп населения, произошедшее в середине I тыс. н.э., окончательно сгладило культурные особенности потчевашско-батырского и позднесаргатского кашинско-прыговского типов. По всей видимости, Южное Зауралье являлось своеобразным транзитным районом для западно-сибирских уgro-самодийских племен. Их миграция началась во второй половине I тыс. н.э. Вначале они проникают в Среднее Притоболье, далее, перейдя через Зауралье вдоль Исети и Миасса, по долине Ая, пересекают Уральский хребет (стоянка Веселовка I). Выйдя в Мясогутовскую степь (ранние Лагеревские курганы), они расселяются в бассейнах рек Белой и Камы (рис. 12, 20). После чего здесь появляются памятники с кушнаренковской и раннекараякуповской керамикой VI–VIII вв. Такая реконструкция позволяет объяснить сохранение в кушнаренковской посуде более выраженных элементов и традиций орнаментации фигурно-штампованныго облика.

На следующем этапе зауральское караякуповское население, окончательно сформированное к концу VIII века в результате диффузии местного угорского населения (кашинско-прыговского и неволинского типов) и переселенцев из юго-западной Сибири (молчановско-потчевашского типа), освоило обширные территории Южного Зауралья и Приуральских предгорий. К IX в. на юге они достигли среднего течения реки Урал и бассейна Сакмары (Наровчатский, Тавлыкаев-

ский), где вступили в контакт с тюркским населением селенташского типа (Кайнсай, к-н 14, Селенташ, к-н 4) [Боталов, 2000, с. 289–317]. Крайне западным районом проникновения кааякуповцев (второго этапа) являются низовья реки Камы, где появляются общеизвестные памятники: Больше-Тигановский, Больше-Тарханский, Чишмийский, Танкеевский и другие погребальные комплексы.

Столь значительный отрыв западной группы памятников (почти на 1000 км) от автохтонных территорий наводит на мысль о том, что на этом этапе единоразовая миграция (либо постепенное освоение) кааякуповцев протекает маршрутом, по которому почти три века ранее расселилось кушнаренковское и раннекааякуповское население: Мясогутовская степь (Лагеревские, Каракаевские, Старо-Халимовские курганы), далее, минуя бассейн Уфы и Белой, в Нижнее Прикамье (Больше-Тиганский, Танкеевский, Чишминский и др. могильники). Однако, в отличие от первого этапа, надежно датируемые кааякуповские памятники IX–X вв. в приуральском Башкортостане фактически отсутствуют. Исключение составляют Стерлитамакские и Ишимбаевский курганы, расположенные в предгорной части Южного Приуралья. Складывается впечатление, что позднее Кааякупово районируется в это время в двух ареалах. Большой – «вокруг Урала», по образному выражению В.А. Иванова [Иванов, 2000, с. 35–37], и малый – в Низовьях Камы (рис. 13). Таким образом, кушнаренковский (VI в.) и кааякуповский (IX в.) миграционные этапы, на наш взгляд, были существенно различными по своему характеру и содержанию культурными явлениями. Предположить, что весь лесостепной пояс от Тобола до низовий Камы (включая весь Башкортостан и Восточный Татарстан) был единым ареалом расселения, длительного сложения и существования единого населения кааякуповской культуры, следуя логике нашей реконструкции, довольно сложно. Хотя, теоретически этот факт исключать нельзя. По известному мнению ряда авторов, кааякуповские памятники IX–X вв. лесостепного Урала, как и аналогичные им нижнекамские комплексы, связаны с угро-мадьярским населением [Халикова, 1976, с. 145–150; 1975, с. 35–42; 1976; Иванов, 1999, с. 80–81; 2002; Халиков, 1984, с. 45–47]. Учитывая тот факт, что комплексы типа Больше-Тиганского могильника появляются в Прикамье в своем законченном облике в IX в., хотя, в отличие от зауральских, здесь они не имеют своих культурных истоков, следует предположить, что кааякуповские (мадьярские) комплексы появляются в этих районах Татарстана в период движения на запад. Этот этап, как известно, падает на последнюю четверть IX в. Интересен тот факт, что динамика движения древневенгерского населения фиксируется, в определенной степени, в пределах Татарстана. В рамках этого региона крайнее восточное положение занимают наиболее ранние комплексы Больше-Тиганского могильника (IX–X вв.), крайнее западное – наиболее поздние раннеболгарские комплексы Больше-Тарханского, Танкеевского и др. могильников X–XI вв., в материалах которых прослеживаются яркие черты древневенгерского культурного облика [Халикова, 1976; Казаков, 1972].

Предложив свою реконструкцию карайкуповского культурогенеза, мы не вправе не упомянуть еще одну весьма важную точку зрения, которую отстаивает глубоко уважаемый нами Н.А. Мажитов относительно этнокультурной интерпретации данных памятников. В его изложении карайкуповская культура принадлежит средневековым башкирам [Мажитов, 1977, с. 39–43; Мажитов, Султанова, 1994, с. 122–180]. Как нам представляется, до сегодняшнего дня эти две точки зрения – угро-мадьярская и тюрко-башкирская существуют автономно, хотя и та и другая содержат в своей сути рациональную основу. Наша точка зрения по данному вопросу, уже намеченная ранее [Боталов, Бабенков, 1998; Боталов, 2000, с. 360–365], не при妥协ает, но своеобразно интегрирует все приведенные представления.

Итак, миграционный импульс угро-самодийского населения из степных и лесостепных районов Западной Сибири привел к появлению в VI в. в бассейне рек Белой, Ика и Камы памятников кушнаренковско-карайкуповского облика в нерасчлененном виде. В последующий период (VI–VIII вв.) здесь идет активное взаимодействие пришельцев с местным бахмутинским и турбаслинским населением [Мажитов, 1977, с. 31]. В Зауралье данный импульс приводит к перегруппировке лесостепного угорского населения юго-западной Сибири и Южного Зауралья (кашинско-прыговские, бакальские и позднесаргатские комплексы) и смешения его с угро-самодийскими племенами лесных районов Южного Зауралья и Западной Сибири (батырско-потчевашкие (логиновско-лихачевские) памятники), что приводит к формированию к VIII в. карайкуповской культуры второго этапа. Основным районом этих памятников являются ландшафтно схожие зоны мясогутовской и причелябинской лесостепи, расположенные по обеим сторонам Уральского хребта.

Расширение этого ареала происходит в VIII–IX вв. в меридиональном направлении вдоль предгорной полосы Приуралья (Стерлитамакские, Ишимбаевские курганы) и Зауралья (Хусаиновские, Бекешевские I и II, Наровчатские, Муракаевские курганы). Вероятно, эта динамика очерчивает ареал сезонных кочевых циклов данного населения. Кроме того, в период VI–VIII вв. в степных районах Южного Урала начинается активное взаимодействие кушнаренковско-карайкуповского населения с тюркскими кочевниками, оставившими здесь памятники селенташского типа (Султантемирский, Нижнедавлетовский, Башевские, Кайнсай, Селенташ, Елантау и др.).

На следующем этапе (VIII–IX вв.) начинается продвижение кимако-кыпчакского строцкинского населения из районов Прииртышья (рис. 12, 18). По своему этнокультурному облику это племена, относящиеся к кругу тюркизированного угорского населения юго-западной Сибири [Савинов, 1979; 1984; Неверов, 1988; Молодин, Савинов и др., 1988, с. 164–167].

Образно говоря, продвинувшееся с востока из Приобья и Барабы население является конечным результатом культурных трансформаций угорского населения этих районов, длительное время находившихся в непосредственном взаимодействии с тюроками Алтая и Саян (юрт-акбалыкский этап Верхнеобской культуры).

ры). Как следует из общей логики, вновь пришедшее население в определенной мере ранее было родственное, по крайней мере, единокультурным в рамках большого Урало-Сибирского единства.

Возможно это обстоятельство, с одной стороны, усилило и ускорило процесс тюркизации южно-уральского лесостепного населения, с другой – привело к движению остающиеся более угрокультурными калякуповских племен на запад и переселению части его в нижнее Прикамье (Больше-Тигановский могильник) (рис. 12, 21).

Данные перемещения в конечном своем результате приводят к резкому оттоку угорского (калякуповского) южно-уральского населения и сложению здесь к X в. памятников синеглазовского типа (Синеглазовские, поздние курганы Карапаевского, Лагеревского, Муракаевского и др. могильников) [Боталов, 1987; 1988; Мажитов, 1981], характеризуемых комплексами, в которых исчезает традиция установки в могилу керамической посуды, и появляются характерные предметы «сросткинского облика» (удила с перекрученными восьмерковидными окончаниями, с костяными псалиями в виде «сапожка» или «ласточкиного хвоста», трехлопастные бронебойные наконечники и др.).

Проникновение кимако-кыпчакского населения на Южный Урал и уход мадьяр, вероятно, звенья единого этнополитического процесса. В письменных источниках это событие отразилось в сведениях Абул-Гази. В легенде об Огуз-хане указывается на то, что для усмирения взбунтовавшихся народов – урусов, олавков, маджар и башкорт – Огуз-хан посыпает младшего сына Кыпчака [Кононов, 1958, с. 43]. Это событие, по сведениям Масуди, относится к началу X в. Обращает внимание то, что мадьяры (маджары) упоминаются в связке с башкирами (башкорт). Этот факт отнюдь не случаен. Ал Масуди, упоминая о племенах мадьяр и башкорт в Причерноморье, говорит о них также в едином контексте [Кузеев, 1971, с. 21; Бейлис, 1963, с. 12]. Константин Багрянородный также, приводя список венгерских племен Паннонии X в., в одном ряду помещает мадьяр (медьяр) и башкирские племена – дьярмат, генах, кеси (юрмат, еней, кеси) [Багрянородный, 1989, с. 163; Мажитов, Султанова, 1994, с. 134].

Приводимые данные позволяют предполагать, что башкорт и мадьяр были весьма близкими в этнокультурном плане племенными объединениями, что позволяет говорить о схожести их материальных культур. Следовательно, калякуповская культура на каком-то этапе могла с равным успехом принадлежать и первым и вторым. Однако, с мадьярским исходом, на смену собственно калякуповским комплексам приходят уже упоминавшиеся памятники X–XI вв. На Урале это комплексы Синеглазово, Карапаевского, Лагеревского могильников, а также Житимакские, Муракаевские, Тавлыкаевские, Идельбаевские, Кольчевские курганы. В Западном Казахстане к этому кругу относятся курганы Атпа II (к-н 2), Болгарка I, Эмба, Турбаза (к-н 1), Уркач I [Гуцалов, 1993]. В возникновении их А.А. Бисембаев справедливо склонен усматривать влияние со стороны угорского и башкирского ареалов [Бисембаев, 2001, с. 154–155]. Вероятнее всего, в этот период возобновля-

ется функционирование Урало-Аральской пастбищно-кочевой системы, в рамках которой и складывается ареал этнического объединения башкорт [Кузеев, 1971].

Таким образом, мадьярский исход кардинально изменил этническую карту южно-уральского региона. Угорская культурная доминанта к X в. постепенно уступает место тюркскому господствующему влиянию на лесостепное и степное население Южного Урала. Не случайно, что с этого времени в письменных источниках, касающихся народов Восточной Европы, постепенно исчезает этнический мадьяр и ему на смену приходит описание народа или страны башкорт, баскарт, башкир (Ал Масуди, Ал-Балхи, Ибн Фадлан, Ал Идриси).

Однако угорская компонента полностью не исчезает как этническая составляющая населения Южного Урала. Вероятно в конце IX–X вв. часть уgro-самодийского населения Зауралья переселяется на север в Сургутское Приобье, где с этого периода появляются известные сайгатинские, а также погребальные и святилищные памятники Барсовой Горы с ярким кочевническим комплексом в вещевом инвентаре и культово-погребальных традициях (рис. 12, 23). Вероятнее всего этот импульс явился решающим моментом в этногенезе народов хантов и манси. Отток угорско-мадьярского населения из уральской лесостепи приводит к новому этапу переселения в эти районы лесного зауральского угорского населения петрогромско-макушинского и позднебакальского (лыбаевского) типов, которое к X–XI вв. занимает более северные лесные и лесостепные районы Среднего и Южного Зауралья (Серный Ключ, Иткуль, Смолино, святилище Ужовый Остров III, Малышево), где встречена характерная керамика с крупногребенчатым и ложношнуровым штампом. Западная миграция этого населения приводит к появлению вначале в Мясогутовской лесостепи и бассейне реки Уфы комплексов мряслимовского типа (Мряслимовские, поздне Каранаевские, Идельбаевские, Муракаевские курганы) и затем памятников чияликского типа в низовьях рек Камы и Белой [Казаков, 1978, с. 67–75; Гарустович, Иванов, 1992, с. 25], которые существуют здесь до XIV в. (рис. 12, 22).

Таким образом, вероятнее всего с X в. в пределах Южного Урала сосуществовали и активно взаимодействовали два этнических ареала: южный (лесостепь, степь) – тюрко-культурный (башкирский, кимако-кыпчакский) и северный (лес, лесостепь) – угорский (протоманский, пермский, чудской).

Урало-Сибирское этнокультурное единство вступило в новый этап своей интеграции, которая претерпела впоследствии монгольское, калмыцкое, джунгарское нашествие и русскую колонизацию сохранилось, и по сей день как тюрко-угорское единство народов Урало-алтайской историко-этнической области.

Литература

- Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н., 1997. Типология поселений Алтая 6–2 вв. до н.э. Барнаул.
 Акимова М.С., 1968. Антропологии древнего населения Приуралья. М.
 Багрянородный Константин, 1934. Об управлении государством // ИГАИМК. Вып. 91.
 Багрянородный Константин, 1989. Об управлении империей. М.
 Бейлис В.М., 1963. Сочинения Ал-Масуди как исторический источник по истории Вос-

- точной Европы X в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Бейсенов А.З., 1997. Погребальные памятники и культово-ритуальные сооружения древнихnomadov Центрального Казахстана (VII—I вв. до н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы.
- Бельгибаев М.Е., Белый А.В., 2002. Аридизация почв и ландшафтов с semiаридной зоны Казахстана // География и природные ресурсы. № 3.
- Бельтикова Г.В., Борзунов В.А., Корякова Л.Н., 1991. Некоторые проблемы археологии раннего железного века Зауралья и Западной Сибири // ВАУ. Свердловск.
- Берлизов Н.Е., Каминский В.Н., 1993. Аланы, Кангюй и Давань // Петербургский археологический вестник. № 7.
- Берсенева Н.А., 2005. Погребальная обрядность населения Среднего Прииртышья в эпоху раннего железа: социальные аспекты. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург.
- Биссембаев А.А., 2001. Памятники VIII–IX вв. на территории Западного Казахстана // XV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Оренбург.
- Борзунов В.А., 1992. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков. Екатеринбург.
- Бородовский А.П., 1988. О реконструкции костюма племен новосибирского Приобья VI–VII вв. // Источники и историография: археология и история. Омск.
- Боталов С.Г., 1987. Курган у оз. Синеглазово (по раскопкам Н.К. Минко и С.А. Гатцука) // Ранний железный век и средневековые Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.
- Боталов С.Г., 1988. Культурно-хронологическая принадлежность Синеглазовских курганов // Проблемы хронологии урало-казахстанских степей. Челябинск.
- Боталов С.Г., 2000. Поздняя древность и средневековые // Древняя история Южного Зауралья. Т. 2. Челябинск.
- Боталов С.Г., 2003. Саргатские памятники Урало-Казахстанских степей и среднеазиатских оазисов III–I в. до н.э. // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 2. Уральск.
- Боталов С.Г., 2006. Срединная Евразия в начале эпохи Поздней Древности // История и истории. Сб. научных трудов выпускников и преподавателей исторического факультета ЧГПИ. Челябинск.
- Боталов С.Г., Бабенков К.Н., 1998. Памятники VIII–IX вв. горно-лесного Урала и лесостепного Зауралья // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (вопросы хронологии). Самара.
- Боталов С.Г., Григорьев С.А., Зданович Г.Б., 1996. Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника (публикация результатов археологических раскопок 1988 года) // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск.
- Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю., 2000. Гунно-сарматы урало-казахстанских степей. Челябинск.
- Булдашов В.А., 1998. Погребальная обрядность гороховской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.
- Булдашов В.А., 2001. Могильник эпохи раннего железа Мурзино I // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. X. Москва–Магнитогорск.
- Варенов А.В., 1996. Датировка оружия, изображенного на оленевых камнях монголо-забайкальского типа и проблема археологических памятников сюнну // 100 лет хунниской археологии: Номадизм – прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе: Гуннский феномен. Улан-Удэ.

- Варенов А.В., 1998. Южносибирские культуры эпохи ранней и поздней бронзы в восточном Туркестане. // Гуманитарные науки в Сибири. № 3. Новосибирск.
- Васюткин С.М., 1986. Салиховский курганный могильник конца IV–V вв. в Башкирии // СА. № 2.
- Викторова В.Д., Морозов В.М., 1993. Среднее Зауралье в эпоху позднего железного века // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург.
- Вохменцев М.П., 2000. Энеолит лесостепного Приоболья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Гадло А.В., 1979. Этническая история Северного Кавказа IV–Х вв. Л.
- Гарустович Г.Н., Савельев Н.С., 2004. Исследования памятников эпохи бронзы – раннего железного века в горном течении реки Белой (к вопросу об этнокультурных реалиях на Южном Урале) // Уфимский археологический вестник. Вып. 5.
- Гарустович Г.Н., Иванов В.А., 1992. Ареал расселения угров на Южном Урале и в Приуралье во второй половине I – начале II тыс. н. э. // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья. Ижевск.
- Генинг В.Ф., 1959. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа. ТКФАН. Серия гуманитарных наук. Вып. II.
- Генинг В.Ф., 1963. Азелинская культура. III–V вв. ВАУ. Вып. 5.
- Генинг В.Ф., 1972. Южное Приуралье в III–VII вв. (Проблема этноса и его происхождение) // Проблемы археологии и древней истории угров. М.
- Генинг В.Ф., 1988. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. М.
- Генинг В.Ф., 1993. Большие курганы лесостепного Приоболья (IV–II вв. до н.э.) // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург.
- Генинг В.Ф., Голдина Р.Д., 1969. Поселение Кокуй I // ВАУ. Вып. 8.
- Генинг В.Ф., Евдокимов В.В., 1969. Логиновское городище // ВАУ. Вып. 8.
- Генинг В.Ф., Зданович С.Я., 1987. Лихачевский могильник на реке Ишим – памятник подчевашской культуры VI–VIII вв. н.э. // Ранний железный век и средневековые Урало-Иртышского Междуречья. Челябинск.
- Генинг В.Ф., Стефанов В.Н., 1993. Поселения Черноозерье, Большой Лог и некоторые проблемы бронзового века лесостепного Прииртышья // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург.
- Гиренко Н.М., 1991. Социология племени. М.
- Гмыря Л.Б., 1995. Страна гуннов у каспийских ворот. Махачкала.
- Горбунов В.С., 1993. Некоторые проблемы периодизации и хронология культур эпохи бронзы Волго-Уральской лесостепи // Хронология памятников Южного Урала. Уфа.
- Горбунов В.В., 2004. Этнокультурная ситуация на территории лесостепного Алтая в эпоху «Великого переселения народов» // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии: Сб. науч. тр. Барнаул.
- Григорьев С.А., 2000. Металлургическое производство на Южном Урале в эпоху средней бронзы // Древняя история Южного Зауралья. Т. 1. Челябинск.
- Грязнов М.П., 1956. К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири // КСИ-ИМК. № 64.
- Гумилев Л.Н., 1993. Древние Тюрки. М.
- Гуцалов С.Ю., 1993. Погребение средневекового воина в восточных отрогах Мугоджар // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург.
- Гуцалов С.Ю., 1998. Культовый комплекс по горе Жилантау // Уфимский археологический вестник, № 1. Уфа.

- Данченко Е.М., 1991. О связях лесостепного и лесного населения Прииртышья в середине – 2-ой половине I тыс. до н.э. // Проблемы изучения саргатской культуры. Омск.
- Демкин В.А., 1997. Палеопочвоведение и археология: интеграция в изучении истории природы и общества. Пущино.
- Демкин В.А., Рысков Л.Г., 1996. Динамика палеоэкологических условий в волго-уральских степях – проблема миграций ранних кочевников // 100 лет гуннской археологии: Номадизм – прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе: Гуннский феномен. Улан-Удэ.
- Демкин В.А., Рысков Л.Г., 1996а. Палеоэкологические условия сухостепного Предуралья во II тыс. до н.э. – I тыс. до н.э. и их роль в жизни населения бронзового и раннележевого веков // Курганы левобережного Илека. Вып. 4. М.
- Довганюк Н.П., 1997. Находки китайских стеклянных изделий на территории Западной Сибири // Россия и Восток: археология и этническая история. Омск.
- Древние погребения Обь-Иртышья, 1991. Омск.
- Егоров Я.В., 1993. Новое исследование погребения воина эпохи Великого переселения народов на Алтае. // Культура древних народов Южной Сибири. Сб. науч.статей. Барнаул.
- Елагин В.С., Молодин В.И., 1991. Бараба в начале I тыс. н.э. Новосибирск.
- Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К., 2005. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. № 4.
- Зах В.А., Рябогина Н.Е., 2005. Ландшафты и человек в среднем и позднем голоцене лесостепного Тоболо-Ишимья // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4.
- Зах В.А., Скочина С.Н., Пархимович С.Г., 2005. Грунтовый могильник Чепкуль 21 на севере Андреевской озерной системы // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Вып. 6. Тюмень.
- Зенин В.Н., 2002. Основные этапы освоения Западно-Сибирской равнины палеолитическим человеком // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4.
- Иванов В.А., 1999. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. Уфа.
- Иванов В.А., 2002. Древние угры вокруг Урала // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Тез. докл. конф. Челябинск.
- Иванов И.В., 1992. Эволюция почв степной зоны в голоцене. М.
- Иванов И.В., 2000. Причины колебаний уровня Каспийского моря в голоцене по данным палеогеографии и палеопочвоведения // Водные ресурсы. Т. 27. № 3.
- Иванов И.В., Васильев И.Б., 1995. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М.
- Иванов И.В., Луковская Т.С., 1998. Динамика природных условий, почвообразования и взаимодействие природы и общества в степях Евразии, некоторые вопросы палеогеографии голоцена // Экология и почвы. Избранные лекции I–VII школ (1991–1997 гг.). Т. I. Пущино.
- Иванов И.В., Чернявский С.С., 2000. Вопросы археологического почвоведения и некоторые результаты палеопочвенных исследований в заповеднике Аркаим // Археологический источник и моделирование древних технологий: труды музея-заповедника Аркаим. Челябинск.
- История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины, 1986. М.
- Исхаков Д.М., Измайлова И.Л., 2000. Этнополитическая история татар. Казань.
- Кабо В.Р., 1986. Первобытная доземледельческая община. М.

- Казаков Е. П., 1972. О некоторых венгерских аналогиях в вещевом материале Танкеевского могильника // Проблемы археологии и древней истории угротов. М.
- Казаков Е.П., 1978. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.
- Казаков Е.П., 1981. Кушнаренковские памятники Нижнего Прикамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань.
- Казаков Е.П., 1982. Об археологическом изучении раннебулгарского времени // Новое в археологии и этнографии Татарии. Казань.
- Казаков Е.П., 1996. К вопросу о турбаслинско-именьковских памятниках Закамья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара.
- Казаков А.А., Неверов С.В., 1991. Хронология и периодизация памятников середины 2-й половины I тыс. н.э. Верхнего Приобья // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул.
- Кирюшин Ю.Ф., 2002. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул
- Кляшторный С.Г., 1982. Гуннская держава на востоке (III в. до н.э. – IV в. н.э.) // История Древнего мира. М.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 1994. Степные империи Евразии. СПб.
- Ковалев А.А., 1987. О датировке оленного камня из кургана Аржан // Скифо-сибирский мир. Новосибирск.
- Ковалев А.А., 1998. Древнейшие датированные памятники скифо-сибирского стиля (тип Наньшаньгэн) // Древние культуры Центральной Азии. СПб.
- Ковригин А.А., Шарапова С.В., 1998. Культурно хронологические комплексы Прыговского городища // Взаимодействие саргатских племен с внешним миром. Омск.
- Кокшаров С.Ф., 1991. Хронология памятников бронзового века р. Конды // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург.
- Комплекс археологических памятников у г. Тепсей на Енисее, 1979. Новосибирск.
- Кононов А.Н., 1958. Родословная Туркмен. Сочинения Абул-Гази хана Хивинского. М.; Л.
- Корочкива О.Н., Стефанов В.И., 1983. Поселение федоровской культуры // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.
- Корочкива О.Н., Стефанов В.И., 1987. Поселение федоровской культуры // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.
- Корочкива О.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К., 1991. Культуры бронзового века предтаежного Тоболо-Иртышья (по материалам работ УАЭ) // ВАУ. Вып. 20. Екатеринбург.
- Корякова Л.Н., 1988. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск.
- Корякова Л.Н., 1991. Саргатская культура или общность? // Проблемы изучения саргатской культуры: Тез. докл. Омск.
- Корякова Л.Н., 1997. Гаевский могильник в контексте эволюции саргатской культурной общности // Культура Зауральских скотоводов на рубеже веков. Екатеринбург.
- Корякова Л.Н., Булдашов В.А., 1997. Погребальная обрядность // Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Екатеринбург.
- Корякова Л.Н., Булдашов В.А., Потро Ж.-П., 1997. Описание курганов и погребений // Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Екатеринбург.
- Косарев М.Ф., 1976. Бронзовый век Западной Сибири: Автореф. дис ... докт. ист. наук. М.
- Косарев М.Ф., 1981. Бронзовый век Западной Сибири. М.
- Косарев М.Ф., 1987. Бронзовый век Сибири и Дальнего Востока // Эпоха бронзы лесной полосы СССР (Сер. Археология СССР). М.
- Косинская Л.Я., 1984. Поселение Ир II // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск.

- Косинская Л.Л., 1998. Чернореченское I – поселение эпохи бронзы в г. Сургуте // Археология Западной Сибири. Нижневартовск.
- Крадин Н.Н., 1996. Империя хунну. Владивосток.
- Кривцова-Гракова О.А., 1948. Алексеевское поселение и могильник // Тр. ГИМ. Вып. XVII.
- Кузеев Р.Г., 1971. Урало-Аральские этнические связи в конце I тысячелетия н.э. и история формирования башкирской народности // АЭБ. Т. IV.
- Кузьмина Е.Е., 1986. О некоторых археологических аспектах проблемы происхождения индоиранцев // Переднеазиатский сборник. М.
- Кузьмина Е.Е., 1994. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.
- Кульпин Е.С., 1995. Генетические коды цивилизаций // Генетические коды цивилизаций. М. Культура зауральских скотоводов на рубеже эр, 1997. Екатеринбург.
- Кызласов Л.Р., 1977. Юкский курган Аржан и вопрос происхождения сакской культуры // СА. № 2.
- Ларин С.И., Матвеева Н.П., 1997. Реконструкция среды обитания человека в раннем железном веке в северной части Тоболо-Ишимской лесостепи (по палинологическим материалам археологических памятников) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень. Вып. 1.
- Левина Л.М., 1996. Этнокультурная история Восточного Приаралья. М.
- Лю Дуншэн, Дун Гуанжун, Ан Чжишэн, 1984. Природная обстановка пустынных и лесовых областей Китая // Доклады 27-го Международного геолог. конгресса. Секция С. 03. Четвертичная геология и геоморфология. М.
- Мажитов Н.А., 1968. Бахмутинская культура. М.
- Мажитов Н.А., 1977. Южный Урал VII–XIV вв. М.
- Мажитов Н.А., 1981. Курганы Южного Урала VII–XII вв. М.
- Мажитов Н.А., Султанова А.М., 1994. История Башкортостана с древнейших времен до XIV в. Уфа.
- Максименко В.А., 1978. Андроновская культура на Енисее. Л.
- Максименко В.Е., 1983. Сарматы на Нижнем Дону. Ростов.
- Максименков Г.А., 1975. Современное состояние периодизации эпохи бронзы Минусинской котловины // Первобытная археология Сибири. Л.
- Мануйлов А.Н., 1993. Сюнну: Традиции и обычаи // Музей. вест. Вып. I. Краснодар.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев А.М., Оразбаев А.М., 1966. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.
- Марсадолов Л.С., 2004. О необходимости и возможности создания единой хронологической шкалы памятников кочевых племен степей Евразии I-го тыс. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар.
- Матвеев А.В., 1993. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск.
- Матвеев А.В., Зах В.А., Волков Е.Н., 1997. Исследование энеолитического могильника Бузан 3 в Ингальской долине // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Вып. I. Тюмень.
- Матвеева Г.И., 1975. Памятники кара-якуповского типа в Приуралье // Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. Вып. V. Куйбышев.
- Матвеева Н.П., 1987. Ранний железный век Среднего Притоболья: Автореф. дис. канд. ист. наук. Новосибирск.

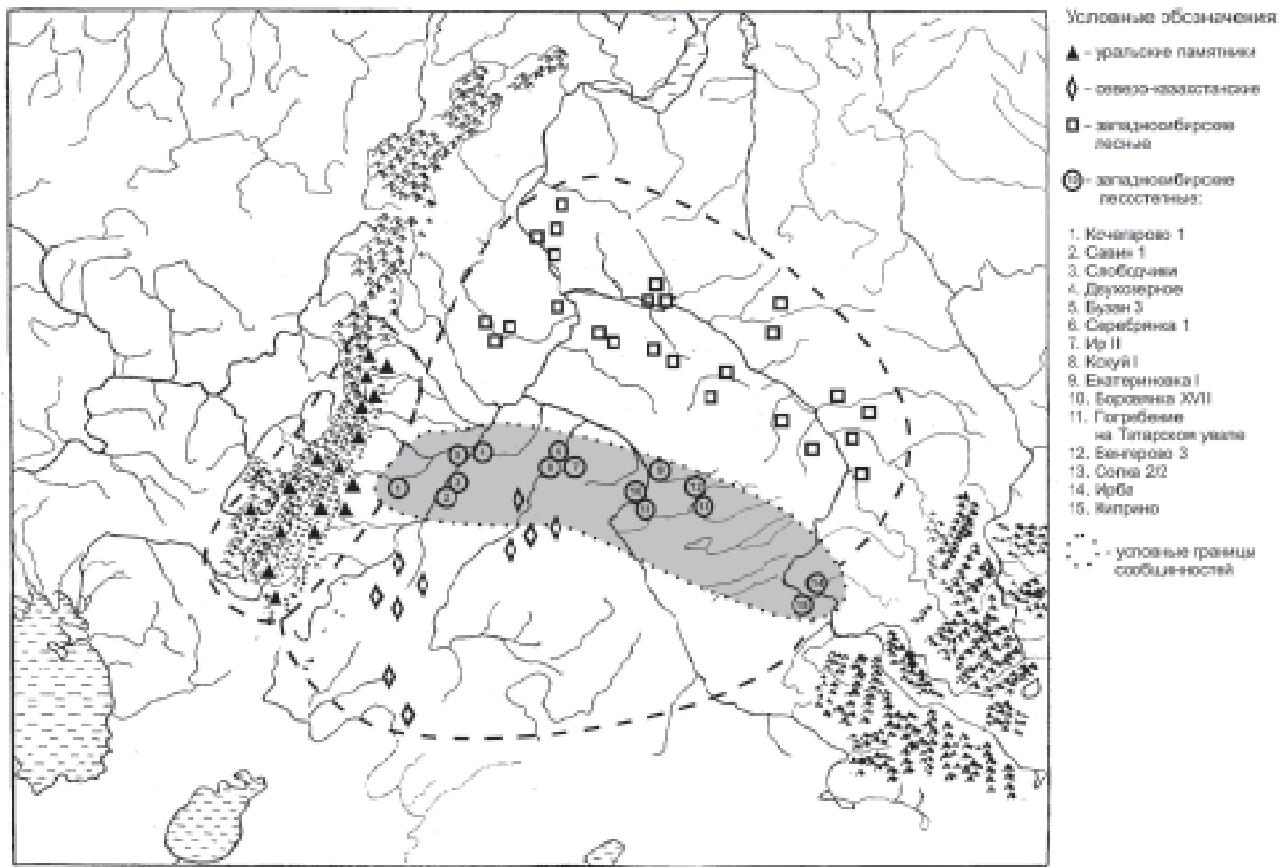
- Матвеева Н.П., 1989. Начальный этап раннего железного века в Тоболо-Ишимской лесостепи // Западно-Сибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень.
- Матвеева Н.П., 1991. О соотношении гороховских и воробьевских памятников в Среднем Притоболье // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень.
- Матвеева Н.П., 1993. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск.
- Матвеева Н.П., 1994. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск.
- Матвеева Н.П., 2006. Кушнаренковские комплексы в свете культурогенеза периода раннего средневековья в Зауралье // Современные проблемы археологии России. Материалы Всероссийского археологического съезда. Т. II. Новосибирск.
- Материалы по истории сюнну (по китайским источникам), 1968 / Пер. и прим. В.С. Таскина. Вып. I. M.
- Мелентьев А.Н., 1975. Керамика карасукского типа Северного Прикаспия // КСИА. Вып. 142.
- Могильник на острове Мольбышенский, 1988. Иошкар-Ола.
- Могильников В.А., 1972. К вопросу о саргатской культуре // Проблемы археологии и древней истории Урала. M.
- Могильников В.А., 1973. К этнокультурной характеристике западной Сибири в эпоху раннего железа // Из истории Сибири. Вып. 7. Томск.
- Могильников В.А., 1983. Об этническом составе культур Западной Сибири в эпоху железа // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск.
- Могильников В.А., 1986. Взаимоотношения кулайской и саргатской культур // КСИА. Вып. 186.
- Могильников В.А., 1987. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири в эпоху железа / / Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск.
- Могильников В.А., 1988. Работы алтайской экспедиции // АО. 1986. M.
- Могильников В.А., 1991. Некоторые проблемы изучения саргатской культуры // Проблемы изучения саргатской культуры. Омск.
- Молодин В.И., 1977. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск.
- Молодин В.И., 1998. Найдки керамики бегазы-дандыбаевской культуры в Синьцяне и их значимость для понимания культурно-исторических процессов в западных районах Центральной Азии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VI годовой итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН.
- Молодин В.И., 2001. Памятник Сопка 2 на реке Оми. Т. 1. Новосибирск
- Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С., Соболев В.И., Полосымак Н.В., Сидоров Е.А., Соловьев А.И., Бородовский А.П., Новикова А.В., Ким А.Р., Чикишев Т.А., Беланов П.И., 1988. Бараба в тюркское время. Новосибирск.
- Морозов Ю.А., 2004. Новые памятники курмантауской культуры в горной зоне верхнего течения р. Белой. // Уфимский археологический вестник. Вып. 5.
- Мосин В.С., 2003. Энеолитическая керамика Урало-Иртышского междуречья (сер. Этногенез уральских народов). Челябинск.
- Напольских В.В., 1997. Введение в историческую уралистику. Ижевск.
- Неверов С.В., 1988. История племен сросткинской культуры VII–XII вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. M.
- Новгородова Э.А., 1989. Древняя Монголия (некоторые проблемы хронологии и этно-

- культурной истории). М.
- Обыденнов М.Ф., 1997. У истоков уральских народов: экономика, культура, искусство, этногенез. Уфа.
- Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф., 1995. Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). Екатеринбург.
- Овсянников В.В., 1999. К характеру этнокультурных контактов в лесостепном Приуралье в позднесарматскую эпоху // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Челябинск.
- Овчинникова Б.Б., 1987. О зауральских памятниках сибирской этнокультурной области конца I – начало II тысячелетия н.э. // Ранний железный век и средневековые Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.
- Овчинникова Б. Б., 1988. Старо-Лыбаевское поселение // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск.
- Ольховский В.С., 2005. Монументальная скульптура населения западной части Евразийских степей эпохи раннего железа. М.
- Останина Т.И., 1997. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск.
- Панфилов А.Н., 1993. Многослойное поселение Серебрянка 1 в Нижнем Приишимье. Препринт. Тюмень.
- Пань Джянгли, Хуань Чунчанг, Чжань Чжаньпин, 2003. Микроморфологические и геохимические признаки изменений климата и почв Лёссового плато в голоцене // Почвоведение. № 2.
- Патрушев В.С., Халиков А.Х., 1982. Волжские ананьинцы. М.
- Песочина Л.С., Зайцев С.В., 1996. Палеопочвы курганного могильника «Покровка 7» как индикаторы природных условий раннесарматского времени // Курганы левобережного Илека. Вып. 4. М.
- Петров А.И., 1987. Периодизация и хронология памятников екатерининской культуры в Среднем Прииртышье // Источники по истории Западной Сибири (история и археология). Омск.
- Погодин А.Л., 2000. Военное снаряжение тяжело вооруженного воина Западной Сибири в раннем железном веке // Материалы XXII открытой региональной олимпиады школьников по археологии, этнографии, истории религии и искусств. СПб.
- Погодин Л.И., 1998. Лаковые изделия из памятников Западной Сибири раннего железного века // Взаимодействие саргатских племен с внешним миром. Омск.
- Полосымах Н.В., 1987. Бараба в эпоху железа. Новосибирск.
- Полосымах Н.В., Чикишева Т.А., Балуева Т.С., 1989. Неолитические могильники Северной Барабы. Новосибирск.
- Потемкина Т.М., 1995. Проблемы связей и смены культур населения Зауралья в эпоху бронзы (поздний и финальный этапы) // Российская археология. № 2.
- Потемкина Т.М., 2001. Энеолитические круглоплановые святилища Зауралья в системе сходных культур и моделей степной Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии. М.
- Потемкина Т.М., Матвеева Н.П., 1997. Большое Бакальское городище / Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 1. Тюмень.
- Расторопов А.В., 1993. Этнокультурная интерпретация археологических памятников лесного и лесостепного Зауралья в раннем железном веке и средневековье // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург.
- Рудковский И.В., 1989. Типы зонирования в андроновской орнаментации // Вопросы

- археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда.
- Рысков Я.Г., 1996. Реконструкция истории развития почв и природной среды степного Предуралья в голоцене (с использованием методов геохимии стабильных изотопов): Автoref. дис. ... канд. биолог. наук. Пущино.
- Рысков Я.Г., Демкин В.А., Олейник С.А., Рыскова Е.А., Ковалевская И.С., 2000. Динамика изотопного состава педогенных карбонатов и гумуса как индикатор условий почвообразования в голоцене // Почвоведение. № 6.
- Савельев Н.С., 2002. Население Мясогутовской лесостепи в V–III веках до н.э.: Автoref. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск.
- Савинов Д.Г., 1979. Об основных этапах развития этнокультурной общности и кыпчаков на юге Западной Сибири // История, археология и этнография Сибири. Томск.
- Савинов Д.Г., 1984. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.
- Сальников К.В., 1956. Исетские древние поселения // СА. № 25.
- Сальников К.В., 1967. Очерки древней истории Южного Урала. М.
- Степанов В.И., 2006. Могильник Товкутлор 3: сейминско-турбинский след в Нижнем Приобье // РА. № 1.
- Степанов В.И., Корочкина О.Н., 1984. Поселение заключительного этапа бронзового века на р. Тобол // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск.
- Стоянов В.С., 1970. Классификация и периодизация западносибирских лесостепных памятников раннего железного века // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск.
- Стоянов В.С., 1975. Некоторые черты социально-экономической организации населения зауральско-западносибирской лесостепи: Ранний железный век // Археологические исследования на Урале и Западной Сибири. Свердловск.
- Сунгатов Ф.А., 1998. Турбаслинская культура. Уфа.
- Таиров А.Д., 1995. Историко-экологическая ситуация в Южном Зауралье во второй половине I тысячелетия до новой эры и расселение ранних сарматов // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. Ч. V. Кн. 2. Челябинск.
- Таиров А.Д., 2000. Ранний железный век // Древняя история Южного Зауралья. Т. II. Челябинск.
- Таиров А.Д., 2003. Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II – I тыс. до н.э.: Материалы к историческим реконструкциям. Челябинск.
- Таиров А.Д., 2005. К вопросу о генезисе культур раннесакского времени урало-казахстанских степей // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культургенеза). Челябинск.
- Троицкая Т.Н., 1979. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск.
- Троицкая Т.Н., 1981. Одинцовская культура в Новосибирском Приобье // Проблемы западно-сибирской археологии эпохи железа. Новосибирск.
- Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск.
- Труфанов А.Я., 1991. Саргатская орнаментика в аспекте генезиса культуры // Проблемы изучения саргатской культуры: Тез. докл. Омск.
- Уманский А.П., 1978. Погребения эпохи «великого переселения народов» на Чарыш // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск.
- Усманова Э.Р., 1987. Новые материалы по эпохе кочевников из Джезказганской области /

- / Ранний железный век и средневековье Урало-Ишимского междуречья. Челябинск. Хабдулина М.К., 1994. Степное Поишимье в эпоху раннего железа. Алматы.
- Халиков А.Х., 1984. Культура древних венгров в Приуралье и Подунавье в VIII–X вв. Будапешт.
- Халикова Е.А., 1975. *Magna Hungaria* // ВИ. № 7.
- Халикова Е.А., 1976. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // СА. № 3.
- Хвостов В.А., 2001. Захоронения эпохи энеолита могильника Боровянка – XVII в Среднем Прииртышье // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень.
- Худяков Ю.С., 1996. Хунны в Саяно-Алтае // 100 гуннской археологии. Номадизм. Прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. (Тезисы докладов). Улан-Удэ.
- Худяков Ю.С., Комиссаров С.А., 2002. Кочевая цивилизация Восточного Туркестана. Новосибирск.
- Чемякин Ю.П., 1998. Жилище белоярской культуры из Сургутского Приобья // Археология Западной Сибири. Нижневартовск.
- Черников С.С., 1960. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. № 88.
- Чиндин А.Б., 1987. Новая стоянка каменного века на территории Карагандинской области // Проблемы археологии Северной Евразии. Кемерово.
- Членова Н.Л., 1972. Хронология памятников карасукской эпохи. М.
- Членова Н.Л., 1981. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и начале железного века // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Кемерово.
- Шарапова С.В., 2000. Керамика раннего железного века лесостепного Зауралья (Опыт статистического анализа) // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск.
- Шилов С.Н., Маслюженко Д.Н., 2002. Энеолитические захоронения Гладунино-3 в системе доандроновского погребального обряда // ВАУ. № 23. Екатеринбург.
- Шорин А.Ф., 1991. Доандроновские погребения могильника Березки V в горно-лесном Зауралье // Неолитические памятники Урала. Свердловск.
- Шорин А.Ф., 1999. Энеолит Урала и сопредельных территорий: Проблемы культурогенеза. Екатеринбург.
- Федорова-Давыдова Э.А., 1973. К проблеме андроновской культуры // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.
- Эпоха бронзы лесной полосы СССР, 1987. М. (Сер. «Археология СССР»).
- Egami N., Fukai S., Masuda S. Dailaman II., 1966. The Excavation at Norezmahale and Khoramrud 1960 // The Tokio University Iraq-Iran Expedition Raport 7. Tokio.
- Mg.Govern W.M., 1939. The Early Empires of Central Asia: A study of the Scythian and the Huns and the past they played in world History. Chapd Hill: The Unir of Norton Carolina Press, N.Y.
- Molodin V.I., 1995. Sopka 2, Grab 688 – ein reiches hunno-sarmatisches Mdnnergrab in der westsibirischen Waldsteppe. // Sonderdruck aus: Antiquitas, Reihe 3, Band 34. Dr.Rudolf Habelt GMBH. Bonn.
- Shui Tao, 2001. Papers on the Bronze Age Archaeology of Northwest China. Beijing.

Рис. 1. Урало-Сибирский регион в IV–III тыс. до н.э.

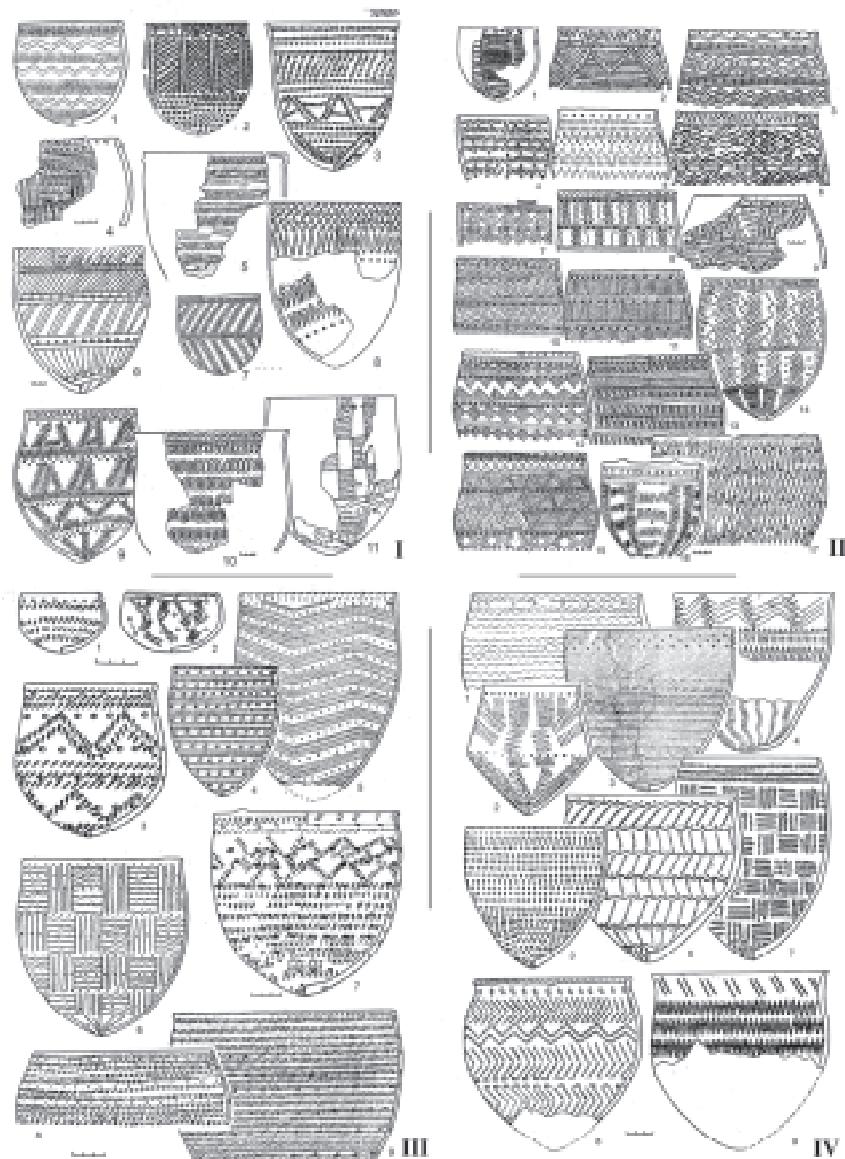

Рис. 2. I – Притоболье; 1, 4, 5 – Дуван V; 2, 3, 6–9 – Савин 1; 10, 11 – Кочегарово I. II – Приишмье; 1–3, 6, 9, 14, 17 – Серебрянка I; 4, 5, 7, 8, 10–13, 15 – Ир II; 16 – Кокуй I. III – Прииртышье; 1, 2 – Боровянка XVII; 3, 4 – Сопка 2/2; 5, 6 – Венгерово – 3; 7 – Окунево III; 8, 9 – Екатериновка I. VI – Приобье; 1, 7 – Самуський могильник; 2–4 – Ирба; 5, 6, 8 – Киприно; 9 – Чудацкая гора.

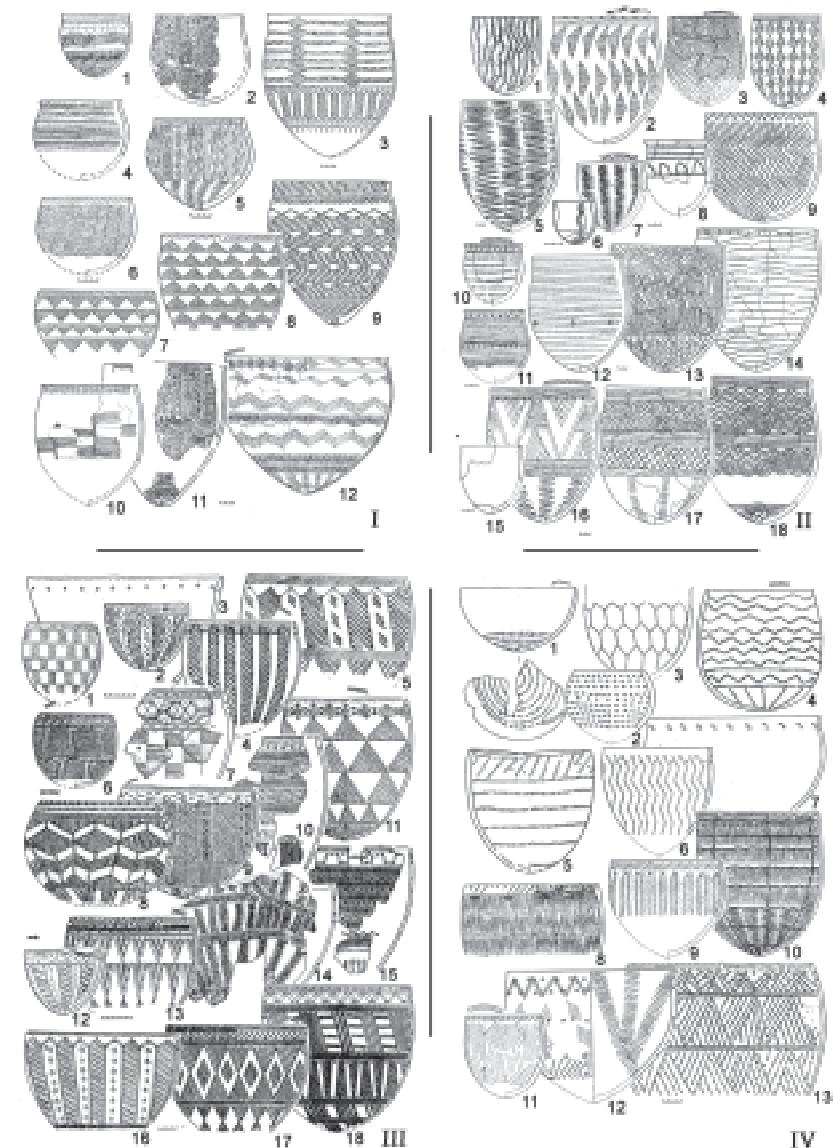

Рис. 3. I – Урал: 1 – Дружный; 2, 11 – Разбойничий остров; 3 – Чебаркуль IV; 4, 6 – Чебаркуль I; 5 – Александровка; 7 – Боровая 1; 8 – Палкино; 9 – Уфа IV; 10 – Чебаркуль Xа; 11 – Шитовской исток XI. II – Северный Казахстан: 1–17 – Ботай; 18 – Васильковка. III – Северное Зауралье: 1, 2, 4, 5, 9–12, 14–18 – Атымъя VII; 3, 6–8, 13 – Атымъя IV. IV – Среднее Приобье и Васюганье: 1, 8 – Барсова гора II/9; 4 – Барсова гора I/5; 5 – Барсова гора II/8; 13 – могильник Барсовский I; 2, 3, 6, 7, 9–12 – Тух-Сигат IV.

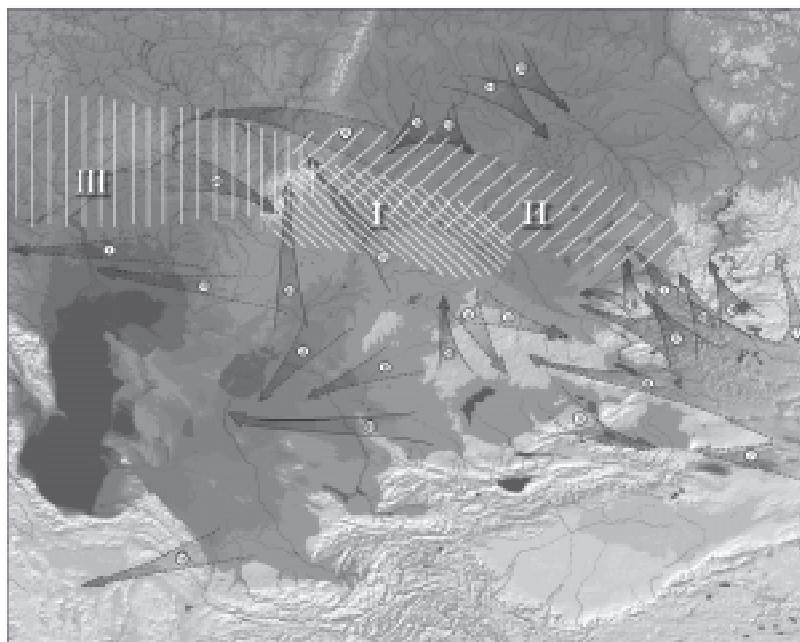

Рис. 4. Картографирование ареалов поздней бронзы. I – Алакульский; II – Федоровский; III – Срубный.

Расселение и миграции населения финальной бронзы в XII–VIII вв. до н.э.

1 – западные миграции срубно-андроновского населения финальной бронзы (западные памятники Культуры Валиковой керамики); 2 – южные миграции андронойдного населения финальной бронзы в дельту Амудары; 3, 4 – отток саргаринско-алексеевского населения в оазисные зоны Центрального и Восточного Казахстана; 5 – андронойдное население Припамирья (Синцзян); 6 – приток «карасукоидного населения» в Южный Урал и Западную Сибирь, формирование культур: ирменской, межовской, курмантау, ананыинской; 7 – отток карасукского населения в Западную и Южную Сибирь; 8 – миграции карасукоидного населения в Центральный Казахстан (сложение дандыбай-бегазинской культуры); 9 – Приаралье (Северный Тагискан); 10 – Нижнее Поволжье (по Мелентьеву Г.М.); 11 – на Иранское нагорье (луристанские бронзы VIII в. до н.э., формирование пред斯基фских культур Передней Азии); 12–15 – переселение таежного населения (гамаюнское, красноозерское, молчановское) в лесостепь Зауралья и Западной Сибири.

Расселение и миграции населения в VII – V–IV вв. до н.э.

16 – сакское участие в формировании культур Алтая (каракобинская культура); 17 – появление комплексов сакского круга (Чесноково, Солонечный Белок и др.); 18 – сакский компонент в скифских культурах Тувы; 19 – сако-скифское влияние в Южной Сибири и Казахстане в V–IV вв. до н.э.: памятники исыкского (Локоть IV) и сарматского (диагональные погребение) круга, сакское влияние на формирование Большереченской культуры; 20 – сложение тасмолинской культуры; 21 – сако-тасмолинские памятники Северного Казахстана (улубаевские) и Южного Зауралья (бобровские); 22 – формирование культуры приаральских саков; 23 – сако-messagетский компонент в древнепрохоровской культуре (по Таирову А.Д.); 24 – скифский компонент в древнепрохоровской культуре (по Гуцалову С.Ю.).

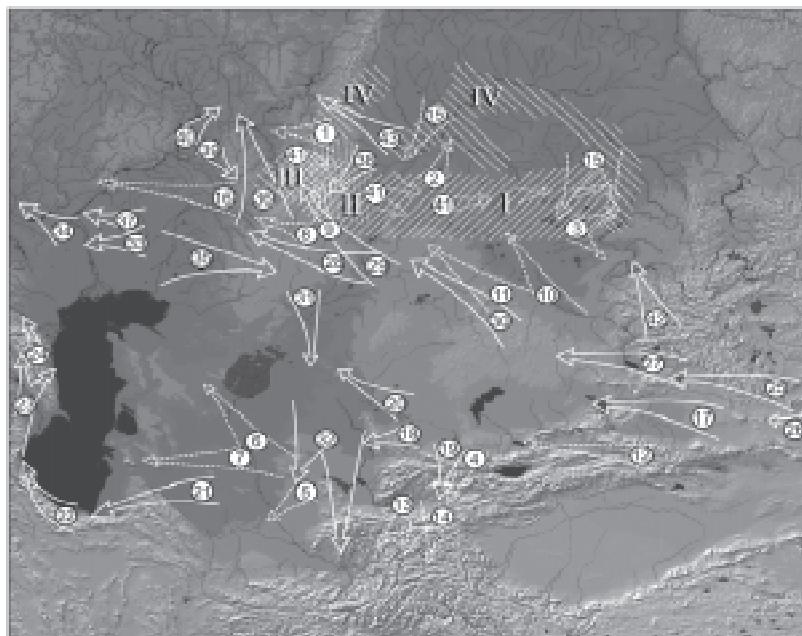

Рис. 5. Картографирование ареалов раннего железа VI–III вв. до н.э.

I – Саргатский; II – Гороховский; III – Иткульский; IV – лесное население.

Миграции во второй половине I тыс. до н.э.

1 – проникновение саргатского населения в Месягутовскую лесостепь в IV в. до н.э. (по Савельеву Н.С.); 2 – саргатско-богочановские памятники (по Данченко Е.М.); 3 – проникновение саргатского населения в Приобье III в. до н.э.); 4, 5 – приход юэчжай, тохаров, асов, аланов в Среднюю Азию в конце III – I вв. н.э. (Ташкентский оазис: Шаушкумский могильник (погребение в простых ямах), Бухарский и Самаркандинский оазисы (Лявандак, Кую-Мазар, Аталы)); 6, 7 – Хорезм (Тумек – Кичиджик, Тузгыр, Тайкыр), Юго-Восточный Прикаспий (Пархай, Хаз-Кириз, Кызыл-Чашма); 8 – Южное Приуралье (Покровка-1, 2, 7, 8, 10; Мечетсай, Увак); 9 – Южное Зауралье (Солнце, Стрелецкое, Граултыры); 10, 11 – Западная Сибирь и Северный Казахстан (Тютьрино, Сидоровка, Исаковка, Берлик, Саргари, Жалтырь); 12 – переселение усуней III–I вв. до н.э. (Соколовка, Беркара, Чильпек); 13, 14 – Юэчжайско-кушанская миграция в Северную Бактрию (Бабашевский, Тулхарский, Тилия-Тепе, Кокумский, Бишкенский, Джалацк-Тобе, Маашан, Кызыл-Ту); 15 – приход куляйского населения в Приобье и Барабуу III–II вв. до н.э.; 16 – уход «прохоровского» населения из Южного Урала в Подонье (по Максименко В.Е.); 17 – исход аланов (асов) из Восточного Туркестана (48–91 гг. н.э.); 18–20 – вторжение аланов в Среднюю Азию (Ташкентский Оазис, Средняя Сырдарья, Бухарский, Самаркандинский Оазис).

Миграции в начале новой эры

21 – переселение аланов страны Копгой и Давань из Средней Азии; 22 – аланы в Северо-Западном Иране (катакомбы Дайлана) (по N.Egami, S.Fukai, S.Masuda); 23 – проникновение аланов (маскотов) в Предкавказье в I–II вв. н.э. (памятники терекско-дагестанской группы (по Н.Е.Берлизову, В.Н.Каминскому); 24 – появление катакомб Ставрополья, проникновение аланов на Нижний Дон (Донская Алания) и Северное Причерноморье; 25 – западный поход Таншихая (сянби); 26 – исход северных хуннов из Восточного

Туркестана (87 г. н.э.); 27 – северные хунны и Кангюй (151 г. н.э.); 28–30 – гунно-сарматы в урало-казахстанских степях (середина II в. н.э.); 31 – гунны в низовьях Сырдарьи V–VIII вв.; 32 – поход гуннов-эфталитов в Пенджай, Тохаристан, Уструшану; 33, 34 – продвижение гуннов – сарматов в Нижнее Поволжье, Дон, Северное Причерноморье; 35 – возвращение гуннов из Восточной Европы после вторжение готов (середина III в. н.э.); 36 – проникновение гуннов в лесостепное Приуралье и Волгу (Турбаслинская, Именьковская культуры); 37 – среднесарматские (аланские) памятники Поволжья и Оренбуржья (I – начало II вв. н.э.); 38 – проникновение лесного кашинского населения; 39 – проникновение лесного финно-угорского (именъдяшевского населения); 40 – взаимодействие именъковского и гуннского населения (Коминтерновский II).

Рис. 6. Позднесарматские и кашинские памятники Притоболья и Поиртышья II–IV вв. (по Могильникову В.А.; Коряковой Л.Н.; Матвеевой Н.П.; Коряковой Л.Н., Булдашеву В.А., Потро Ж.).

1, 2, 6, 10–12; 25, 26; 30–32; 49–51; 59; 72, 78–80; 109–113; 115, 122, 127, 128, 132, 136, 140, 149, 150, 154, 156, 163, 168, 171, 175, 176; 180, 181, 185, 186, 191, 192, 194, 197, 198, 207, 210, 211, 225, 233, 235, 256, 257, 260, 276–281, 285–287; 297, 298, 300, 301, 312, 316, 317, 320, 327, 331, 336, 337, 339, 344, 346–350, 352 – Абатский 3, к-н 6.

3, 13–19, 21, 22, 34, 39, 42, 44–48, 52, 53, 60, 63, 73–77, 81, 82, 85, 97–100, 121, 123–125, 129, 130, 135, 144, 153, 164, 168, 179, 180, 184; 196, 199–201, 206, 216, 217, 236–238, 251–255, 261, 266, 284, 291–293, 303, 305, 306, 308, 309, 330, 332, 356 – Гаевский 1, к-н 6.

4, 5, 8, 33, 35, 37, 40, 41, 43, 54, 55, 62, 66, 67, 102, 107, 108, 114, 138, 139, 147, 160–162; 172, 212, 214, 224, 228, 230, 247, 271, 288, 289, 299, 313, 315, 319, 324, 342, 355, 368 – Абатский 3, к-н 4.

7, 36, 116, 126, 145, 157, 174, 193, 195, 213, 215, 221, 222, 234, 239–241, 244, 258, 259, 262, 268, 269, 270, 290, 294–296, 304, 307, 310, 311, 325, 326, 334, 335, 338, 351, 353, 354, 357 – Абатский 3, к-н 2.

9, 64 – Абатский 3, к-н 3

20, 38, 101, 117–120, 170, 177, 178, 272–275 – Абатский 1, к-н 3

23, 24, 28, 65, 68–71, 83, 84, 103–106, 131, 133, 134, 137, 148, 152, 187, 231, 265, 267, 329 – Абатский 3, к-н 5.

27, 29, 56, 58, 146, 177, 218, 263, 264 – Гаевский 1, к-н 7.

57 – Гаевский 1, к-н 2.

61, 204 – Гаевский 1, к-н 4

86–88, 96, 141, 142, 182, 183, 200, 333 – Калачевка.

89–95, 203, 302 – Гаевский 1, к-н 5.

143, 144, 165–167 – Абатский 1, к-н 6.

151, 157–159, 188–190, 208, 209, 232, 242, 243, 245, 246, 249, 250, 282, 283, 318, 321–323, 340, 341, 345 – Абатский 1, к-н 5.

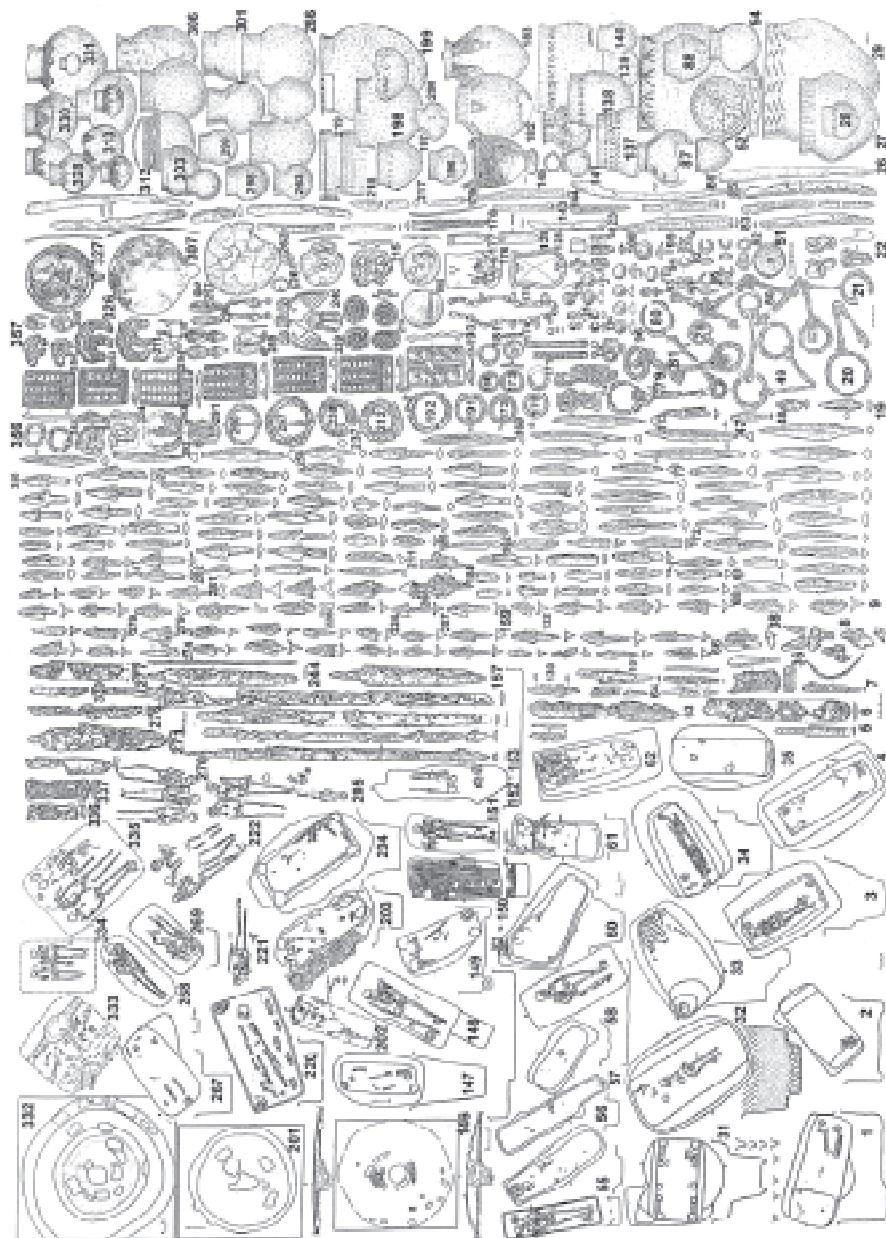
1–4, 31–35, 55–62, 146–152, 201–205, 220–222, 332–335 – планы курганов и погребений.

5–9, 19–22, 36–38, 48–50, 63–68, 78–81, 101–103, 114, 130–132, 153–159, 206–209, 223–229, 238, 244–248, 257, 272–281, 290, 291, 316, 336–343, 351, 352, 356 – железо.

10–18, 23–26, 30, 39–47, 69–77, 83–85; 104–113, 123, 133–136; 143, 144, 160–169, 178, 185–190, 210–212, 217, 229–238, 243, 249–257, 282–290, 292, 308, 317–323, 344–350 – кость.

27–29, 51–54, 86–89, 96, 137–142, 181–183, 196–200, 217–219, 263–266, 298–306, 312–314, 328–332 – керамика.

82, 89–95, 115–122, 124–129, 145, 171–174, 176, 177, 193, 195, 213–215, 239–241, 252–262; 294–297, 307, 310, 311, 325–327, 352–355, 356–357 – бронза; бронза, дерево; серебро.

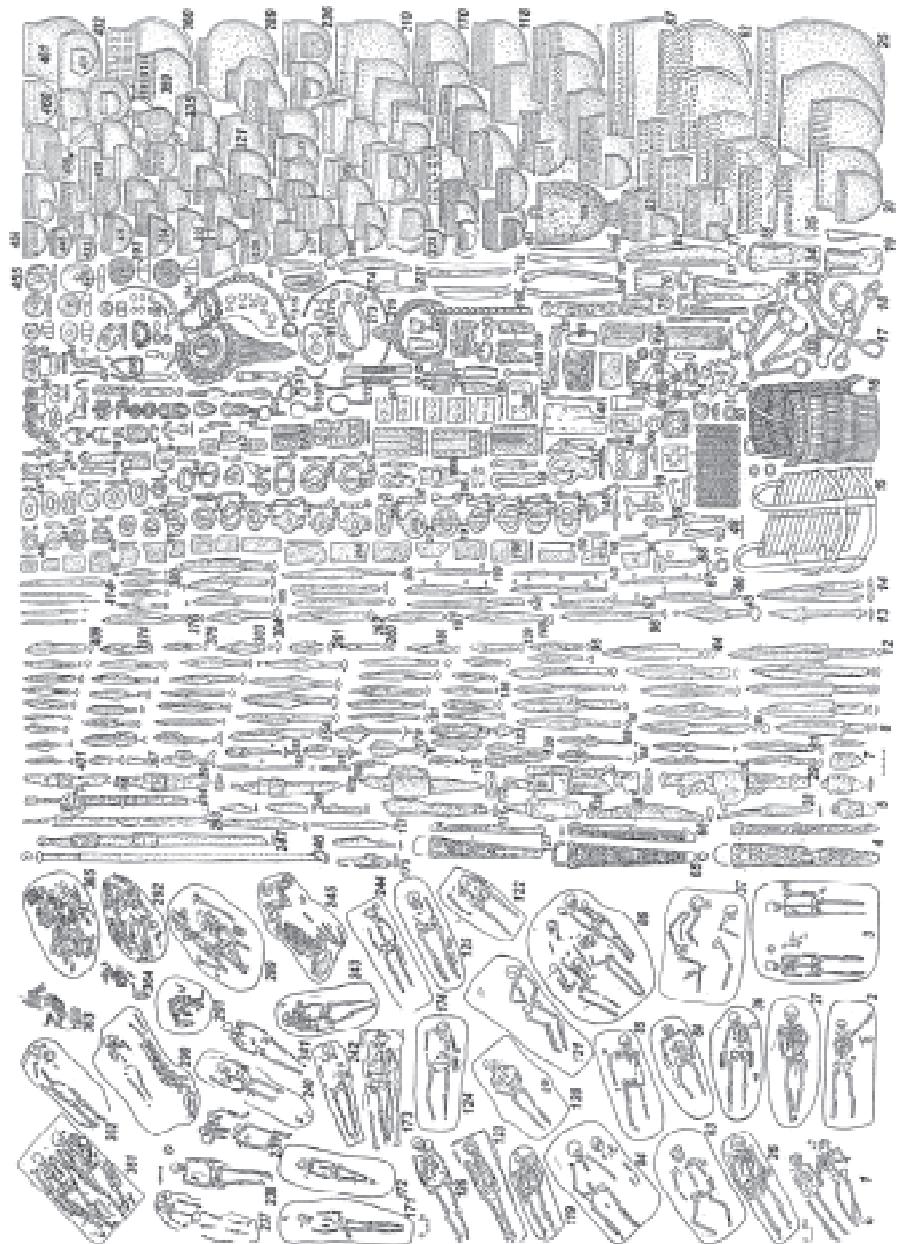

Рис. 7. Памятники гуннского времени лесостепного Приобья (II–III – V–VI вв.) (Фоминцевский этап, Верхнеобская культура (Одинцовский этап)) (по Троицкой Т.Н., Новикову А.В., Грязнову М.П.).

1–3, 31, 34, 37, 51, 53, 56, 57, 60, 63, 64, 75, 78, 115, 116, 120, 121, 124, 148, 150, 152, 153, 155, 166, 177, 178, 186–190, 193, 194, 203, 211, 214, 220, 221, 225–227, 232–236, 248, 249, 251, 260, 268, 271, 279, 291, 324, 343, 344, 347, 351, 353, 376–385, 387, 392, 396, 401–415, 417, 431, 436, 438, 440–442, 447, 450–452, 459 – Юрт Акбалык 8.

4, 12, 13, 52, 76, 77, 90, 96, 97, 102, 104, 105, 114, 127, 140, 141, 144, 151, 157, 159, 163–165, 167, 197, 199, 201, 204, 216–218, 223, 224, 238, 239, 264, 314, 315, 318, 319, 328, 330–334, 339, 352, 355, 357, 370, 386, 399, 420, 426, 427–429, 434, 435, 443, 444, 449, 457, 458 – Ближние Елбаны VII.

5, 6, 16, 18, 33, 45–47, 65, 68, 70–74; 98–101, 106, 107, 128–130, 146, 154, 161, 162, 175, 176, 179, 198, 212, 213, 222, 246, 247, 250, 253–259, 265, 266, 269, 295, 316, 329, 336, 349, 361, 367, 421, 432, 453 – Татарские могилки.

7, 17, 19, 28, 67, 123, 126, 132, 160, 171, 172, 174, 181, 190, 191, 196, 241, 252, 272, 273, 274, 313, 323, 327, 338, 342, 345, 350, 369, 375, 388, 391, 400, 419 – Ближние Елбаны III.

8–11, 14, 15, 40–44, 49, 50, 88, 144, 289, 292, 305–308, 363–366 – Обские Плесы 2.

20–25, 29, 54, 55, 69, 82, 131, 147, 158, 169, 170, 173, 180, 183–185, 205–207, 210, 231, 237, 242, 275–278, 284, 287, 288, 290, 296, 297, 309, 311, 317, 320, 323, 326, 346, 371–374; 394, 397, 398, 416, 425, 439, 445, 446, 448, 454–456, 461 – Ближние Елбаны XIV.

26, 27, 36, 84, 112, 125 – Черное Озеро 1.

30, 32, 48, 66, 87, 92–95, 103, 134–139, 142, 143, 208, 209, 240, 243–245, 261–263, 270, 280, 293, 294, 298–304, 341, 354, 362, 439 – Ближние Елбаны XII.

35, 110, 229–230 – Иремен IV; 38, 39, 79, 81, 85, 89, 111, 117, 119, 145, 219, 281, 283, 285, 286, 321, 335, 359, 360, 395, 430 – Крохалевка 23.

58, 59, 61, 62, 80, 83, 118, 282, 356 – Черный Мыс 1, 2.

108, 109, 133, 312, 418 – Степной Чумыш.

156, 195, 200, 215, 267, 340 – Красный Яр 1.

358, 202, 460 – Дубровичный Борок.

1–3, 26, 27, 63–65, 84–86, 119–126, 171–174, 237–245, 289–292, 361–365 – планы погребений.

4, 8–14, 30, 31, 40, 46, 52–55, 57, 65, 67, 90–97, 101, 104–107, 127, 134–143, 149, 158, 159, 161, 162, 181–189, 196–198, 201, 213, 218, 219, 221, 222, 254–265, 298–307, 316, 339, 346, 352, 353, 369–380, 403–414, 421 – кость.

5–7, 15, 16, 17–19, 28, 29, 32–34, 38, 39, 48, 49, 51, 56, 66–70, 75, 76, 87–89, 98, 99, 109, 128, 133, 144–145, 147, 150–154, 175–180, 190–193, 211, 212, 219, 246–253, 266, 268, 294–297, 366–368, 381, 385, 401, 402, 415, 417, 424, 438, 440–442, 446, 447, 454 – железо, бронза.

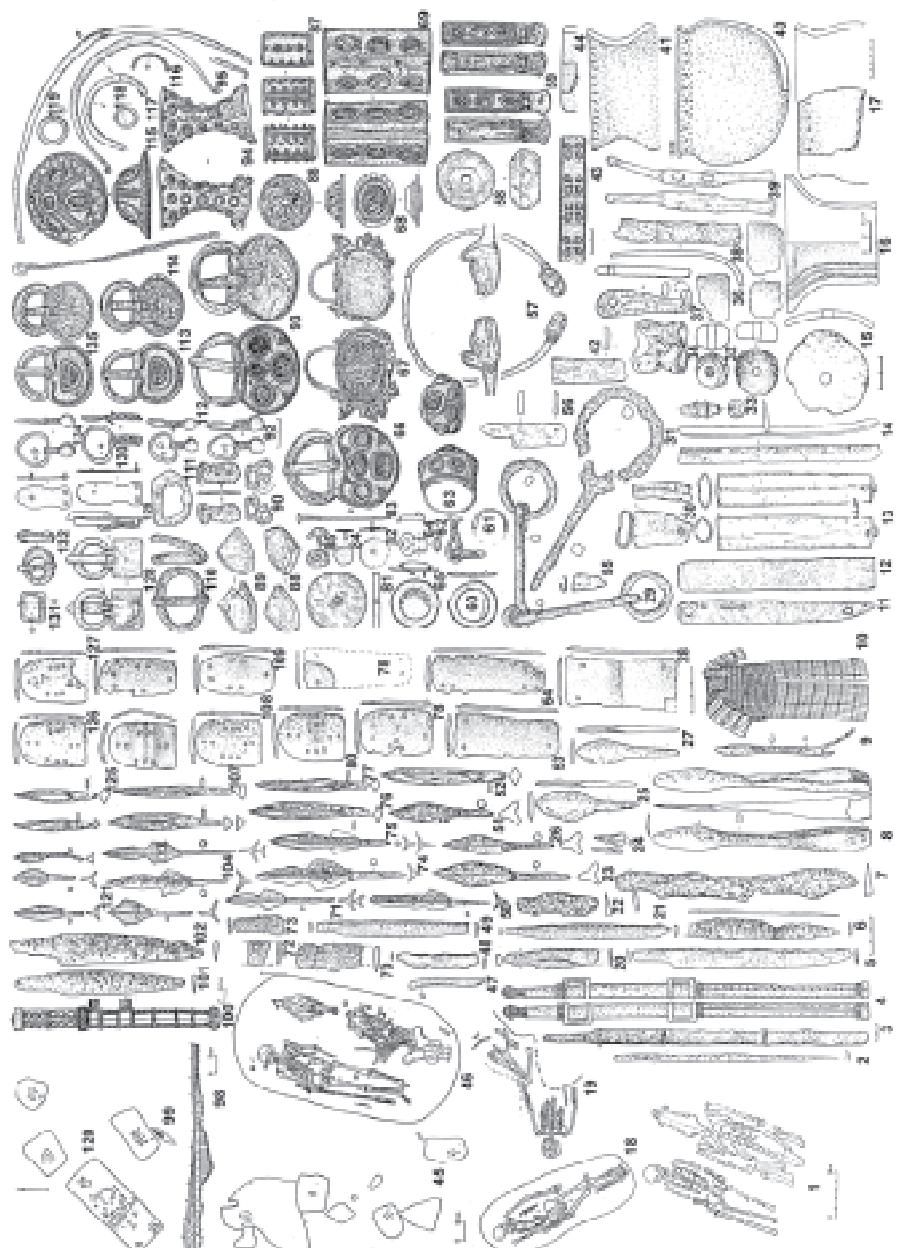

Рис. 8. Гуннское время в лесостепном Обь-Иртышье. IV–V вв. (по Уманскому А.П., Molodin V.I., Егорову Я.В., Горбунову В.С., Зыкову).

1, 3, 15, 29, 30, 32, 42, 50, 56, 60, 62, 65, 74, 81, 84, 85, 101, 102, 110, 129, 131, 133 – Ераска; 2, 6, 11–14, 33, 34, 39, 46, 58, 83, 88, 89, 111, 128 – Сопка 2, погр. 688; 4, 7, 23, 26, 31, 43, 51, 57, 59, 63, 66–69, 86, 87, 93, 94, 100, 113, 115, 135 – Тугозвоново; 5, 8, 10, 16, 20–22, 24, 25, 27, 28, 35, 36, 40, 45, 47, 49, 53–55, 61, 64, 70–73, 75, 78–80, 90–92, 95–98, 103, 105, 108, 109, 112, 114, 116–118, 120–122, 126, 127, 130, 134 – Троицкий Елбан 1; 9, 37, 38, 41, 44, 48, 76, 77, 106, 107, 119, 123–125 – Елбан 2; 18, 19 – Черноозерье.

I – план погребения (реконструкция); 18, 19, 45, 46, 98, 99, 120 – план курганов и погребений; 2, 3, 5, 6, 8–10, 14, 20–23, 25–29, 31, 35, 37, 38, 42, 47–56, 62, 70–80, 90, 101–111, 119, 121–132 – железо; 4, 13, 30, 33, 43, 59, 60, 63–69, 82, 84, 86–89, 90–97, 100, 112–119, 128–130, 132–135 – металл (бронза, серебро, золото), камень; 11, 12, 15, 32, 58 – камень; 15–17, 35, 36, 40, 41, 44 – керамика; 24, 34, 39, 53, 76, 77, 106, 107, 124, 125 – керамика.

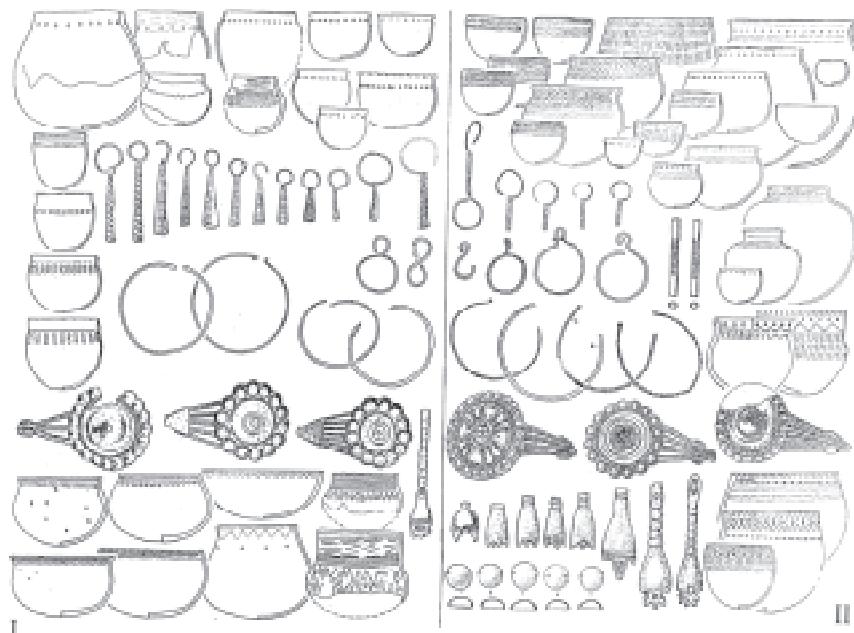

Рис. 9. Сравнительная таблица.

I – Материалы из Западного Приуралья рубежа эр (пьяноборская, чегандинская, караобызская, азелинская культуры).

II – Материалы начала I тыс. н.э. Верхнего Приобья (фоминский, переходный этапы, верхнеобская культура, Барсова Гора).

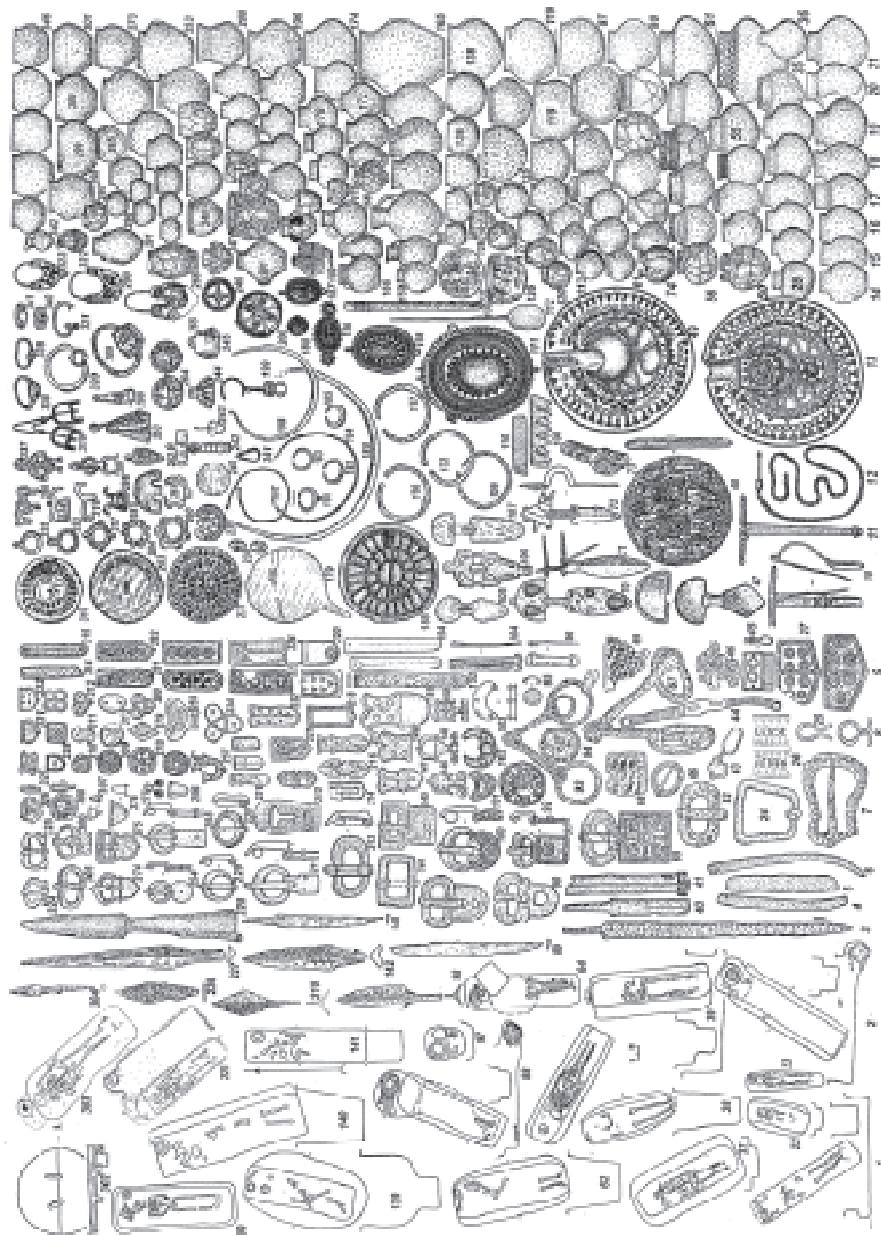

Рис. 10. Гуннские и постгуннские памятники Южного Приуралья. Турбаслинская культура V–VIII вв. (по Ахмерову Р.Б.; Мажитову Н.А.; Пшеничному А.Х., Сунгатову Ф.А.).

1, 54 – Дежневский, к-н 19, погр. 1; 2, 190 – Кушнаренковский, погр. 28; 1–9, 11–13, 24, 26, 40–42, 44–49; 56; 69, 67–71, 77, 86, 89, 91–95, 98, 102, 106, 108, 110–112, 123, 126, 130, 133, 131, 142, 146, 152, 158, 167, 175, 180, 181, 184, 186–188, 198–200, 210, 212, 213, 215, 220, 223, 228, 235–237, 239, 244–246, 258, 261, 262, 265, 277, 278, 282, 283, 286, 289, 290, 301, 306, 309, 314–371, 319, 321, 333, 335–341 – курганы на территории г. Уфы; 10, 97, 174, 155, 192, 214 – Ново-Турбаслинский, к-н 10; 14, 75, 173 – Дежневский, к-н 18; 15, 33, 72, 201, 326 – Дежневский, к-н 15; 16, 85, 87, 117, 119, 137, 193, 273 – Дежневский, к-н 16; 17 – Ново-Турбаслинский, к-н 29; 18, 31, 82, 84 – Ново-Турбаслинский, к-н 3; 19, 52, 53, 83, 103 – Ново-Турбаслинский, к-н 20; 20 – Бирский, погр. 199; 21 – Ново-турбаслинский, к-н 7; 22, 182, 253 – Кушнаренковский, погр. 8; 23, 128, 296 – Кушнаренковский, погр. 9; 25, 38, 171 – Дежневский, к-н 10; 30, 116, 122 – Ново-Турбаслинский, к-н 5; 32 – Бирский, погр. 92; 34 – Бирский, погр. 143; 35 – Галановский, погр. 1; 36, 206 – Ново-Турбаслинский, к-н 15; 37, 266, 268, 270, 292, 295, 346 – Кушнаренковский, к-н 6; 39 – Дежневский, к-н 7; 43 – Кушнаренковский, погр. 25; 50, 66, 99, 114, 140, 145, 209, 221, 224, 302, 347 – Ново-Турбаслинский; 51 – Ново-Турбаслинский, к-н 6; 55 – Ново-Турбаслинский, к-н 2; 57 – Бирский, погр. 168; 58 – Бирский, погр. 164; 59 – Бирский, погр. 196; 60 – Бирский, погр. 148; 61 – Стерлитамакский; 62, 196, 211 – Дежневский, к-н 1; 63, 325, 328 – Кушнаренковский, погр. 4; 64, 250, 272 – Кушнаренковский, к-н 7; 65 – Дежневский, к-н 19; 74 – Кушнаренковский, погр. 15; 78, 99 – Ново-Турбаслинский, к-н 22; 79 – Бирский, погр. 177; 80, 176, 238, 271, 276 – Дежневский, к-н 22; 81 – Бирский, погр. 173; 88, 105; 312 – Кушнаренковский, погр. 21; 90, 148–151, 218, 257 – Кушнаренковский; 96, 101, 281 – Ново-Турбаслинский, к-н 19; 104, 113 – Ново-Турбаслинский, к-н 1; 115 – Бирский, погр. 180; 118 – Дежневский, к-н 26; 120 – Ново-Турбаслинский, к-н 22; 121, 129, 267 – Кушнаренковский, погр. 14; 124 – Дежневский, к-н 8; 125, 134, 136 – Дежневский, к-н 5; 127, 343 – Ново-Турбаслинский, к-н 7; 132 – Бирский, погр. 81; 135, 300, 342 – Дежnevский, к-н 8; 138 – Бирский; 139 – Дежневский, к-н 6; 141 – Дежневский, к-н 19; 143 – Бирский, погр. 108; 144, 147, 203, 216, 232, 247, 259, 274 – Кушнаренковский, погр. 2; 153, 154, 255 – Ново-Турбаслинский, к-н 21; 156, 318 – Кушнаренковский, погр. 20; 157, 183 – Кушнаренковский, погр. 13; 159 – Дежневский, к-н 33; 160, 307 – Дежневский, к-н 21; 161, 189 – Сакмарское городище; 162, 172, 234; 298 – Дежневский, к-н 17; 163, 164 – Ново-Турбаслинский, к-н 26; 165, 254 – Дежневский, к-н 9; 166, 204 – Дежневский, к-н 4; 168, 195, 205 – Дежневский, к-н 32; 169, 185, 287 – Кушнаренковский, погр. 27; 170 – Кушнаренковский, погр. 16; 177 – Дежневский, погр. 21; 178 – Дежневский, погр. 19; 179 – Кушнаренковский, погр. 26; 191, 222, 275 – Кушнаренковский, погр. 17; 194 – Дежневский, к-н 2; 197 – Кушнаренковский, погр. 14; 202 – Шареевский, к-н 23; 207 – Дежневский, к-н 4; 208 – Ново-Турбаслинский, к-н 14; 217 – Ново-Турбаслинский, к-н 27; 225 – Бирский, погр. 148; 226 – Бирский, погр. 156; 227 – Бирский, погр. 72; 229 – Бирский, погр. 28; 230 – Бирский, погр. 68; 231, 279 – Ново-Турбаслинский, к-н 18; 232, 297 – Кушнаренковский, погр. 1; 243 – Кушнаревский, погр. 22; 248 – Кушнаренковский, погр. 10; 249 – Дежневский, к-н 26; 251 – Кушнаренковский, погр. 23; 252 – Дежневский, к-н 10; 256, 323 – Дежневский; 263, 264, 288 – Бирский, погр. 2; 260 – Кушнаренковский, погр. 4; 269 – Дежневский, к-н 18; 227, 280, 330 – Ново-

Турбаслинский, к-н 13; 284 – Бирский, погр. 25; 285 – Бирский, погр. 157; 291 – Ново-Турбаслинский, к-н 35; 293 – Ново-Тукрабаслинский, к-н 1; 294 – Дежневский, к-н 17; 299 – Ново-Турбаслинский, к-н 23; 303 – Бирский, погр. 193; 305 – Бирский, погр. 42; 308 – Дежневский, к-н 15; 310 – Кушнаренковский, погр. 19; 311 – Ново-Турбаслинский, к-н 19; 320 – Бирский, погр. 166; 322 – Дежневский, к-н 29; 324, 331 – Кушнаренковский, погр. 16; 332 – Кушнаренковский, погр. 28; 334 – Кушнаренковский, погр. 20; 344 – Дежневский, к-н 12; 345 – Дежневский к-н 31.

1, 2, 37–39; 62–64; 88, 97, 139–141, 209, 225, 302, 303 – планы погребений и курганов; 7, 24, 40, 42, 67, 89, 93, 98, 143, 210, 226, 228, 304 – железо; 8–13, 25–27, 41, 44–48, 65, 66, 68–73; 90–92, 94–96; 99–112, 130, 144–158, 179–187, 199–200, 212–224; 229–246, 254–265; 274–290, 305–341 – металл (золото, серебро, бронза); 4–6, 142, 237 – кость; 14–21; 28–364 50–61, 74–87; 113–125, 127–138, 159–178, 184–196, 201–208; 247–253; 266–273, 291–301; 342–346 – керамика; 126 – стекло.

Рис. 11. Постгунинские памятники лесостепного Приуралья и Поволжья VI–VIII вв.
(по Казакову Е.П., Старостину П.И., Богачеву А.В.)

1, 2, 6–8, 10, 14–17, 22–26, 30–31, 41, 42, 50 – Коминтерновский II, погр. 6; 3–5, 9, 11–13, 18–21, 33–40, 43–49 – Коминтерновский II, погр. 6; 51–83 – Коминтерновский II, погр. 43; 84–90, 96–98, 103 – Кушнаренковский, погр. 27; 91 – Коминтерновский II, погр. 47; 92–95, 99, 100, 104 – Кирово; 101, 102, 105–108, 120, 121 – Ташкирменский, погр. 1; 109–119, 122–125 – Кушнаренковский, погр. 2.1, 2, 4–7, 54, 55, 59, 85, 107, 120, 121, 123 – керамика; 3, 14, 56, 84, 91, 99, 106 – планы погребений и кургана; 8, 15, 22, 18, 19, 11, 71, 97, 108, 114, 116, 119 – железо;

10, 42, 23, 24, 26, 32, 17, 25, 16, 36, 45, 46, 81, 63, 78, 77, 62, 96, 103, 90, 92–95, 100, 104 – бронза; 9, 20, 12, 34, 27–29, 21, 37–40, 47–49, 79, 68, 52, 70, 88, 89, 110, 111, 113, 118, 117, 122, 124, 125 – серебро; 13 – железо, бронза, дерево; 30, 41, 50, 57, 60, 66, 52, 53, 58, 72, 86, 87 – стекло, камень; 76, 82 – бронза, раковина; 83 – бронза, железо; 73 – кость.

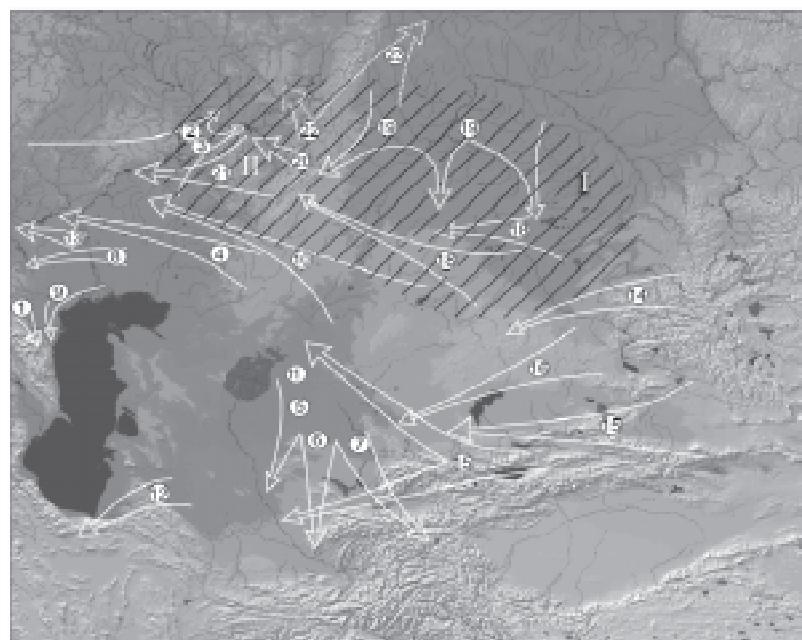

Рис. 12. Расселение и миграции населения второй половины I тыс. н.э.

I – Тюрко-угорское Урало-Алтайское единство IX–XVIII вв.

1 – возвращение гуннов из западных походов в Предкавказье (по Гмыре Л.Н.); 2 – в Волго-Камье (Коминтерновский II); 3 – в Приуралье (турбаслинская культура); 4 – в низовья Сырдарьи (Джетыасарская культура);

Походы белых гуннов-эфталитов: 5 – в Самарканд, Тохаристан; 6 – в Пенджаб, Уструшану; 7 – в Кашмир.

8 – вторжение оногуров 463 г. (по Дмитрову; Кляшторному С.Г., Савинову Д.Г.); 9 – вторжение савиров на Северный Кавказ в нач. VI в. (по Гадло А.В.); 10 – вторжение авар в Восточную Европу 568 г. (по Исхакову Д.М., Измайлову И.Л.);

II – расширение границ Западно-Тюркского Каганата с 555–565 гг. 11 – разгром варваров, хионитов, эфталитов (по Гумилеву Л.Н.); 12 – поход на Иран 569 г.; 13 – вторжение тюрков в Боспор, Крым 576–577 гг. н.э.; 14 – выход кыпчаков в Поиртышье и Сары-Арку VII–VIII вв.; 15 – завоевание карлуками Семиречья 772 г.; 16 – захват огузами Семиречья и Сырдарьи IX в.; 17 – исход печенегов (канглов) из Кангюя в Поволжье; 18 – выход кимано-кипчаков к Южному Уралу VIII–IX вв.; 19 – перемещение угро-самодийского (подчевашского) населения в лесостепи V–VI вв. Притоболье, Поиртышье, Барбабу; 20 – переселение кушнаренковско-караякуповских племен в Приуралье VI, VIII–IX вв.; 21 – исход мадьярского союза племен в Лебедию, Ателькузу конец IX в.; 22 – отток угорского петрогромского-инялинского населения в Приуралье IX–XIII вв.; 23 – переселение угорскогоprotoханты-мансиjsкого населения в Нижнем Приобье в IX в. (комплексы: Сайгатинсо-Барсова Гора).

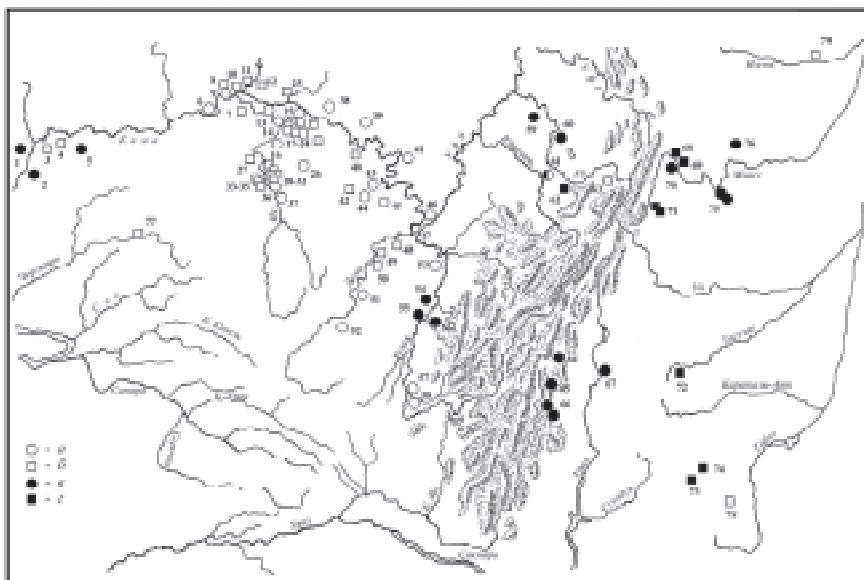

Рис. 13. Карта распространения памятников кушнаренковской и карайкуповской культур (по Генингу В.Ф.; Казакову Е.П.; Гарустовичу Г.Н., Иванову В.А.; Боталову С.Г.).

а – кушнаренковско-карайкуповские могильники и одиночные погребения VI–VIII вв.; б – кушнаренковско-карайкуповские городища, селища, местонахождения (предположительно VI–VIII вв.); в – карайкуповские могильники IX–X вв.; г – карайкуповские городища, селища, местонахождения IX–X вв.

- 1 – Тетюшский; 2 – Танкеевский; 3 – I Щербетьское; 4 – селище «Курган»; 5 – Больше-Тиганский; 6 – Луговское; 7 – Кырнышское; 8 – Верхнесуганское; 9 – Петропавловский; 10 – Кузебаевское I; 11 – Благодатское; 12 – Татаро-Чилчикское; 13 – Игимский; 14 – Чишининский; 15 – Такталачукский; 16 – Иманлейский; 17 – Юртовская IV; 18 – городище Такталачук; 19 – Иртышское; 20 – Биксентаевская II; 21 – Биксентаевская IV; 22 – Биксентаевская VIII; 23 – Мариямалинское; 24 – Азметьевская; 25 – Татарско-Азибейская II; 26 – Новобикинский; 27 – Меллятамакское II; 28 – Меллятамакское V; 29 – Старо-Варяжское I; 30 – Старо-Варяжское II; 31 – Муслюмовское; 32 Старо-Чекмакское; 33 – Русско-Шуганское; 34 – Русско-Шуганское I; 35 – Русско-Шуганское II; 36 – Ново-Сасыкульский; 37 – Куштерякский; 38 – Старо-Янзигитовский; 39 – Манякский; 40 – Старо-Калмашское; 41 – Бирский; 42 – Чатринское; 43 – Булгарский; 44 – Сантыштамакский; 45 – Кушнаренковский; 46 – Ново-Турбаслинский; 47 – Уфа II; 48 – Таптыковское; 49 – Кара-Якуповское; 50 – Чукраклинское; 51 – Ибраевский; 52 – Тулбаевский; 53 – Шареевский; 54 – Стерлитамакский; 55 – погребение Ишимбай; 56 – Ишимбайский; 57 – Береговский; 58 – Красногорский; 59 – Каранаевский; 60 – Старо-Халиловский; 61 – Лагеревский; 62 – Сикияз Тамак; 63 – Веселовка; 64 – Муракаевский; 65 – Хусаиновская; 66 – Бекешевская I, II; 67 – Наровчатский; 68 – Сигаево; 69 – Аргази; 70 – Байрамголово; 71 – Каскас킨ский, Коваленковский; 72 – Варна; 73 – Селенташ; 74 – Кайнсай; 75 – Синглазово I, II; 76 – Граулты; 77 – Татарско-Сунгелеевское. 78 – Берсугат; 79 – Больше Бакальское городище.

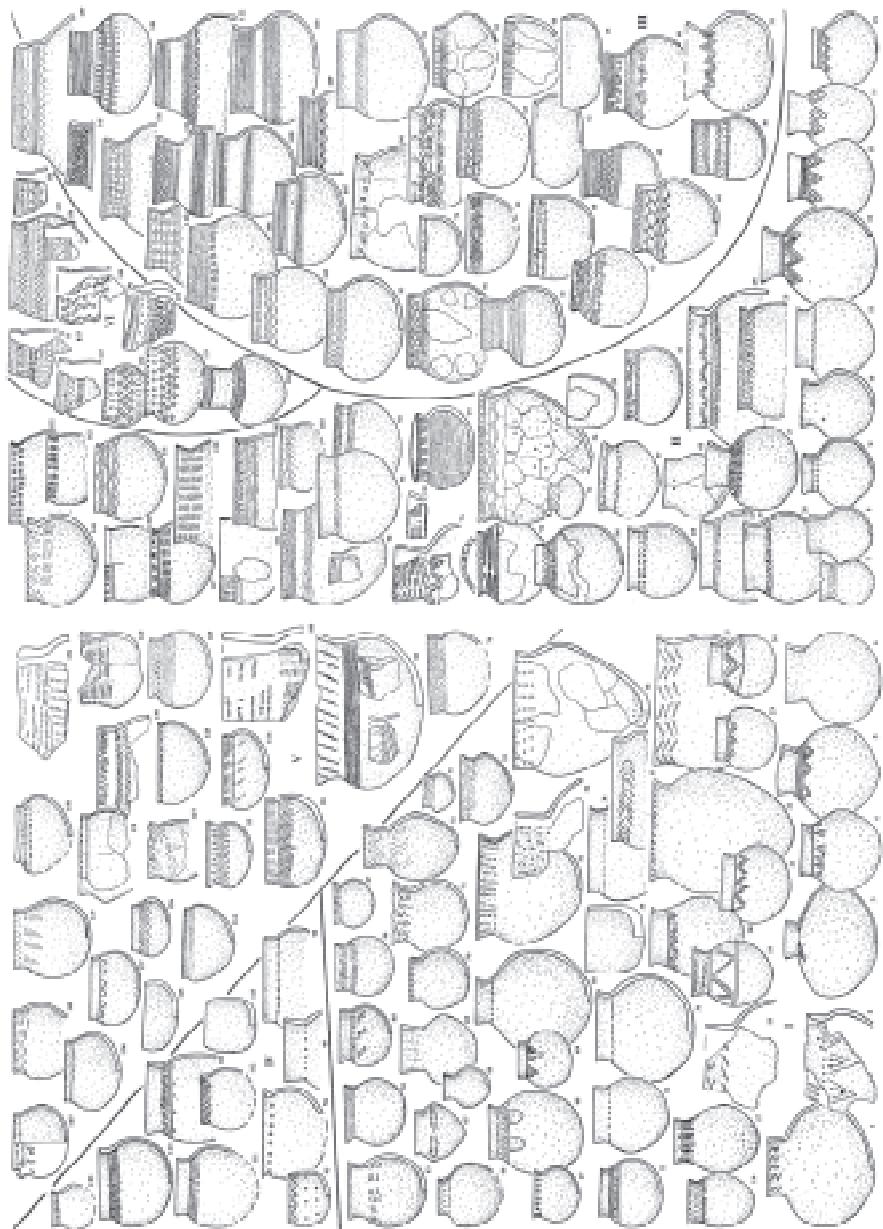

Рис. 14. Сравнительная таблица керамической посуды из памятников Южного Заураля и Западной Сибири раннего железного века и средневековья.

I – Саргатская культура (по Коряковой Л.Н., Булдашову В.А., Потро Ж.-П.; Коряковой Л.Н.).

II – Памятники кашинско-прыговского типа II до н.э. – V в. н.э. (по Викторовой В.Д., Морозову В.М.; Матвеевой Н.П.; Хабдулиной М.К.).

III – Памятники кара-якуповской культуры VIII – IX вв. н.э. (по Боталов С.Г.; Мажитову Н.А.; Овчинниковой Б.Б.).

IV – Памятник гороховского и воробьевского типов VI – II вв. до н.э. (по Шараповой С.В.).

V – Памятники иткульской культуры IV–III вв. до н.э. (по Таирову А.Д.; Шараповой С.В.).

VI – Памятники с фигурно-штамповой керамикой – туманский, молчановский, тынинский типы – середины I тыс. н.э. (по Коряковой Л.Н., Морозову В.М., Сухановой Т.Ю.; Викторовой В.Д., Морозову В.М.).

Рис. 15. Комплексы с фигурно-штамповой керамикой (подчевашская культура) лесостепной зоны Западной Сибири (по Генингу В.Ф., Здановичу С.Я.; Елагину В.С., Молодину В.И.).

1, 44, 48, 56 – Сопка 2, погр. 654; 2, 16, 21, 26 – Сопка 2, погр. 647; 3, 32, 33, 67 – Сопка 2, погр. 650; 4, 5, 15, 40 – Сопка 2, к-н 1, погр. 1; 9, 94, 113 – Лихачевский, погр. 9; 7, 53, 99 – Лихачевский, погр. 16; 8, 20, 28, 36, 51, 52, 64, 69, 83, 87, 88, 91, 111 – Лихачевский, погр. 1; 9–11 – Старый Сад, погр. 2; 12, 31, 39, 41, 45, 49, 54, 55, 57, 61 – Сопка 2, погр. 646; 13, 73 – Сопка 2, погр. 488; 14 – Сопка 2, погр. 487; 17, 24, 27, 35, 58, 92, 106 – Лихачевский, погр. 13; 18, 59, 62, 74, 77, 78, 110 – Лихачевский, погр. 15; 19, 82, 97 – Старый сад, к-н. 27, погр. 2; 22, 63 – Лихачевский, погр. 4; 23, 42, 43, 70, 80 – Лихачевский, погр. 3; 25, 72, 79, 90, 109 – Лихачевский, погр. 12; 29, 60, 68, 81, 100, 114 – Лихачевский, погр. 22; 30, 76, 89 – Лихачевский, погр. 19; 34 – Лихачевский, погр. 11; 37, 38, 46, 47, 71, 85, 98 – Лихачевский, погр. 10; 65 – Лихачевский, погр. 27; 66, 95, 112, 115, 116 – Лихачевский, погр. 7; 75, 84, 93, 101–105 – Лихачевский, погр. 24; 86, 96, 104 – Лихачевский, погр. 2; 108 – Сопка 2, погр. 238.

1–4, 11–15, 23–25, 63–66, 75–77, 89, 90, 98–100 – планы погребений; 5, 25, 26, 68, 69, 79, 84, 93, 101–103, 106, 112 – кость; 6, 7, 17–19, 27–31, 35–37, 42, 43, 51, 54, 58–67, 71, 72, 80, 81–83, 85, 86, 91, 92, 94–96, 104, 105, 107, 111, 113 – бронза, серебро, олово; 8, 16, 20, 67, 78, 110 – железо; 32, 33, 38, 39, 45, 48, 49, 55 – камень, стекло.

Татьяна Ютина
**Исследования Дербёшкинского могильника
в Актанышском районе Республики Татарстан**

Памятник (рис. 1) расположен на южном склоне останца высотой свыше 21 м, левого коренного берега р. Белой (левого притока р. Камы), в 2 км к востоку от с. Дербёшка и р. Кама, в 1,5 км к югу от р. Белой. Среди местного населения останец террасы называется «Чёртовой горой», так как возвышается среди равнинной местности. На противоположном, левом берегу р. Камы расположена д. Усть-Бельск Удмуртской республики. В настоящее время, в связи со строительством, а затем вводом в эксплуатацию Нижнекамского водохранилища уровень воды в реках Каме и Белой поднялся, пойма рек оказалась затопленной. Останец террасы задернован, частично порос молодыми дубками, почти со всех сторон окружен водой. Западный край разрушается водохранилищем, основание восточного заболочено.

Весной 1983 года в лабораторию археологических исследований Удмуртского государственного университета от сотрудника Музея истории и культуры Среднего Прикамья г.Сарапула Н.Л.Решетникова поступило сообщение о разрушении останца террасы р. Белой водами водохранилища и находках костей человека. С целью спасения археологического объекта от разрушения, в 1983-1984 гг. памятник раскапывался отрядом Камско-Вятской археологической экспедиции под руководством автора статьи. В изучении памятника принимали участие студенты исторического факультета О.А.Казанцева, В.В.Пузанов, С.М.Гурьев, Т.М.Чижкова, Н.Н.Анонова, Т.М.Дудникова.

В полевом сезоне 1983 г. (рис.1-1) был заложен раскоп площадью 603 кв. м ориентированный по сторонам света. Раскоп был расположен вдоль разрушающего края террасы. Изучено 66 погребений, ряд ям хозяйственного назначения, столбовые ямки. В процессе исследования выявлены культурные остатки эпохи бронзы и средневековья. В 1984 году было вскрыто 430 кв. м площади раскопа, изучено 18 погребений, а также сооружения, ямы и столбовые ямки.

Всего за два года раскопок на Дербёшкином могильнике было изучено 84 погребения эпохи средневековья. Могилы, как правило, подпрямоугольной формы, расположены рядами. На поверхности каких-либо следов ям не было зафиксировано. Очертания могильных ям слабо выявлялись на песчаном грунте.

Полевые и камеральные работы были выполнены в соответствии с общепринятой археологической методикой исследования. Раскопки производились условными квадратами 3 х 3 м, между которыми были оставлены бровки для наблюдения за вертикальной стратиграфией слоёв. Выборка слоя производилась условными горизонтами по 10 см. Поверхность памятника пронивелирована. Выявленные очертания и культурные остатки заносились на планы в масштабе 1:50 и 1:10. Стратиграфия напластований следующая: поверхность памятника за-

дернована (слой № 1), ниже располагался зафиксированный на всей площади раскопа слой серой супеси (слой № 2) с находками, под ним зафиксирована светло-серая или светло-желтая супесь местами почти не отличающаяся от материкового слоя (слой № 3) с находками. Мощность дёрна – 5-10 см, слоя № 2 – 10-30 см, слоя № 3 – 10-60 см. Заполнение погребений, ям и сооружений различно: светло или тёмно-серая супесь с включениями угля, глиняной обмазки, глины. Материк – желтый песок, местами серый суглинок.

В процессе исследования были выявлены материалы эпохи бронзы и средневековья.

Найдены эпохи бронзы

В процессе исследования в 1983 гг. в юго-западной части раскопа зафиксировано западение размерами 13x 5.5 м тёмно-серой супеси (слой № 14) мощностью до 60 см содержащей фрагменты керамики эпохи бронзы. На площади раскопа преимущественно в его южной половине в слоях № 2 и 3 обнаружены фрагменты керамики и кремневый инвентарь. Кремневый инвентарь – 12 экземпляров. Орудия (5 экземпляров) представлены скребками, ножевидной пластиной, наконечником стрелы. Коллекция содержит различной величины семь отщепов. Керамический комплекс эпохи бронзы представлен фрагментами сосудов горшковидной формы коричневого и серого цветов с примесью песка, растительности или шамота, в глиняном тесте. Толщина стенок колеблется в пределах 4-7 мм. Венчики сосудов орнаментированы оттисками прямых или ломаных линий и их сочетаниями. Ряд фрагментов сосудов украшен шнуровым узором, оттисками гребенчатого штампа. Культурный слой эпохи бронзы был, очевидно, незначительным и в песчаном грунте не сохранился. Поэтому на большей площади раскопа как самостоятельный слой он не фиксируется. О наличии здесь памятника эпохи бронзы свидетельствуют находки керамики, кремневого инвентаря и наблюдение слоя № 14 в юго-западном конце раскопа.

В полевом сезоне 1984 г. в северо-восточной части раскопа на уч. ПР/11 на уровне – 40 см зафиксировано западение темно-серой супеси (слой № 14) мощностью до 35 см, содержащей фрагменты керамики коричневого цвета, орнаментированные резным узором. Размеры изученной части западения (сооружения?) 4,28 x 0,75 м. На глубине – 40-50 см обнаружено два развали сосудов эпохи бронзы. Максимальная глубина западения – 72 см.

На уч. ОП/10 было обнаружено погребение эпохи бронзы. На глубине – 95 см был выявлен лишь костный тлен. Погребенный был уложен головой на ЮЮВ. Руки, возможно, были согнуты в локтях и уложены на таз, ноги согнуты в коленях. Возможно, умерший был уложен на правый бок в слегка скорченном положении. В области изголовья, слева, на глубине – 95 см был обнаружен лепной сосуд, орнаментированный по шейке резным узором и рядом ямок. В погребении были обнаружены два галечниковых скола.

На площади раскопа найден также кремнёвый инвентарь – скобель, обломок шлифованного орудия, отщепы. Керамический комплекс эпохи бронзы представлен обломками сосудов, днищ с примесью песка, растительности или шамота в глиняном тесте. Керамика украшена оттисками гребенчатого штампа, ломанными линиями, резными насечками и др.

Материалы эпохи бронзы в данной статье подробно не рассматриваются, так как чертежи и описание находок будут даны в отдельной статье.

К эпохе средневековья относятся выявленные погребения Дербёшкинского могильника.

Описание погребений Дербёшкинского могильника

Погребение 1 (уч. Д/1-2; рис.3-4). Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 89 x 42 см, ориентированная в направлении СВ-ЮЗ зафиксирована на уровне – 60 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение представляет собой тёмно-серую супесь (слой № 5). На глубине 60-67 см в юго-западной части погребения обнаружены кости черепа. Погребённый был уложен головой на ЮЗ. В изголовье, справа от черепа, был поставлен глиняный сосудик (рис.6-4), слева была обнаружена стеклянная рассыпавшаяся бусина. Глубина фиксации находок 60-63 см. Максимальная глубина погребения – 69 см.

Погребение 2 (уч. КЛ/6-7). Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 200 x 83 см, ориентированная в направлении ВСВ-ЗЮЗ с отклонением к западу зафиксирована на уровне – 45 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение представляет собой светло-серую супесь (слой № 5). На глубине 60-72 см зафиксирован скелет человека, лежащего вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ с отклонением к западу. Лицевая часть черепа обращена на север. Руки погребённого, очевидно, были вытянуты вдоль туловища. Вещевой комплекс отсутствует. Максимальная глубина погребения – 73 см.

Погребение 3 (уч. Л/6-7; рис.2-4). Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 190 x 88 см, ориентированная в направлении ВСВ-ЗЮЗ зафиксирована на уровне – 45 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – светло-серая супесь (слой № 5). На глубине 60-75 см обнаружен скелет человека, лежащего на вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ. Череп повернут на правый бок, лицевой частью обращён на юг. Руки погребённого были вытянуты вдоль туловища. В области черепа у висков на глубине – 62 см обнаружены две серебряные височные подвески с напускными бусинами (рис.7-3,4). Максимальная глубина погребения – 85 см.

Погребение 4 (уч. Е/0-1). Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 207 x 71 см, ориентированная в направлении ВСВ-ЗЮЗ зафиксирована на уровне – 70 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – светло-серая супесь (слой № 5). На глубине – 70-85 см обнаружен скелет человека, лежащего вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ. Руки погребённого были вытянуты вдоль туловища. Череп расположен прямо, лицевой частью обращён вверх. Анатоми-

ческий порядок костей рёбер и позвоночника нарушен. Вещевой комплекс отсутствует. Максимальная глубина погребения – 90 см.

Погребение 5 (уч. Г/0-1; рис.4-4). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 195 x 80 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ-ВСВ с отклонением к западу, зафиксирована на уровне – 80 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – серая супесь с включениями глины (слой № 7). На глубине – 80-94 см обнаружены скелет человека. Погребённый был уложен, вытянуто на спине головой ЗЮЗ с отклонением к западу. Череп повёрнут на левый бок, обращён лицевой частью в северную сторону. Руки погребенного вытянуты вдоль туловища, ноги чуть согнуты. Умерший, возможно, был слегка повернут на левый бок. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 95 см.

Погребение 6 (уч. Б/0-1). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 210 x 80 см, ориентированная в направлении восток – запад, зафиксирована на уровне – 80 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – тёмно-серая супесь (слой № 8). На глубине – 95 см обнаружены скелет человека, лежащего вытянуто на спине, головой на запад. Череп направлен лицевой частью вверх. Правая рука погребённого была чуть согнута в локте, положена на таз, положение левой- не определено. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 102 см.

Погребение 7 (уч. Л/0-1). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 189 x 59 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ-ВСВ, зафиксирована на уровне – 50 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – светло-серая супесь (слой № 5). На глубине – 50-55 см обнаружен скелет человека, лежащего вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ. Череп погребённого был повернут на левый бок, лицевой частью обращён в северную сторону, руки вытянуты. Левая рука погребённого была слегка согнута в локте, положена на таз. Фаланги правой руки отсутствуют. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 57 см.

Погребение 8 (уч. М/0). Могильная яма подпрямоугольной формы, ориентированная в направлении ЗЮЗ-ВСВ, зафиксирована на уровне – 70 см. ЗЮЗ стенка погребения разрушена краем обрыва, размеры сохранившейся части могилы 158 x 47 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – светло-серая супесь (слой № 5). На глубине – 71-73 см обнаружен скелет человека, лежащего вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ. Череп отсутствует ввиду разрушенности этой части погребения. Руки, вероятно, были вытянуты вдоль туловища, кисть правой, возможно, лежала на костях таза. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 75 см.

Погребение 9 (уч. КЛ/1-2). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 183 x 87 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ-ВСВ, зафиксирована на уровне – 75 см. Очертания могильной ямы прослеживаются слабо. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – светло-серая супесь (слой № 5). На глубине – 76-87 см был обнаружен скелет человека, лежащего вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ. Череп погребённого был повернут на правый бок, лицевой частью обращён в южную сторону. Кисть правой руки погребённого была уло-

жена на тазовых костях. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 95 см.

Погребение 10 (уч. Н/1-2). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 203 x 56 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ-ВСВ, зафиксирована на уровне – 40 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – светло-серая супесь (слой №5). На глубине – 41-50 см обнаружен скелет человека, лежащего вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ. Череп повёрнут вправо, на ЮЮВ. Положение рук не определяется, так как плохая сохранность костей. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 55 см.

Погребение 11 (уч. МН/1-2). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 160 x 56 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ-ВСВ, зафиксирована на уровне – 45 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – серая супесь с включением угля (слой № 6). На глубине 50-52 см обнаружен скелет человека, лежащего вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ. Череп погребённого повёрнут на левый бок, лицевой частью обращён на ССЗ. Правая рука погребённого была вытянута вдоль туловища (положение кисти не фиксируется), левая – вытянута, кисть лежит на тазовых костях. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 54 см.

Погребение 12 (уч. Р/2-3). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 185 x 80 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ-ВСВ, зафиксирована на уровне – 60 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – светло-серая супесь (слой № 5). Юго-восточная стенка погребения перекрывает северо-западную стенку погребения 61. На глубине 61-66 см обнаружен скелет человека, лежащего вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ. Череп погребённого повёрнут на правый бок, лицевой частью обращён на юг. Левая рука вытянута вдоль туловища. Правая, вероятно, была положена на таз. Коленные суставы ног близко расположены друг к другу. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 69 см.

Погребение 13 (уч. И/1-2). Могильная яма подпрямоугольной формы с расширенным ЗЮЗ концом, ориентированная в направлении ЗЮЗ-ВСВ, зафиксирована на уровне – 45 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – светло-серая супесь (слой № 5). На глубине 45-53 см обнаружен скелет человека, лежащего вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ. Череп повёрнут на левый бок, лицевой частью обращён в северную сторону. Руки, очевидно, были вытянуты вдоль туловища, положение кистей рук не фиксируется. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 66 см.

Погребение 14 (уч. Р/6-7; рис.5-4). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 153 x 50 см, ориентированная в направлении восток – запад, зафиксирована на уровне – 65 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – светло-серая супесь (слой № 5). На глубине – 65-75 см обнаружен скелет человека, лежащего вытянуто на спине, головой на запад. Череп был слегка повернут вправо. Руки вытянуты вдоль туловища. Ноги, вероятно, были скрещены. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 83 см.

Погребение 15 (уч. Р/3-4; рис.4-2). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 147 x 42 см, ориентированная в направлении восток – запад, зафиксирована на уровне – 60 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – светло-серая супесь (слой № 5). На глубине – 61-74 см обнаружен скелет человека, лежащего вытянуто на спине, головой на запад. Череп погребённого был слегка повёрнут влево. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая – слегка согнута в локте, положена на таз. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 86 см.

Погребение 16 (уч. З/1-2; рис.4-3). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 158 x 43 см, ориентированная в направлении восток – запад, зафиксирована на уровне – 80 см. Западная половина погребения несколько шире, чем восточная. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – серая супесь с включением угля (слой № 6). На глубине – 80-89 см обнаружен скелет человека, лежащего вытянуто на спине, головой на запад. Руки, очевидно, были вытянуты вдоль туловища. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 100 см.

Погребение 17 (уч. К/17). На квадрате К/2 на глубине – 55-58 см обнаружены кости черепа и верхней конечности. Очертания могильной ямы зафиксировать не удалось. Костяк разрушен, но, судя по расположению черепа (лежащего на правом боку), погребённый был ориентирован головой, вероятно, в направлении ЮЮЗ.

Погребение 18 (уч. З/1-2). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 117 x 37 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ-ВСВ, зафиксирована на уровне – 50 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – светло-серая супесь (слой № 5). На глубине – 50-63 см обнаружен скелет человека, лежащего вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ с отклонением к западу. Череп повернут влево, лицевая часть обращена в северную сторону. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 74 см.

Погребение 19 (уч. ЖЗ/2-3; рис.2-5). Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 188 x 64 см, ориентированная в направлении восток – запад зафиксирована на уровне – 60 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – светло-серая супесь с включениями угля (слой № 6). На глубине – 60-86 см в погребении обнаружены два костяка.

Костяк «А». Обнаружен скелет взрослого человека, лежащего вытянуто на спине, головой на запад. Череп повернут вправо, лицевая часть обращена вверх. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая – согнута в локте и положена на таз.

Костяк «Б». Справа от костяка «А» в восточной части погребения обнаружен череп ребёнка на глубине – 63 см. Умерший был ориентирован головой на запад, лицевая часть обращена параллельно поверхности. За исключением костей черепа остальные кости не сохранились. Справа от черепа обнаружен глиняный сосуд. Максимальная глубина ямы – 96 см.

Погребение 20 (уч. К/2). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 133 x 66 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ-ВСВ, зафиксирована на уровне – 70 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – серая супесь

с включениями глины (слой № 7). На глубине – 70-80 см обнаружены кости человека плохой сохранности. Погребённый ребёнок был уложен головой ЗЮЗ, череп повёрнут на левый бок, ноги, возможно, были согнуты. Положение рук не определено. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 86 см.

Погребение 21 (уч. ДЕ/0-1; рис.4-6). Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 195 x 51 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ-ВСВ, зафиксирована на уровне – 80 см. Стенки ямы прямые, дно плоское, заполнение – светло-серая супесь с включениями угля (слой № 4). На глубине – 90-96 см обнаружен костяк. Погребённый был уложен вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ. Череп повёрнут на левый бок, лицевой частью обращён в северную сторону. Правая рука вытянута вдоль туловища, кисть левой положена на таз. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 110 см.

Погребение 22 (уч. Е/2; рис.5-6). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 192 x 54 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ-ВСВ, зафиксирована на уровне – 65 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – серая супесь с включением угля (слой № 6). На глубине – 65-75 см обнаружен скелет человека, лежащего вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ с отклонением к западу. Череп слегка повёрнут вправо. Правая рука, вероятно, вытянута вдоль туловища, левая – согнута в локте, положена на таз. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 87 см.

Погребение 23 (уч. ЕЖ/1-2). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 168 x 50 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ-ВСВ, зафиксирована на уровне – 75 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – светло-серая супесь с включением угля (слой № 6). На глубине – 75-80 см обнаружен скелет человека, лежащего вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ. Череп повёрнут на правый бок. Руки, вероятно, были вытянуты вдоль туловища. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 90 см.

Погребение 24 (уч. Ж/2-3; рис.4-7). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 162 x 63 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ-ВСВ с отклонением к З-В, зафиксирована на уровне – 65 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – светло-серая супесь (слой № 5). На глубине – 65-74 см обнаружен скелет человека, лежащего вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ. Череп повернут на левый бок, лицевой частью обращён на северную сторону. Правая рука согнута в локте и расположена на область живота, левая, вероятно, была вытянута вдоль туловища. Вещей нет. Максимальная глубина ямы- 82 см.

Погребение 25 (уч. 3/2-3). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 196 x 65 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ-ВСВ, зафиксирована на уровне – 55 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – светло-серая супесь с включением глины (слой № 7). На глубине – 65-76 см обнаружен скелет человека, лежащего вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ. Череп повернут на правый бок, лицевой частью обращён в южную сторону. Руки вытянуты вдоль туловища. Правая нога чуть согнута в колене. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 85 см.

Погребение 26 (уч. ЗИ/2). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 167 x 71 см, ориентированная в направлении восток – запад с небольшим отклонением, зафиксирована на уровне – 60 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – светло-серая супесь (слой № 5). На глубине – 65-71 см обнаружен скелет человека, лежащего вытянуто на спине, головой на запад. Череп повёрнут на правый бок, лицевой частью обращён в южную сторону. Правая рука вытянута вдоль туловища, положение левой не определено. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 88 см.

Погребение 27 (уч. Д/0-1; рис.3-7). Очертания могильной ямы практически не фиксируются. Определение границ сделано лишь предположительно. Вероятные её размеры 180 x 79 см, ориентирована в направлении восток – запад. Заполнение могилы не отличается от материка, однако при расчистке костяка в слое обнаружены угольки. На глубине – 60-72 см обнаружен скелет человека, лежащего вытянуто на спине, головой на запад. Руки вытянуты вдоль туловища. Анатомически порядок костей нарушен. Так, кости нижней челюсти обнаружены слева от черепа, в изголовье. На глубине 72 см слева от черепа обнаружен обломок бронзовой височной подвески (рис.7-5).

Погребение 28 (уч. Г/0-1). На участке Г/0-1 обнаружено разрушенное погребение. На глубине – 60 см зафиксированы кости человека. Погребённый был уложен головой на ЗЮЗ. Подробная характеристика положения костяка затруднительна, так как кости перемешаны в результате кладоискательского вкопа местного населения. Предположительные размеры погребения – 180 x 70 см, ориентировано по линии – ЗЮЗ-ВСВ. Вещей нет.

Погребение 29 (уч. В/1). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 192 x 58 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ-ВСВ, зафиксирована на уровне – 60 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – светло-серая супесь с включением угля (слой № 9). На глубине – 60-65 см обнаружен скелет человека, лежащего вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ. Череп повернут на правый бок. Руки, очевидно, были вытянуты вдоль туловища. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 86 см.

Погребение 30 (уч. Д/1; рис.4-5). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 195 x 61 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ-ВСВ, зафиксирована на уровне – 80 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – светло-серая супесь с включением угля (слой № 9). На глубине – 80-95 см обнаружен скелет человека, лежащего вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ. Череп повернут на левый бок. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая – согнута в локте и положена на таз. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 101 см.

Погребение 31 (уч. ДЕ/1). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 176 x 64 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ-ВСВ, зафиксирована на уровне – 80 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – серая супесь с включением угля (слой № 6). В ЗЮЗ части погребения, на глубине – 80-96 см

обнаружены кости черепа плохой сохранности. Погребённый был уложен, очевидно, головой на ЗЮЗ. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 96 см.

Погребение 32 (уч. Е/2; рис.5-3). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 180 x 62 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ-ВСВ, с отклонениями к ЮЗ-СВ зафиксирована на уровне – 60 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – серая супесь с включением угля (слой № 6). На глубине – 60-70 см обнаружен скелет человека, лежащего вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ. Череп повёрнут на правый бок. Левая рука слегка согнута в локте, положена на таз. Правая рука, возможно, также была положена на таз. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 87 см.

Погребение 33 (уч. Е/2). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 178 x 61 см, ориентированная в направлении З-ЗЮЗ – В-ВСВ, зафиксирована на уровне – 60 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – серая супесь с включением угля (слой № 6). На глубине – 60-67 см в З-ЗЮЗ части погребения обнаружены кости черепа плохой сохранности. Очевидно, погребенный был уложен головой на З-ЗЮЗ. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 70 см.

Погребение 34 (уч. И/4; рис.2-1). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 192 x 60 см, ориентированная в направлении ЮЗ-ЗЮЗ – СВ-ВСВ, зафиксирована на уровне – 60 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – серая супесь с включением угля (слой № 6). На глубине 50-60 см обнаружен скелет человека, лежащего вытянуто на спине, головой на ЮЗ-ЗЮЗ. Череп повёрнут на правый бок, лицевой частью обращён в южную сторону. Левая рука слегка согнута в локте и лежит под тазовыми костями. Положение правой не определено. Под черепом обнаружена подвеска-раковина (рис.7-7). Максимальная глубина ямы 87 см.

Погребение 35 (уч. О/2-3). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 204 x 82 см, ориентированная в направлении З-ЗЮЗ – В-ВСВ, зафиксирована на уровне – 50 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – светло-серая супесь (слой № 5). На глубине – 63-72 см зафиксированы останки погребённого. Кости плохой сохранности, анатомический порядок их нарушен. Умерший уложен вытянуто на спине, головой на З-ЗЮЗ. В области грудной клетки на глубине – 63 см обнаружен фрагмент бронзовой пластины. Максимальная глубина ямы – 88 см.

Погребение 36 (уч. И/2-3). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 168 x 64 см, ориентированная в направлении восток – запад, зафиксирована на уровне – 70 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – светло-серая супесь (слой № 5). На глубине – 80-92 см обнаружен скелет человека, уложенного вытянуто на спине, головой на запад. Череп слегка повёрнут на правый бок. Руки согнуты в локтях, кисти уложены на таз. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 95 см.

Погребение 37 (уч. ВГ/1-2; рис.3-5). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 176 x 62 см, ориентированная в направлении восток – запад, зафиксирована на уровне – 70 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – тёмно-серая супесь (слой № 8). На глубине – 70-82 см обнаружен скелет человека, лежащего вытянуто на спине, головой на запад. Череп расположен прямо. Левая рука согнута в локте, положена кистью на таз. Положение правой руки не фиксируется. Ступни ног соединены, повернуты вправо. На глубине – 76 см. в области черепа обнаружено бронзовое колечко. Максимальная глубина ямы – 90 см.

Погребение 38 (уч. Ж/6; рис.2-2). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 183 x 49 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ-ВСВ, обнаружена на уровне – 70 см. Стенки ямы прямые, дно плоское, заполнение – тёмно-серая супесь с включением глиняной обмазки (слой № 10). На глубине 73 см обнаружен скелет человека, лежащего вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ. Череп повернут на правый бок, лицевой частью обращён в южную сторону. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута, кисть её расположена на таз. Между костями голени, на глубине – 78 см обнаружена железная скоба. Максимальная глубина ямы – 83 см.

Погребение 39 (уч. Ж/6; рис.5-2). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 196 x 62 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ-ВСВ, зафиксирована на уровне – 70 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – светло-серая супесь с включением угля и обмазки (слой № 11). На уровне фиксации ямы в ВСВ части погребения обнаружены очертания западения «г» – образной формы, мощностью до 10 см. Возможно, это остатки погребальной конструкции. На глубине – 70-80 см обнаружен скелет человека, лежащего вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ. Череп слегка повернут вправо, лицевой частью обращён вверх. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте и расположена на область живота. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 85 см.

Погребение 40 (уч. К/2-3). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 197 x 59 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ-ВСВ, зафиксирована на уровне – 60 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – светло-серая супесь (слой № 5). На глубине – 60-70 см обнаружен скелет человека, лежащего вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ. Кости плохой сохранности. Руки вытянуты вдоль туловища. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 88 см.

Погребение 41 (уч. М/3-4). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 217 x 63 см, ориентированная в направлении З-ЗЮЗ – В-ВСВ, зафиксирована на уровне – 30 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – тёмно-серая супесь (слой № 8). На глубине – 72-86 см обнаружен скелет человека, лежащего вытянуто на спине, головой на З-ЗЮЗ. Череп повернут на правый бок. Руки вытянуты вдоль туловища, кисти рук расположены на таз. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 91 см.

Погребение 42 (уч. НО/2-3). Могильная яма подпрямоугольной формы, разме-

рами 202 x 62 см, ориентированная в направлении восток – запад, зафиксирована на уровне – 50 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – светло-серая супесь (слой № 5). На глубине – 75-85 см обнаружен скелет человека, лежащего вытянуто на спине, головой на запад. Череп повёрнут на правый бок, лицевой частью обращён в южную сторону. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте, положена на таз. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 89 см.

Погребение 43 (уч. Л/4-5; рис.3-6). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 146 x 50 см, ориентированная в направлении З-ЗЮЗ – В-ВСВ, зафиксирована на уровне – 25 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – светло-серая супесь (слой № 5). В З-ЗЮЗ половине погребения на глубине – 70-76 см обнаружены фрагменты костей от черепа. Погребение, вероятно детское. Умерший лежал головой на З-ЗЮЗ. В области черепа, на глубине – 70 см обнаружен глиняный сосудик (рис.6-6). Максимальная глубина ямы – 78 см.

Погребение 44 (уч. В/1). Очертания могильной ямы практически не фиксируются. Вероятные размеры её были 122 x 60 см, ориентация в направлении З-ЗЮЗ-В-ВСВ. На глубине – 80-87 см в З-ЗЮЗ части обнаружены кости черепа. При расчистке костей в слое обнаружены угольки. На глубине – 81 см обнаружен глиняный сосуд (рис.6-2).

Погребение 45 (уч. И/6; рис.5-5). Могильная яма подпрямоугольной формы с расширенным западным концом, ориентированная в направлении З-В, зафиксирована на уровне – 50 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – тёмно-серая супесь (слой № 8). На глубине – 59-72 см обнаружен скелет человека, лежащего вытянуто на спине, головой на запад. Череп повёрнут на правый бок. Правая рука слегка согнута в локте и положена на таз, левая – согнута и прижата к груди, кисть – на грудных верхних позвонках. Вещей нет. Максимальная глубина – 86 см.

Погребение 46 (уч. Л/5). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 143 x 48 см, ориентированная в направлении запад – восток, зафиксирована на уровне – 50 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – светло-серая супесь (слой № 5). На глубине – 50-55 см обнаружены кости черепа плохой сохранности. Погребённый лежал головой на запад. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 64 см.

Погребение 47 (уч. К/5-6; рис.3-1). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 193 x 53 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ-ВСВ, зафиксирована на уровне – 55 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – светло-серая супесь (слой № 5). На глубине – 55-70 см обнаружен скелет человека, лежащего вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ. Правая рука была, вероятно, вытянута вдоль туловища, положение левой – не фиксируется. Анатомическое положение костей слегка нарушено, кости плохой сохранности. Справа от черепа, в области виска на глубине – 55 см обнаружена бронзовая подвеска. Максимальная глубина ямы – 85 см.

Погребение 48 (уч. К/4; рис.5-8). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 224 x 62 см, ориентированная в направлении ЮЗ-ЗЮЗ – СВ-ВСВ, зафиксирована на – 60 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – серая супесь с включениями угля и глиняной обмазки (слой № 6). На глубине – 70-84 см обнаружен скелет человека, лежащего вытянуто на спине, головой на ЮЗ-ЗЮЗ. Череп повёрнут на правый бок, лицевой частью обращён в юг. Руки слегка согнуты и положены на таз. Кости голени и стоп перекрещены. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 98 см.

Погребение 49 (уч. Л/4-5). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 214 x 64 см, ориентированная в направлении запад-восток, зафиксирована на уровне – 70 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – светло-серая супесь (слой № 5). На глубине – 70-80 см обнаружен скелет человека, лежащего вытянуто на спине, головой на запад. Череп повёрнут на правый бок. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута, положена на таз. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 90 см.

Погребение 50 (уч. Л/3-4; рис.2-3). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 209 x 68 см, ориентированная в направлении запад – восток, зафиксирована на уровне – 60 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – серая супесь с включениями угля (слой № 6). На глубине – 76-90 см обнаружен скелет человека, лежащего вытянуто на спине, головой на запад. Череп повёрнут на правый бок. Кисть левой руки положена на таз, положение правой не фиксируется. На глубине – 77 см в области черепа обнаружена (серебряная?) бусина (рис.7-6). Возможно бусина от височной подвески. Максимальная глубина погребения – 96 см.

Погребение 51 (уч. К/3-4; рис.5-7). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 201 x 60 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ-ВСВ, зафиксирована на уровне – 70 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – тёмно-серая супесь (слой № 8). На глубине – 70-84 см обнаружен скелет человека, лежащего вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ. Череп повёрнут на правый бок. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте, кисть положена на бедро. Ноги слегка согнуты в коленях, кости голени и стоп перекрещены. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 98 см.

Погребение 52 (уч. Ж/3-4). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 198 x 69 см, ориентированная в направлении запад – восток, зафиксирована на уровне – 80 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – серая супесь с углём (слой № 6). На глубине – 80-93 см обнаружен скелет человека, лежащего вытянуто на спине, головой на запад. Череп повёрнут на левый бок. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте, кисть положена на таз. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 124 см.

Погребение 53 (уч. И/4-5). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 203 x 59 см, ориентированная в направлении запад – восток, зафиксирована

на уровне – 100 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – серая супесь с включениями угля и глиняной обмазки (слой № 6). На глубине – 100 см обнаружен скелет человека, лежащего вытянуто на спине, головой на запад. Череп повернут на правый бок. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте, кисть положена на таз. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 130 см.

Погребение 54 (уч. И/5-6; рис.5-1). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 188 x 51 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ-ВСВ, зафиксирована на уровне – 60 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – серая супесь с включениями угля и глиняной обмазки (слой № 6). На глубине – 65-79 см обнаружен скелет человека, лежащего вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ. Череп повернут на правый бок, лицевой частью обращён в южную сторону. Руки вытянуты вдоль туловища, кисть правой положена на таз. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 93 см.

Погребение 55 (уч. ЗИ/4). Очертания могильной ямы не фиксируются. Вероятные её размеры 128 x 54 см, ориентация в направлении ЗЮЗ-ВСВ. На глубине – 50-62 см обнаружены кости черепа, погребённый, вероятно, был ориентирован головой на ЗЮЗ.

Погребение 56 (уч. З/3-4; рис.4-1). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 180 x 58 см, ориентированная в направлении запад – восток, зафиксирована на уровне – 50 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – серая супесь с включением угля (слой № 6). На глубине – 65-78 см обнаружен скелет человека, уложенного вытянуто на правом боку, в скорченном положении. Руки согнуты в локтях, соединёнными ладонями прижаты к подбородку. Правая нога вытянута, левая согнута в колене, подтянута к области живота. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 90 см.

Погребение 57 (уч. В/1-2). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 215 x 71 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ-ВСВ, зафиксирована на уровне – 100 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – тёмно-серая супесь с углём (слой № 9). На глубине – 100-115 см обнаружен скелет человека, уложенного вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ. Череп слегка повернут влево. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая – согнута в локте и положена на таз. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 130 см.

Погребение 58 (уч. Ж/3-4). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 165 x 55 см, ориентированная в направлении З-ЗЮЗ – В-ВСВ, зафиксирована на уровне – 50 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – светло-серая супесь (слой № 5). На глубине – 60-69 см обнаружены останки погребённого. Кости плохой сохранности. Умерший был уложен головой на З-ЗЮЗ, положение рук и ног зафиксировать не удалось. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 75 см.

Погребение 59 (уч. Д/2-3; рис.4-8). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 200 x 73 см, ориентированная в направлении ЮЗ-ЗЮЗ – СВ-ВСВ,

зафиксирована на уровне – 60 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – серая супесь с включениями угля (слой № 6). На глубине – 60-74 см обнаружен скелет человека, уложенного вытянуто на спине, головой на ЮЗ-ЗЮЗ. Череп повёрнут на левый бок. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте и уложена на область живота. Правая нога согнута в колене. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 90 см.

Погребение 60 (уч. ЗИ/6). Очертания могильной ямы не фиксируются. Вероятные размеры её 132 x 68 см, ориентация в направлении ЮЗ-ЗЮЗ – СВ-ВСВ. На глубине – 50-52 см в ЮЗ-ЗЮЗ половине погребения обнаружена кость от черепа. Здесь же, на глубине – 50 см обнаружен глиняный сосуд (рис.6-1).

Погребение 61 (уч. Р/2-3). Очертания могильной ямы не фиксируются. Вероятные размеры её 181 x 62 см, ориентация в направлении ЮЗ-СВ. На глубине – 80-96 см обнаружены плохой сохранности кости черепа. Умерший был уложен головой на ЗЮЗ. Вещей нет. Северо-западная половина ямы, вероятно, была нарушена погребением 12.

Погребение 62 (уч. ЖЗ/5). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 184 x 74 см, ориентированная в направлении З-ЗЮЗ – В-ВСВ, зафиксирована на уровне – 70 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – серая супесь с углём (слой № 6). На глубине – 70-84 см обнаружен скелет человека, лежащего вытянуто на спине, головой на З-ЗЮЗ. Череп повёрнут на левый бок. Левая рука согнута в локте и уложена на таз, правая – также, вероятно, была уложена на бедро. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 96 см.

Погребение 63 (уч. В/2). Очертания могильной ямы не фиксируются. Вероятные размеры её 151 x 65 см, ориентация в направлении ЗЮЗ-ВСВ. На глубине – 60-75 см обнаружены кости, вероятно, нижних конечностей. Умерший, возможно, был ориентирован головой на ЗЮЗ. Вещей нет.

Погребение 64 (уч. Д/1). Очертания могильной ямы не фиксируются. Вероятные размеры её 95 X 65 см, ориентация в направлении ЗЮЗ-ВСВ. На глубине – 90 см обнаружены кости двух детских черепов. Умершие были уложены головой на ЗЮЗ. Вещей нет.

Погребение 65 (уч. ЖЗ/4). Очертания могильной ямы не фиксируются. Вероятные её размеры были 148 x 54 см, ориентация в направлении З-ЗЮЗ – В-ВСВ. На глубине – 60-66 см обнаружены плохой сохранности кости черепа. Умерший был уложен головой на З-ЗЮЗ. Вещей нет.

Погребение 66 (уч. КЛ/1-2; рис.3-2). Очертания могильной ямы не фиксируются. Вероятные её размеры были 80 x 45 см, ориентация в направлении ЗЮЗ-ВСВ. На глубине – 93 см обнаружен детский костяк. Кости плохой сохранности. Умерший был уложен головой на ЗЮЗ. В области черепа слева, обнаружена бронзовая височная подвеска с жёлудевидной привеской, в области таза, справа – бронзовая подвеска-бубенчик. Глубина находок – 93 см.

Погребение 67 (уч. К/10). Очертания могильной ямы не фиксируются, веро-

ятные её размеры 200 x 63 см, ориентация ЗЗЮЗ-ВВСВ. На глубине – 60 см обнаружен скелет человека, уложенного вытянуто на спине, головой на ЗЗЮЗ, руки вытянуты вдоль туловища. Вещи – фрагменты бронзовой пластины.

Погребение 68 (уч. П/3-4). Очертания могильной ямы не прослеживаются, вероятные размеры её 145 x 47 см, ориентации ЗЮЗ-ВСВ. На глубине – 40-59 см обнаружен скелет человека. Погребённый был уложен вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ. Череп повернут вправо, руки, очевидно, были вытянуты вдоль туловища. Анатомический порядок костей грудной клетки нарушен. Вещей нет.

Погребение 69 (уч. П/3-4). Очертания могильной ямы не прослеживаются, вероятные размеры её 197 x 70 см, ориентация ЗЮЗ – ВСВ. На глубине – 60-84 см обнаружен скелет человека. Погребенный уложен вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ. Анатомический порядок костей грудной клетки, правой руки, левой нижней конечности нарушен. Череп, возможно, был повернут на правый бок, руки, вероятно, были вытянуты вдоль туловища и уложены на таз. Вещей нет.

Погребение 70 (уч. 0/4). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 197 x 72 см, ориентированная в направлении З-ЗЮЗ – В-ВСВ зафиксирована на уровне – 60 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – светло-серая супесь (слой № 5). На глубине – 60-75 см обнаружен скелет человека. Погребённый был уложен вытянуто на спине, головой на З-ЗЮЗ. Череп повернут вправо. Руки вытянуты вдоль туловища, кисть правой положена на таз. Вещей нет. Максимальная глубина, ямы – 80 см.

Погребение 71 (уч. 0П/9-10). Очертания могильной ямы не прослеживаются. Вероятные её размеры 200 x 68 см, ориентировано на ЗЮЗ-ЮЗ – ВСВ-СВ. На уровне – 50-66 см обнаружен скелет человека, уложенного вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ-ЮЗ. Череп повернут вправо, руки вытянуты вдоль туловища, кости рук, вероятно, были уложены на таз. При расчистке костяка в слое обнаружены угольки. Вещей нет.

Погребение 72 (уч. П/9-10). Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 205 x 76 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ-ЮЗ – ВСВ-СВ зафиксирована на уровне – 50 см. Стенки ямы прямые, дно плоское, заполнение – серая супесь с включением угля (слой № 6). На уровне – 50-62 обнаружен скелет человека, уложенного вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ-ЮЗ. Череп повернут вправо. Руки вытянуты вдоль туловища, правая – согнута в локте, уложена на таз. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 77 см.

Погребение 73 (уч. 0/6-7). Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 215 x 61 см ориентированная в направлении восток-запад зафиксирована на уровне – 60 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – светло-серая супесь (слой № 5). На глубине – 60-72 см обнаружен скелет человека, уложенного вытянуто на спине, головой на запад. Руки согнуты в локтях, кисти уложены на таз. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 79 см.

Погребение 74 (уч. НО/6; рис.2-6). Очертания могильной ямы не прослежива-

ются. Вероятные размеры её 175 x 60 см, ориентация восток-запад. На глубине – 60-69 см обнаружен скелет человека, уложенного вытянуто на спине, головой на запад. Руки были, вероятно, вытянуты вдоль туловища, правая нога согнута в колене. Кости плохой сохранности.

В области груди, справа обнаружена круглая бронзовая пластинчатая бляха, диаметром 58 мм. В центре бляхи фиксируется рваная пробоина и трещина. Поэтому бляху ремонтировали: по центру бляхи на штифтах положена бронзовая полоса шириной 24 мм (рис.7-1).

Погребение 75 (уч. М/6; рис.3-3). Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 177 x 64 см, ориентированная в направлении восток-запад зафиксирована на уровне – 60 см. Стенки ямы прямые, дно плоское, заполнение – светло-серая супесь (слой № 5). На глубине – 60-75 см обнаружен скелет человека. Погребенный уложен вытянуто на спине, головой на запад, слегка повернут на левый бок. В области грудных костей на глубине – 65 см обнаружен фрагмент бронзовой, вероятно, круглой пластинчатой бляхи с ушком (рис.7-8). По краю бляхи и в центре имеются сквозные отверстия. На костях правой руки обнаружен вырезанный из тонкой бронзовой пластины перстень с квадратным щитком, украшенным растительным орнаментом, концы пластины спаяны в кольцо (рис.7-2). В области лицевых костей черепа, слева, обнаружены фрагменты бронзовой (серебряной?) пластинки со сквозными отверстиями. В области верхних костей грудной клетки обнаружена голубая ребристая бусина из глухого стекла. Максимальная глубина ямы – 77 см.

Погребение 76 (уч. 0/6). Очертания могильной ямы не прослеживаются, вероятные размеры её 131 x 64 см, ориентация ЗЮЗ-ВСВ. На глубине – 60-70 см обнаружены кости черепа. Погребенный был уложен головой на ЗЮЗ. В изголовье умершего был поставлен глиняный лепной сосуд. Сосуд невысоких пропорций, с округлым дном. Венчик, шейка и туловище были покрыты орнаментом. Верхняя часть шейки ориентирована горизонтальными рядами гребенчатого штампа. Туловище украшено пересекающимися линиями мелкозубчатого гребенчатого штампа. Сосуд имеет налепные ушки, верхняя часть которых украшена резными прочерченными линиями (рис.6-3). Слева от черепа была обнаружена просверленная галька, справа – кальцинированная кость. Обнаружен в погребении также фрагмент железных удил.

Погребение 77 (уч. П/9-10). Очертания могильной ямы не прослеживаются. Вероятные размеры её 160 x 50 см, ориентация ЗЮЗ-ЮЗ – ВСВ-СВ. На глубине – 80 см обнаружен костяк. Погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ-ЮЗ. Череп повернут вправо, левая рука, возможно, была положена на таз. Кости плохой сохранности. Вещей нет.

Погребение 78 (уч. И/10-11). Очертания могильной ямы не фиксируются. Вероятные размеры её 180 x 65 см, ориентация запад – восток. На глубине – 60 см обнаружен скелет человека, уложенного вытянуто на спине, головой на запад.

Руки вытянуты вдоль туловища. Вещей нет.

Погребение 79 (уч. М/6). Очертания могильной ямы не прослеживаются, вероятные размеры ее 105 x 39 см, ориентация восток-запад с небольшим отклонением к ЗЮЗ-ВСВ. На глубине – 70-75 см обнаружены кости черепа и нижних конечностей (голени) человека. Умерший был уложен, вероятно, вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ. Череп повернут вправо. В изголовье на глубине – 70 см обнаружен глиняный лепной сосуд тёмного цвета диаметром 7 см. Сосуд орнаментирован по шейке и плечику отисками шнуря, в верхней части туловища расположено три псевдоушка. В области груди обнаружены две бусины: голубая серебристая и черная стеклянная с белыми глазками.

Погребение 80 (уч. Н/6). Очертания могильной ямы не прослеживаются. Вероятные её размеры – 185 x 204 см были определены по находкам разбросанных человеческих костей. Анатомический порядок костей верхних и нижних конечностей нарушен. Достоверно фиксируется ориентация костяка – головой на запад. В погребении обнаружены на глубине – 92-113 см мелкие фрагменты бронзовых тонких пластинок.

Погребение 81 (уч. М/6). Очертания могильной ямы не прослеживаются, вероятные размеры её 115 x 49 см, ориентация З-ЗЮЗ – В-ВСВ. На глубине – 65 см обнаружены кости черепа ребенка. Умерший был уложен головой на З-ЗЮЗ. В изголовье, выше черепа, на глубине – 69 см обнаружен лепной неорнаментированный сосуд диаметром 6,6 см (рис.6-7), рядом глиняная бусина.

Погребение 82 (уч. Н/10). Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 199 x 59 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ-З – ВСВ-В зафиксирована на уровне – 60 см. Стенки могилы прямые, дно плоское, заполнение – светло-серая супесь с включениями угля (слой № 4). На уровне – 66-78 см обнаружен скелет человека, уложенного вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ, с отклонением к западу. Череп повернут влево, руки вытянуты вдоль туловища, кисти, возможно, были уложены на таз. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 82 см.

Погребение 83 (уч. М/10). Очертания могильной ямы не прослеживаются, вероятные размеры её 188 x 57 см, ориентация ЗЮЗ-ВСВ. На глубине – 60 см обнаружен скелет человека, уложенного вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ. Руки, очевидно, были вытянуты вдоль туловища. Череп слегка повернут вправо (?). Вещей нет.

Погребение 84 (уч. Л/10-11). Очертания могильной ямы не прослеживаются, вероятные размеры её 154 x 43 см, ориентация восток-запад. На уровне 62-65 см обнаружен скелет человека, уложенного вытянуто на спине, головой на запад. Череп повернут вправо, руки вытянуты вдоль туловища, были уложены, вероятно, на таз. При расчистке костяка в слое обнаружены угольки. Вещей нет.

На площади раскопа изучен ряд ям.

Яма I (уч. 3/1) овальной формы, размерами 82 x 73 см зафиксирована на уровне – 75 см. Стенки ямы наклонные, дно плоское, заполнение – светло-серая су-

песь (слой № 5). Находок не обнаружено. Максимальная глубина ямы – 84 см.

Яма II (уч. Р/9) овальной формы, размерами 105 x 47 см, ориентированная в направлении СЗ-ЗСЗ – ЮВ-ВЮВ зафиксирована на уровне – 70 см. Стенки ямы наклонные, дно плоское, заполнение – светло-серая супесь с углём (слой № 4). Находок не обнаружено. Максимальная глубина ямы – 93 см.

Яма III (уч. М/5) подпрямоугольной формы, размерами 120 x 85 см, ориентированная в направлении запад-восток зафиксирована на уровне – 50 см. Стенки ямы наклонные, дно овальное, заполнение – светло-серая супесь (слой № 5). В центральной части ямы, на уровне – 50 см, выявлено пятно овальной формы, размерами 63 x 37 см. Заполнение – серая супесь с включениями угля (слой № 6), мощность – до 25 см. На этом же уровне фиксации, обнаружен изогнутой формы прокал размерами 66 x 25 см, мощностью до 23 см. Находок не обнаружено. Максимальная глубина ямы – 85 см.

Яма IV (уч. Р/2) овальной формы, размерами 79 x 46 см, ориентированная в направлении ориентированная в направлении запад – восток зафиксирована на уровне – 80 см. Стенки ямы наклонные, дно овальное, заполнение – светло-серая супесь (слой № 5). Находок не обнаружено. Максимальная глубина ямы – 100 см.

Яма V (уч. К/6-7) подпрямоугольной формы, размерами 120 x 76 см, ориентированная в направлении СЗ-ЮВ зафиксирована на уровне – 70 см. Стенки ямы наклонные, дно плоское, заполнение – светло-серая супесь (слой № 5). Находок нет. Максимальная глубина ямы – 78 см.

Яма VI (уч. О/2) подпрямоугольной формы, размерами 134 x 86 см, ориентированная в направлении СЗ-ЮВ зафиксирована на уровне – 75 см. Стенки ямы прямые, дно плоское, заполнение – темно-серая супесь (слой № 8). На уровне фиксации ямы, в её северной части обнаружено углистое пятно овальной формы размерами 28 x 14 см, мощностью до 6 см. В южной части – прокал подтреугольной формы размерами 42 x 49 см, мощностью до 17 см. и углистое пятно овальной формы размерами 50 x 39 см мощностью до 15 см. Находок нет. Максимальная глубина ямы – 115 см.

Яма VII (уч. К/4-5) подпрямоугольной формы, размерами 135 x 60 см, ориентированная в направлении запад – восток зафиксирована на уровне – 85 см. Стенки ямы наклонные, дно плоское, заполнение – светло-серая супесь (слой № 5). Находок нет. Максимальная глубина ямы – 108 см.

Яма VIII (уч. Н/3-4) подпрямоугольной формы, размерами 150 x 85 см, ориентированная в направлении запад – восток зафиксирована на уровне – 60 см. Стенки ямы наклонные, дно плоское, заполнение – светло-серая супесь с включениями угля (слой № 4). В центральной части ямы на глубине – 60 см зафиксировано овальное пятно размерами 33 x 30 см, глубиной 28 см, заполнение – темно-серая супесь с углём (слой № 9). Находок нет. Максимальная глубина ямы – 95 см.

Яма IX (уч. И/7) подпрямоугольной формы, размерами 215 x 80 см, ориентированная в направлении ЮЗ-СВ зафиксирована на уровне – 50 см. Стенки ямы

прямые, дно плоское, заполнение – темно-серая супесь (слой № 8) с вкраплениями пережженного песка. Находок нет. Максимальная глубина ямы – 90 см.

Яма X (уч. 0/9) овальной формы размерами 106 x 66 см ориентированная в направлении ВСВ-ЗЮЗ, зафиксирована на уровне 50 см. Стенки ямы наклонные, дно овальное, заполнение – светло-серая супесь (слой № 5). Находок нет. Максимальная глубина ямы 78 см.

Яма XI (уч. К/8) изогнутой овальной формы размерами 177 x 73 см, ориентированная в направлении СЗ-ЮВ, зафиксирована на уровне 80 см. Дно ямы овальное, заполнение – светло-серая супесь (слой № 5). Находок нет. Максимальная глубина ямы 113 см.

Яма ХП (уч. 3/9) овальной формы размерами 152 x 90 см, ориентированная в направлении север-юг зафиксирована на уровне 60 см. Дно ямы овальное, заполнение – светло-серая супесь (слой № 5). Находок нет. Максимальная глубина 77 см.

Яма XIII (уч. П/10) овальной формы размерами 168 x 108 см, ориентированная в направлении СВ-ЮЗ зафиксирована на уровне 80 см. Стенки ямы наклонные, дно овальное, заполнение – тёмно-серая супесь (слой № 8). В северо-западной половине ямы на уровне её фиксации наблюдаются очертания прокала мощностью до 5 см и углистого пятна мощностью до 24 см овальной формы размерами 76 x 108 см. Находок не обнаружено. Максимальная глубина ямы 132 см.

Яма XIV (уч. 0/11) зафиксирована на уровне 40 см. Исследована западная часть ямы размерами 135 x 99 см. Стенки ямы наклонные, дно овальное. Заполнение – светло-серая супесь (слой № 4). На уровне 60 см обнаружено прокаленное пятно мощностью до 25 см с включением золы. Находок не обнаружено. Максимальная глубина ямы – 95 см.

В процессе раскопок изучено сооружение I (уч. ЗИ/4-6; рис.1) окружной формы размерами 3,3 x 3 м, зафиксированное на глубине – 60 см. Сооружение состоит из канавки кольцевой формы, ширина которой колеблется в пределах 40-85 см. Стенки канавки слегка наклонные, дно уплощенное, максимальная глубина канавки – 90 см. Заполнение – темно-гумусированная супесь (слой № 15). В этом слое обнаружены кальцинированные кости, сырье кости животных, зубы лошади, угольки. Глубина находок – 60-80 см. Максимальная глубина сооружения 102 см.

Интерес представляет канавка на уч. ЗЖ/4. Зафиксирована на уровне – 50 см часть, вероятно, кольцевой канавки шириной 60 см. Стенки канавки наклонные, дно овальное. На уровне фиксации канавки обнаружен прокал овальной формы размерами 60 x 38 см, мощностью 8 см и углистое пятно подтреугольной формы размерами 50 x 40 см, мощностью 10 см. В заполнении канавки – светло-серой супеси (слой № 5) обнаружены мелкие фрагменты керамики, глиняная обмазка. Максимальная глубина канавки – 66 см.

В процессе изучения на площади могильника на участках МН/6-7 на глубине – 35 см зафиксирована канавка кольцевой формы, ширина канавки колеблется в пределах 50-98 см, максимальная глубина – 60 см. Стенки канавки наклонные,

дно овальное, заполнение – темно-гумусированная супесь (слой № 15). В этом слое обнаружены кальцинированные кости, угольки. Западные концы канавки не фиксируются. Происхождение и характер назначения канавки требуют специального изучения.

На площади раскопа зафиксированы очертания 19 столбовых ямок.

№	Участок	Уровень фиксации	Диаметр /в см/	Глубина /в см/	Форма ямы	Форма дна	Заполнение ямок
1.	ИК/0	-65	7	69	округл.	овальн.	слой №8
2.	Н/2	-90	16	103	округл.	овальн.	слой №8
3.	М/5	-20	7	27	округл.	овальн.	слой №8
4.	М/4	-20	22	34	округл.	овальн.	слой №9
5.	М/5	-20	28	34	округл.	овальн.	слой №9
6.	К/6	-40	25	56	округл.	овальн.	слой №9
7.	Л/4	-40	30	55	округл.	овальн.	слой №8
8.	Ж/3	-40	6	42	округл.	овальн.	слой №5
9.	И/2	-40	20	45	округл.	овальн.	слой №5
10.	М/3	-50	22	68	округл.	овальн.	слой №8
11.	В/0	-140	10	160	округл.	овальн.	слой №8
12.	Л/4	-50	34	64	округл.	овальн.	слой №5
13.	К/4	-60	28	68	округл.	овальн.	слой №8
14.	И/5	-60	20	63	округл.	уплощ.	слой №8
15.	Ж/5	-80	9	85	округл.	овальн.	слой №5
16.	И/5	-60	20	65	округл.	уплощ.	слой №8
17.	ОП/11	-20	25	35	округл.	овальн.	слой № 2
18.	Н/10	-70	34	10	округл.	овальн.	слой №2
19.	М/6	-30	15	16	округл.	овальн.	слой №2

На площади раскопов был обнаружен вещевой комплекс: бронзовая накладка, железная подвеска, железные ножи и удила, глиняные сосуды и т.д.

Предварительно могильник можно датировать XII-XIV вв. н.э.

В данной статье представлены материалы полевых исследований Дербёшкского могильника. Раскопки 1983-1984 гг. Анализ погребального обряда, типология и хронология вещевого инвентаря будут представлены в статье в одном из последующих номеров журнала «Finno-Ugrica».

Архивные материалы

Ютина Т.К. Отчет о раскопках Дербёшкского могильника в Актанышском районе Татарской АССР // Фонды института истории и культуры народов Приуралья Удмуртского госуниверситета. Ф.2. Д.192.

Ютина Т.К. Отчет о раскопках Дербёшкского могильника в Актанышском, Варзинско-Пельгинского городища в Агрывском районах Татарской АССР и Варагинского городища в Алнашском районе Удмуртской республики // Фонды института истории и культуры народов Приуралья Удмуртского госуниверситета. Ф.2.

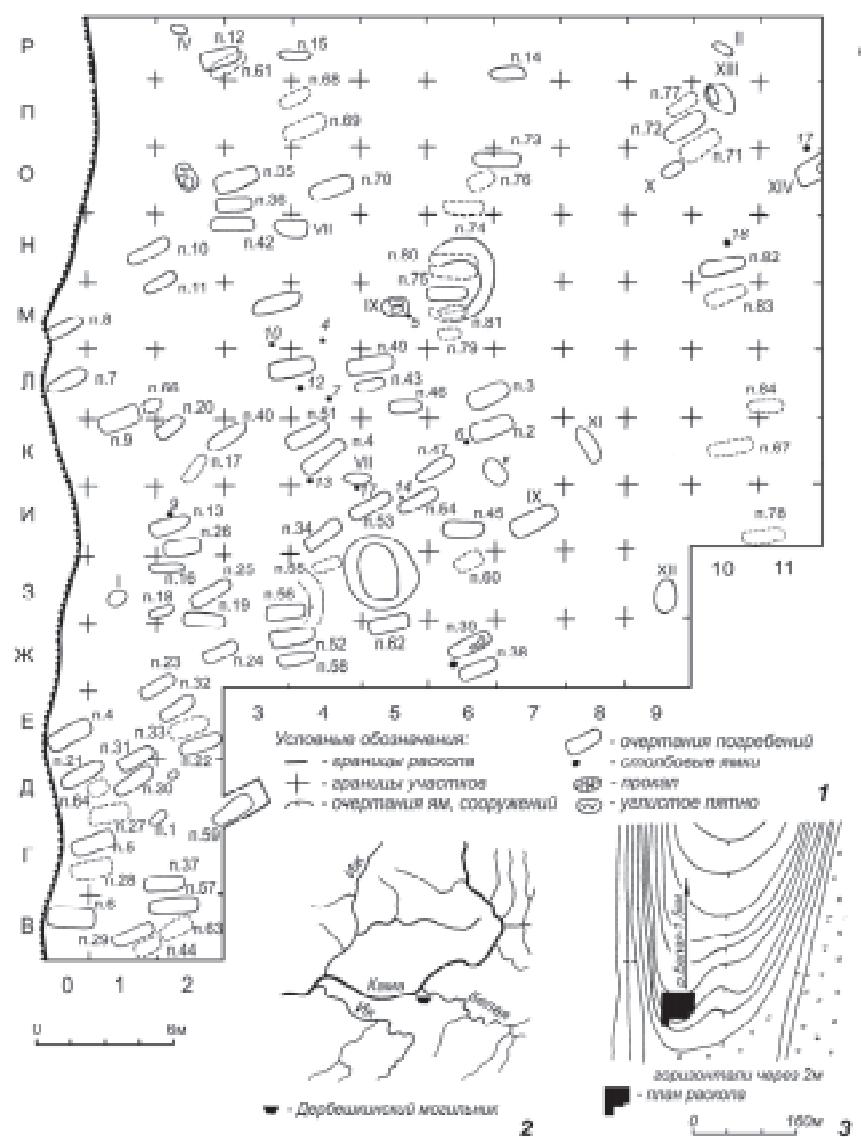

Рис. 1. Дербёшкинский могильник. 1 – план раскопа; 2 – схема расположения могильника в бассейне р.Белой; 3 – топографический план памятника.

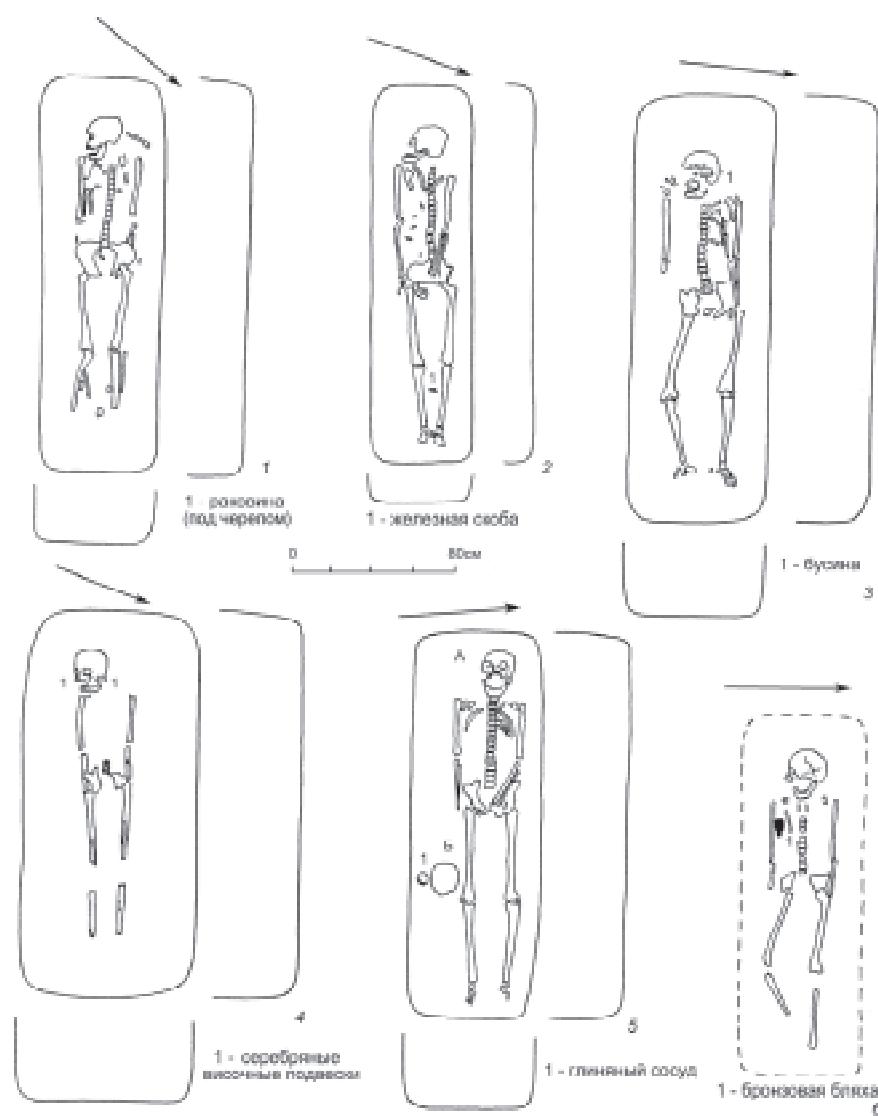

Рис. 2. Дербёшкинский могильник. 1 – погребение 34; 2 – погребение 38; 3 – погребение 50; 4 – погребение 3; 5 – погребение 19; 6 – погребение 74.

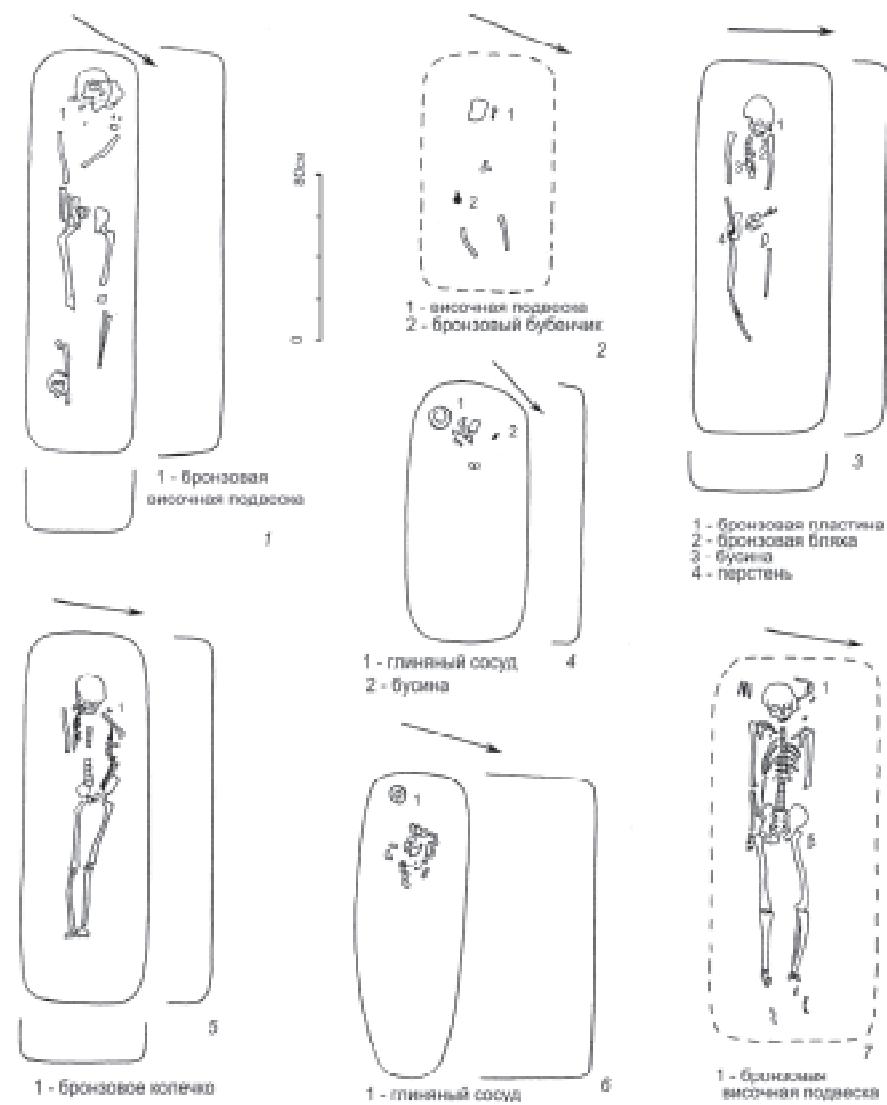

Рис. 3. Дербёшкинский могильник. 1 – погребение 47; 2 – погребение 66; 3 – погребение 75; 4 – погребение 1; 5 – погребение 37; 6 – погребение 43; 7 – погребение 27.

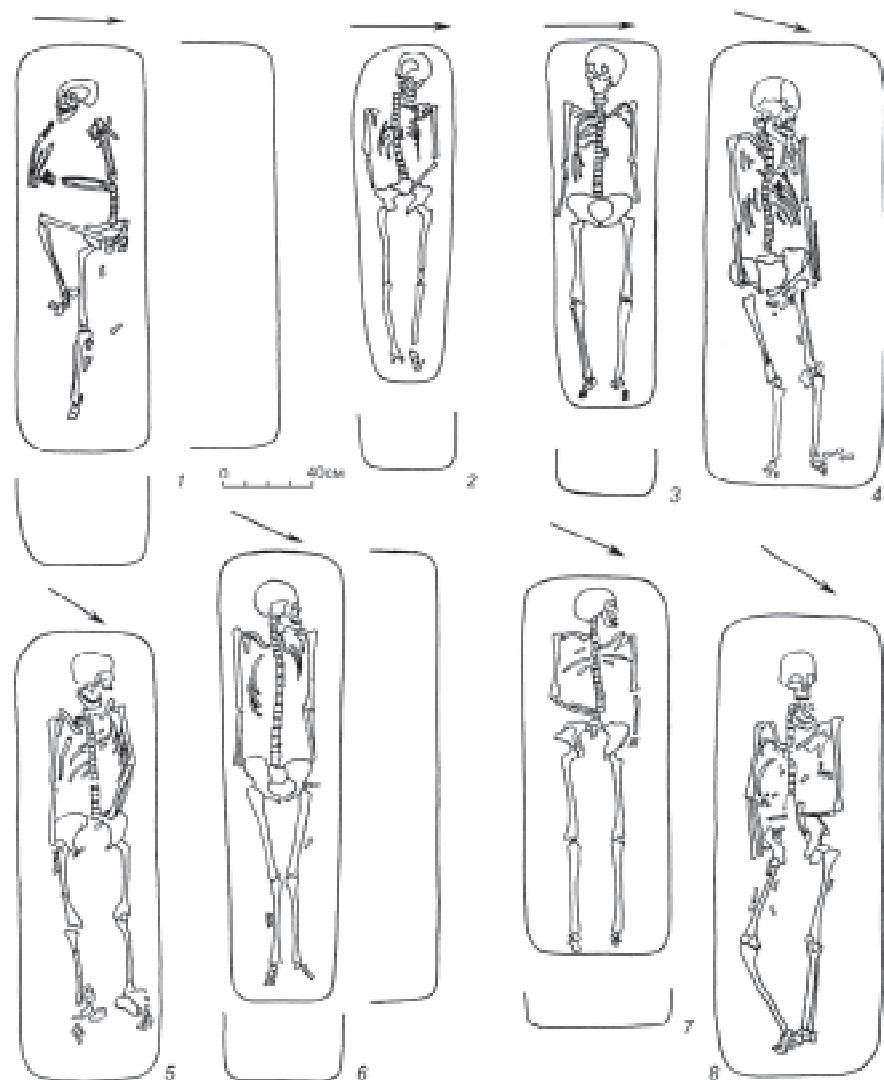

Рис. 4. Дербёшкинский могильник. 1 – погребение 56; 2 – погребение 2; 3 – погребение 16; 4 – погребение 5; 5 – погребение 30; 6 – погребение 21; 7 – погребение 24; 8 – погребение 59.

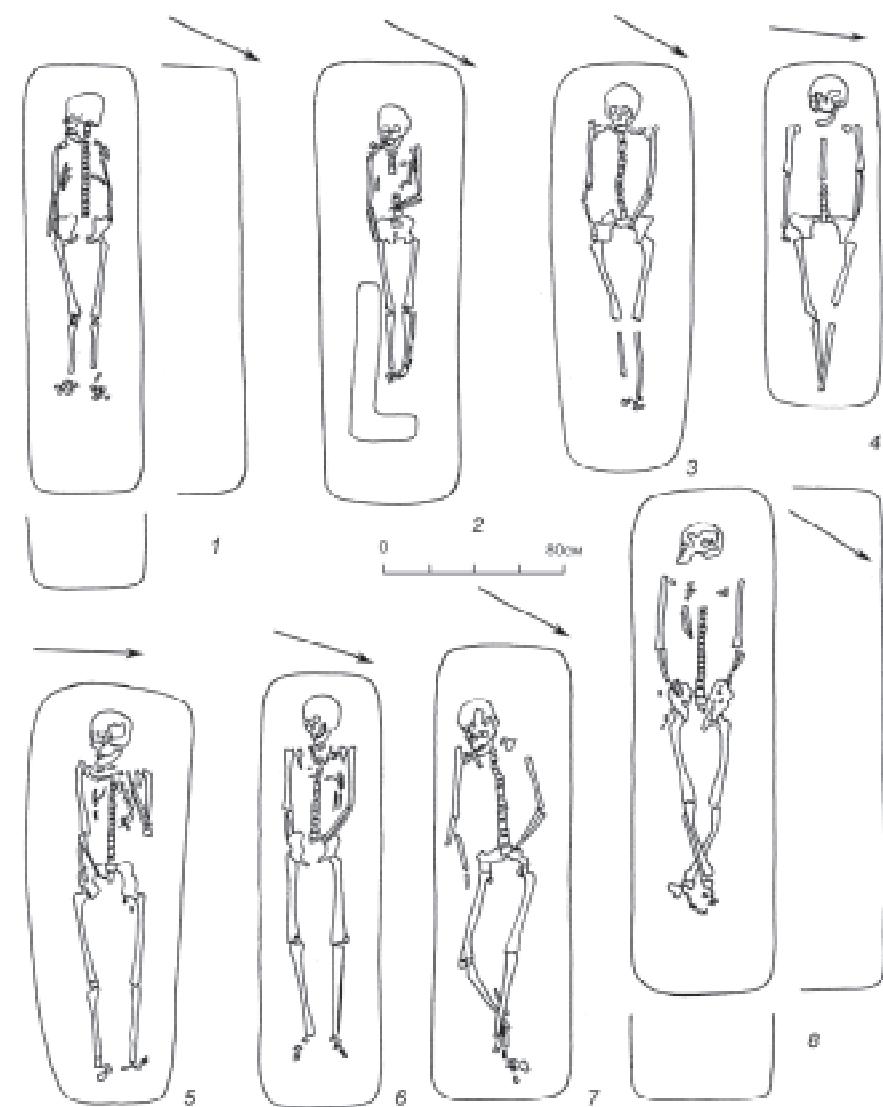

Рис. 5. Дербёшкинский могильник. 1 – погребение 54; 2 – погребение 39; 3 – погребение 32; 4 – погребение 14; 5 – погребение 45; 6 – погребение 22; 7 – погребение 51; 8 – погребение 48.

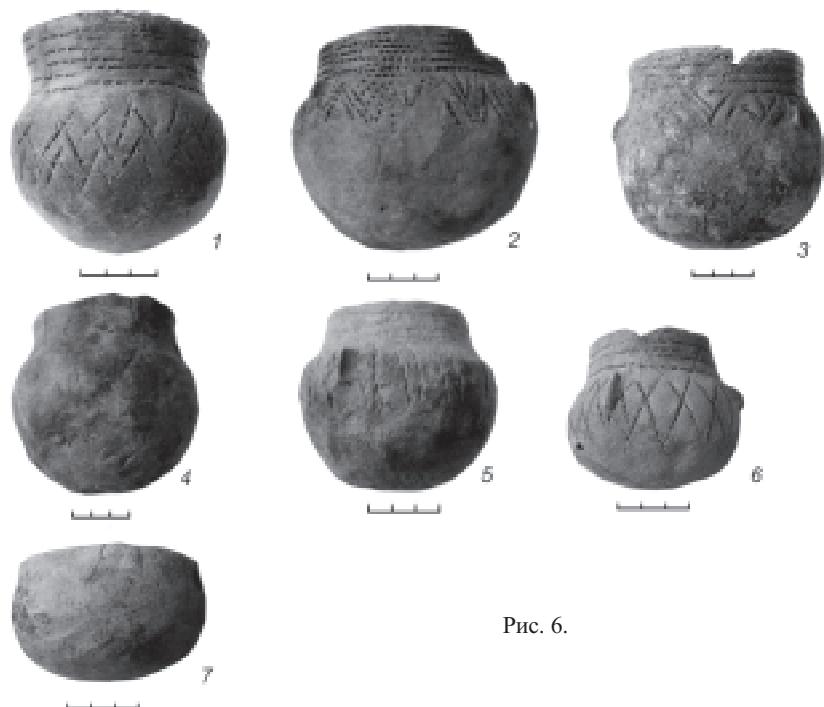

Рис. 6.

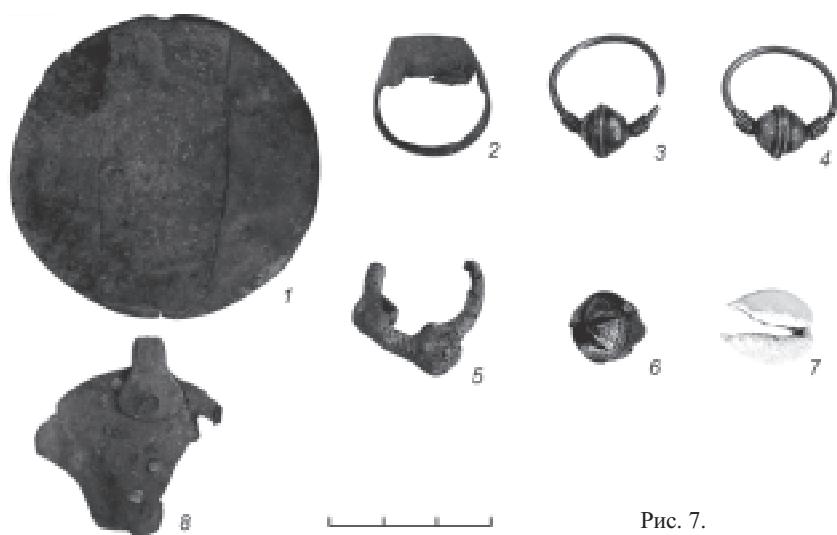

Рис. 7.

Оксана Игнатьева
**Термин «Пермский звериный стиль»
в историографическом аспекте**

В современной научной литературе стало вполне частым явлением по отношению к предметам культовой пластики Прикамья использовать термин «permский звериный стиль». Большинство авторов ссылаются на уже существующую традицию употребления данного названия, сформировавшуюся во второй половине XIX – начале XX вв. Но, тем не менее, история появления этого термина никем специально не исследовалась.

Появление нового термина в отношении уже известного предмета действует как бы в двух противоположных направлениях. С одной стороны, введение нового термина способствует расширению устоявшегося – и потому, как правило, безотчетного – понимания предмета. С другой стороны, новое название словно ограничивает представление о предмете определенной рамкой, не допускающей его произвольного расширения.

Смена терминологии может свидетельствовать об изменении в области исследуемого явления, а может и произвести существенные изменения в мышлении, в точке зрения на предмет. В связи с вышесказанным, интерес к возникновению и использованию термина «permский звериный стиль» не кажется праздным, более того, следуя по пути исследования терминологии, можно вскрыть существующие противоречия в изучении культового литья Прикамья.

В истории изучения permского звериного стиля можно выделить два основных периода: 1. С середины XIX в. по 1930-е гг.; 2. С 1950-х гг. по современный момент. Первый период изучения permского звериного стиля связан с господством в науке эволюционистских представлений. Под влиянием эволюционизма развиваются в это время такие исторические науки как археология, этнография, поскольку исходным положением эволюционизма является идея постепенного развития человечества от самых древних ступеней до современного состояния. Кроме того, эволюционизм характеризует идея единства человеческого рода и единобразия развития культур, для становления археологии это имело решающее значение в аспекте выделения единых стадий исторического прошлого человечества и их изучения. Эволюционистская парадигма обуславливала и первый период истории изучения permского звериного стиля. Главным образом это проявлялось в стремлении выделить некую ступень в развитии древнего искусства, которой соответствует «звериный стиль». В этой связи культовое литье Прикамья не рассматривалось как некий феномен, подчеркивающий своеобразие локальной культуры, а задачи исследователя сводились к определению стадии развития, которой соответствует permский звериный стиль.

Большую роль на научное изучение permского звериного стиля сыграл и диффузионизм, возникновение которого относится к концу XIX – началу XX вв.

В качестве ведущих форм развития культуры, с позиции диффузионизма, рассматриваются заимствования, переносы культурных элементов, а также их смешение. Обобщенно эти формы определяются как диффузия. При этом диффузии подвергаются как предметы материального быта, так и духовные явления: мифы, культуры, обычаи. Любой элемент культуры, с точки зрения диффузионизма, возникает только однажды и если составить карту его распространения, то можно определить первоначальное место зарождения каждого элемента.

Теория диффузионизма, которой придерживались некоторые из дореволюционных исследователейpermского звериного стиля, влияла и на аспекты изучения, так авторов интересовала не столько проблема семантики культового литья, сколько проблема происхождения. Взгляды на иноземное происхождение permского звериного стиля были чрезвычайно распространеными, в качестве генетической родины культового литья называли разные цивилизации: Др. Индию, Китай, античный мир и т.д. Наиболее ярко данная теория в отношении permского звериного стиля отражена в работах Д.Н.Анучина, А.В.Шмидта.

Одним из главных вопросов в исследовании предметов permского звериного стиля в первый период изучения был вопрос о культурной принадлежности культового литья. Важную роль не только в привлечении интереса к древностям Прикамья, но и к находкам permского звериного стиля сыграли легендарные представления о Биармии и Чуди. Археология рассматривалась как наука, которая сможет подтвердить или опровергнуть эти легендарные представления, а предметы permского звериного стиля зачастую выступали для исследователей в качестве «чудских» изображений или иллюстраций биармийских мифов. Открытие памятников скифского звериного стиля также содействовало познавательной активности в отношении культового литья Прикамья.

В спорах и размышлении о культурной принадлежности древнего искусства Прикамья появляется и сам термин «permский звериный стиль», при чем к использованию данного названия до сих пор нет однозначного отношения. Можно выделить три спектра отношения к терминологии «permский звериный стиль»: положительный (активное использование этого термина в отношении предмета исследования); нейтральный (как фиксация имеющейся традиции использования термина «permский звериный стиль»); отрицательный (связан с отрицанием релевантности данного названия).

Предметы permского звериного стиля не сразу попали в поле зрения ученых, связано это, прежде всего, с условиями находок культового литья. Большинство предметов найдено не в ходе археологических раскопок, а в качестве так называемых «кладов» или в виде одиночных, случайных находок. Местное население permского края, прежде всего крестьяне, находили предметы культового литья при распашке полей, работе на огородах, во время весенних паводков.

Отношение местного населения к предметам permского звериного стиля было неоднозначным. С одной стороны, эти вещи вызывали страх, особенно если это

были антропоморфные изображения, получившие в народе название «черти», от таких предметов стремились избавиться.

С другой стороны, культовое литье, как и другие бронзовые и серебряные изделия, стало сбываться с целью переплавки. Этую тенденцию отмечали практически все исследователи пермского звериного стиля XIX – начала XX вв., например Й.Р.Аспелин, выступая на IV Археологическом съезде в Казани: «тот, кто знает некоторых новейших бронзовщиков в деревнях, знает также, что материал их почти исключительно состоит из старого металлического литья, которое они получают в обмен в окрестностях» [Аспелин Й.Р., 1877, с. 6].

Найдки предметов культового литья связывались местным населением с Чудью, назывались «чудскими богами», выделялись и особые изображения, например, многочисленные птицевидные изображения получили название «курочкин бог», для других типов изображений использовались термины «дивовища», «чечки» и т.д.

С 40-х гг. XIX в. начинается период собирания предметов пермского звериного стиля в частные коллекции, один из первых коллекционеров, С.Г.Строганов, использовал в отношении них термин – «изображения чудских богов». С.В.Ешевский считал наличие предметов культового литья характерной особенностью Прикамья, а в отношении самих изделий употреблял термины: «идолы», «металлические изображения людей и животных», «бляхи».

Ф.А.Теплоухов рассматривал пермский звериный стиль, прежде всего, как явление древнего искусства, опираясь на популярные в то время идеи относительно «варварского» стиля. Среди многочисленных изображений пермского звериного стиля автор выделяет несколько групп, создав первую классификацию пермских древностей. Каждой из этих групп автор дает свое название.

К первой группе Ф.А.Теплоухов относит изображения, где четко передаются образы реальных животных, окружавших древнего человека: «все эти изображения не представляют ничего сверхъестественного и служили, по-видимому, только в качестве украшений...» [Теплоухов Ф.А., 1893, с. 4]. Вторую группу изображений Ф.А.Теплоухов называет «изображения баснословных животных». В данных образах, с точки зрения автора, древний мастер уже стремился не передать черты реальных животных, а выразить определенные мифологемы, отсюда появление таких персонажей как, например, «птиц со звериными головами, животного, представляющего нечто среднее между зверем и рыбой и т.д.» [Там же, с. 4]. Третью группу предметов пермского звериного стиля Ф.А.Теплоухов называет «идолами», относя к ней изображения птицы с распластанными крыльями и антропоморфным образом на груди и считая их отображением понятия о божестве. Четвертая группа по схеме эволюции образов пермского звериного стиля это идолы в виде человека в окружении баснословных животных, и последняя, пятая группа – изображения одного человека.

Ф.А.Теплоухов относил предметы культового литья к легендарной Чуди, на-

зывая их «чудскими идолами» и считал их принадлежностью религиозных культов древнего населения Прикамья.

Среди первых исследователей пермского звериного стиля не было сомнения, что предметы культового литья отражают языческие религиозные представления, поэтому складывается традиция названия их «образками», «идолами», прежде всего, в отношении антропоморфных изображений.

Ф.А. Теплоухов выделил несколько признаков, свойственных «чудским идолам», изображающим антропоморфные фигуры:

1. Такие идолы представляют мифические существа, более или менее уклоняющиеся от обычной наружности человека, причем некоторые существенные органы, например рот, часто совсем не изображаются.

2. Данным предметам придавалась форма более или менее плоских пластинок с изображением только на одной стороне.

3. Большинство человекообразных идов представляют фигуры, лишенные даже признаков одежды [Теплоухов Ф.А., 1895, с. 52].

Вслед за предыдущими исследователями Д.Н.Анучин называл предметы пермского звериного стиля чудскими «образками» и считает их характерной чертой «северного Приуралья, или точнее, Пермско-Тобольского края с прилегающими к нему районами. Здесь эти изделия были находмы большей частью случайно в земле, очень редко в могилах, чаще в местах, бывших очевидно жертвенными или моленными» [Анучин Д.Н., 1899, с. 126].

В конце XIX – начале XX вв. возникает огромный интерес к исследованию шаманизма, что отразилось и на изучении предметов пермского звериного стиля. Ярче всего взаимосвязь между культовыми изображениями и шаманизмом была показана в свое время А.А.Спицыным. Продолжая дело собирания, издания и изучения культового литья, А.А.Спицын составляет к 1906г. подробный каталог всех известных предметов пермского звериного стиля (приводится 496 изображений) под общим названием «Шаманские изображения». Автор употреблял в отношении предметов культового литья Урала и Сибири термин «шаманские древности», считая, что их «поделками явно религиозного характера, в широком смысле этого слова. Т. к. религия инородцев урало-алтайского мира есть шаманизм, то вполне удобно и законно такие поделки называть шаманскими» [Спицын А.А., 1906, с. 1].

А.А.Спицын был хорошо знаком с коллекциями пермского звериного стиля, исследовал данную тему в течение длительного времени, поэтому особенно интересным представляется взгляд данного автора на проблему своеобразия пермского звериного стиля: «Этот стиль совершенно необычен и, пожалуй, не знает себе подобного нигде в мире. Правда, и возник он в очень своеобразной стране, сочетавшей тонкую роскошь сасанидского серебра с первобытной грубостью диких охотников» [Спицын А.А., 1906, с. 4].

В конце XIX – начале XX вв. в научных кругах поднимается дискуссия по

поводу теории «звериного стиля». Рассматривая «звериный стиль» как определенную ступень в развитии искусства древних народов, исследователи, тем не менее, искали родину этого явления: «В элементах «звериный» стиль, очевидно, общ всем народам; им, видимо, даже характеризуется известная стадия культурного развития человечества, когда этот стиль представляет выражение религиозных чувств и когда его образы скрывают за собою религиозно-символическое содержание» [Фармаковский Б.В., 1913, с. 34 – 35].

Научную дискуссию, посвященную истокам звериного стиля, описывают в 1890 г. И.Толстой и Н.Кондаков в знаменитой работе «Русские древности в памятниках искусства». Для одной части авторов возникновение звериного стиля было связано с «естественными» причинами: «предполагали, что мастера сначала придавали предмету или его части полный вид животного или птицы, затем, идя путем схематизации, сокращали, отнимали ноги, торс, оставляли только голову, наконец один только глаз и т.д.» [Толстой И., Кондаков Н., 1890, с. 9].

Другая часть исследователей распространение звериного стиля связывала с заимствованием и, соответственно, главной задачей становилось определение родины этого явления. И.Толстой и Н.Кондаков высказывают гипотезу о миграции звериного стиля из «глубины Азии через южную Россию и по течению Дуная до краев Европы» [Там же, с. 10]. Пермские древности, с точки зрения авторов, занимают особое место в раскрытии тайны происхождения звериного стиля в силу того, что звериный стиль существовал более длительное время, чем на других территориях.

Большинством авторов начала XX в. обосновывалась идея о неместном происхождении пермского звериного стиля от более «развитых» народов. Характер заимствований мог быть разным, с точки зрения исследователей, так, например, Я.Аппельгрен-Кивало вообще отказывал в осмыслинном религиозном содержании образов пермского литья: «Мне, кажется, удалось доказать, что изготовители, повторяя старые, плохие копии этих предметов, не понимая, однако, значения позаимствованных извне мотивов или же не обращая на них внимания, частью нечаянно, частью нарочно изменяли эти мотивы или же соединяли их, соблюдая лишь общие законы орнаментального стиля, предписываемые им их собственным индивидуальным художественным чутьем... Именно в виду способа возникновения их эти предметы не могут считаться выражением каких-либо понятий, выработанных народной религией, или, иными словами, изготовленными для шаманских целей. На этих основаниях упомянутым фигурным бляхам, по моему мнению, может быть приписано лишь орнаментальное значение» [Аппельгрен-Кивало Я., 1911, с. 482-490]. Вместе с тем, Я.Аппельгрен-Кивало вводит новый термин в отношении данных предметов – «скифо-permский стиль».

Впервые термин «permский звериный стиль» появляется в работах А.В.Шмидта в 20-е гг. XX в. К недостаткам работ предыдущих исследователей культового литья автор относил то, что те, как правило, объединяли пермские и сибирские

материалы, что, с его точки зрения, является неправильным, так как «пермские и западносибирские культуры» являются самостоятельными. [Шмидт А.В., 1927, с. 129]. Отстаивая идею о своеобразии культового литья Прикамья, А.В.Шмидт, видимо, и вводит термин «permский звериный стиль»: «Выполнены они в особенном, очень странном стиле. Кажется, будто эти фигуры созданы больным воображением исступленного волшебника – шамана, старавшегося воплотить кошмарные образы своих духов-помощников. Нигде, кроме Приуральского края, нет подобных изображений, в которых мешается в одно целое человеческое лицо, птичьи крылья, лосиная голова. Очевидно, в Приуралье сложились какие-то особенные условия, вызвавшие рождение этого стиля» [Там же, с. 11-12].

Автором отнесены к предметам permского звериного стиля две основные группы:

1. Скульптурно выполненные двухсторонние фигурки, размером от 2 до 9 см в высоту. Среди сюжетов особенно выделяются два – орел, терзающий добычу, и фантастическая птица с головой какого-то млекопитающего, а также – медведи, куницы или соболи, зайцы, кони, утки и т.д.

2. Фигурные плоские бляхи размером от 2 до 20 см в высоту [Шмидт А.В., 1927, с. 129 – 130].

А.В.Шмидт в качестве специфической отмечал следующую черту культовой пластики Прикамья: «странные комбинации животных (и человеческих) фигур с отдельными элементами их тел, например, головами, глазами, крыльями и т.д. Порой эти сочетания полны художественной гармонии, порой сухи и схематичны, но всегда необычны своим замыслом и выполнением» [Там же, с. 126].

Автор, критикуя работы предшественников о заимствованном характере культового литья Прикамья, сам, тем не менее, не исключал влияние эллинистического Египта. В развитии permского звериного стиля А.В.Шмидт выделяет два переломных момента, относящихся к IV в. и к X – XI вв., связанные они с этническими процессами и результатом их стали стилистические изменения в культовом литье Прикамья. Так, переход от реалистичных изображений к схематическим в permском зверином стиле в X – XI вв. автор связывает с «происшедшей этнической переменой и появлением новой народности, может быть permских финнов (тогда как среди предшествующих наследников permского Прикамья главную роль, по-видимому, играли угорские элементы)» [Шмидт А.В., 1927, с. 161].

С точки зрения В.А.Городцова, культовое литье Приуралья в своем развитии испытывало влияние со стороны различных народов. В первый период – это влияние скифов и сарматов, затем Римской империи и одновременно Индо-Парфянского царства, «из них последнее могло сообщить обитателям Пермского края религиозные символы в виде ящера (индийского крокодила), птицы Гаруды и др., оказавшие глубокое влияние на идеологию туземцев» [Городцов В.А., 1937, с. 141]. С начала IV в. главным источником влияния на Приуралье, по мнению автора, становится сасанидское искусство, послужившее толчком для расцвета permского звериного стиля.

В литературе 1930-х гг. исследователи уже используют термин, введенный А.В.Шмидтом, как некую устоявшуюся традицию. В работах М.Г.Худякова, Д.К.Зеленина встречается терминология «permский звериный стиль» в отношении предметов культового литья Прикамья. При чем, для М.Г.Худякова использование данного термина, видимо, было особо важным в связи с критикой им «буржуазной» теории диффузионизма и с утверждением взгляда на автохтонное происхождение permского звериного стиля.

В советский период большая часть исследователей связывает культовое литье Прикамья с автохтонным финским населением, считая, что permский звериный стиль создан непосредственными предками коми-пермяков. Такая позиция утверждается с 1930-х гг. в связи, прежде всего, с идеологическим запросом. Развенчивая «буржуазные» теории заимствования в отношении предметов звериного стиля, важным было связать данное явление с народами, исторически проживающими на территории распространения находок культового литья и с уровнем их социально-экономического развития.

В 1970–1980-е гг. вновь возникает волна интереса к permскому звериному стилю, а старый термин обретает новую жизнь. Важным событием в этой связи стал выход монографии Л.С.Грибовой «Пермский звериный стиль» в 1975 г., в которой автором отмечается, что «этот стиль было бы правильней называть уральским звериным стилем или даже чудским – ввиду преимущественного распространения его у «чудских», т.е. финноязычных племен Приуралья и частично Севера, но ввиду его известности и широкого употребления в научной литературе, мы пользуемся старым термином» [Грибова Л.С., 1975, с. 4-5].

Опираясь на имеющиеся исследования, Л.С.Грибова формулирует характерные закономерности permского звериного стиля:

1. Преобладание изображений животных местной фауны: лось, медведь, рысь, соболь, куница, заяц, кабан, бобр, выдра, хищная птица, водоплавающие, рыбы, змеи и т.д.

2. Малое число образов домашних животных, что свидетельствует о том, что искусство звериного стиля возникло раньше, чем земледелие и скотоводство.

3. Преобладают плоские металлические бляшки с изображением сложных образов и композиций, они относятся к вещам обрядовым и отображают религиозные представления.

4. В основе сложных образов лежали представления о всеобщей естественной связи в природе, которые были свойственны человеку в период родового строя, когда он не выделял еще себя из окружавшей его среды и переносил на нее социальную структуру своего общества [Там же, с. 9].

В целом, именно присутствие в металлической пластике Прикамья сложных зооантропоморфных и зооморфных образов и их особая художественная трактовка, по мнению Л.С.Грибовой, позволяет выделить это искусство в особый permский звериный стиль [Грибова Л.С., 1975, с. 7].

В книге В.А.Оборина «Древнее искусство Прикамья. Пермский звериный стиль» подчеркивается: «Этот стиль со всей определенностью можно назвать пермским, так как сложился он на пермской земле, почти все предметы металлической скульптуры этого стиля обнаружены в пределах Верхнего Прикамья – на территории бывшей Перми Великой русских летописей» [Оборин В.А., 1976, с. 7].

В.А.Обориным и Г.Н.Чагиным заявляется об относительной условности термина «звериный стиль»: «В широком смысле в него входят изображения животных и человека вместе с животными, выполненные в разное время, из разного материала, разными художественными средствами. В более узком смысле к звериному стилю относят предметы металлического художественного литья, основу сюжетов которого составляют образы животных» [Оборин В.А., Чагин Г.Н., 1988, с. 9].

С 80-х гг. XX в. новым явлением является стремление исследователей рассмотреть пермский звериный стиль в контексте более широкого круга источников, а именно, культового литья Урала и Западной Сибири. Еще в 1941 г. В.Н.Чернецов поставил вопрос об объединении в единый комплекс уральских и западносибирских предметов культового литья, он отказался от термина «звериный стиль» и употреблял понятие «фигурное литье». В 1980-е гг. формируются две точки зрения на проблему урало-сибирского культового литья.

С одной стороны, развивается идея о наличии нескольких звериных стилей на территории Урала и Западной Сибири. Первым представляет эту точку зрения Г.М.Буров, развив идею о существовании трех «звериных» стилей на Европейском северо-востоке: пермского, печорского и западносибирского [Буров Г.М., 1984, с. 32]. Каждый из трех стилей, по мнению автора, отличается как набором сюжетов, так и в случае их совпадения трактовкой. Сравнивая между собой все три стиля, Г.М.Буров приходит к выводу, что западносибирский и печорский стили связаны низким художественным уровнем и отсутствием сложных композиций, то, что является характерным для пермского звериного стиля [Там же, с. 42].

Другая позиция представлена Л.В.Чижовой. С ее точки зрения, нет необходимости в выделении в самостоятельную группу предметов культового литья Прикамья: «Ареал распространения столь своеобразных находок довольно велик, хотя и строго ограничен лесной зоной Евразии, где находки достаточно одинаковы, чтобы отнести их к одной категории вещей и анализировать в совокупности. Следовательно, не правомерно вводить ограниченно географический термин, типа «пермский», поскольку он сужает понятие и не соответствует действительности» [Чижова Л.В., 1983, с.7 – 8].

Исследователь выступает против использования в отношении предметов металлической пластики Урала и Сибири также термина «звериный стиль», поскольку он, с точки зрения Л.В.Чижовой, утверждается в истории и искусствоведении для обозначения зооморфных изображений хищных животных, находящихся в динамике, в борьбе. В урало-сибирском же культовом литье нет сцен борьбы, и сами животные изображаются статично, более того, в сложных композициях ве-

дущая роль отводится человеку, а не животному [Там же, с. 7].

Л.В.Чижовой предложено название для металлического литья Урала и Сибири – «урало-сибирское культовое литье», для которого характерны следующие признаки:

1. Это плоское литье в односторонней форме, чаще всего в виде прорезных пластин, с контурным или силуэтным изображением фигур, как правило, без фона;

2. Представлены изображения лесных животных, птиц, человека и человекообразных фигур, единично или в несложных композициях;

3. Статичность изображенных фигур и композиций;

4. Изображения животных и птиц в виде фантастических стилизованных фигур;

5. Предметы культового литья, как правило, небольшие по своим размерам;

6. Территория распространения культового литья – лесная зона Евразии [Чижова Л.В., 1983, с. 6 – 7].

Данная научная дискуссия по поводу необходимости выделения в самостоятельную группу предметовpermского звериного стиля и, соответственно, уместности самого названия, или же считать его частью урало-сибирского культового литья, является незаконченной.

Одной из последних работ, посвященных данному вопросу, является работа А.М.Белавина, в которой автор высказывает два принципиальных положения. Во-первых, им определяется круг предметов, интерпретированных в качестве permского звериного стиля:

1. Культовые ажурные или сплошные односторонние литые бронзово-médные сюжетные пластины-плакетки, входившие в определенные системные наборы и имевшие идеологическое значение;

2. Ряд фигурок-блёшек или медальонов, изображающих птиц, головы медведей и антропоморфные личины или фигуры» [Белавин А.М., 2001, с. 14 – 15].

Во-вторых, А.М.Белавин поддерживает позицию тех авторов, которые рассматривают permский звериный стиль в единстве с «региональным» урало-сибирским звериным стилем, как некий его вариант [Там же, с. 15]. С точки зрения исследователя, «звериные стили... маркируют угорские территории на Востоке Европы и Западе Азии» [Там же, с. 20].

В работах искусствоведческого и культурологического характера, посвященных культовому литью Прикамья, активно используется термин «permский звериный стиль». Авторы обосновывают своеобразие данного феномена древнего искусства Прикамья, с одной стороны, характеристикой стилистических черт permской металлопластики, а с другой стороны, спецификой отраженной в permском зверином стиле картины мира.

Одной из последних искусствоведческих работ, посвященных проблемам звериного стиля, является публикация Е.Ф.Корольковой. Исследователем отме-

чается, что «отражая мировоззрение, стиль, по существу, отражает в себе систему понимания мира, своеобразную модель мира» [Королькова Е.Ф., 1996, с. 10]. По мнению Е.Ф.Корольковой, по отношению к предметам звериного стиля могут существовать два аспекта исследования: «прикладной, формально-диагностирующий (особенно распространенный в археологии) и культурологический, подразумевающий фундаментальное исследование всего явления в целом и делающий акцент на содержательную и идейную основу этого феномена» [Там же, с. 13]. В зависимости от задач конкретного исследования, каждому из этих аспектов может отводиться ведущая роль, а результат исследования сводится либо к атрибуции (от приблизительной до высшей степени конкретной), либо к глобальной и всесторонней оценке памятника искусства, прежде всего, с точки зрения мировоззрения [Там же, с. 13].

На примере исследования пермского звериного стиля хорошо видны оба обозначенных аспекта. Рядом авторов рассматривался набор признаков, черт, свойственных прикамскому литью, характерные стилистические черты, например, Л.С.Грибовой выделяются следующие признаки древнего литья Прикамья:

- преобладание вотивных (культовых) предметов в виде литых плоско-рельефных пластин с изображением на лицевой стороне зооморфных и зооантропоморфных персонажей;
- ведущая роль антропоморфного образа;
- главным персонажем пермского звериного стиля является человеко-лось;
- при всей сложности композиций они почти всегда статичны;
- обрамление большинства предметов пермского звериного стиля веревочным контуром;
- ряд композиционных приемов: замена целого образа его частью, двух и трехъярусное расположение элементов сложных композиций, композиционный прием «окружения» одних сложных зооантропоморфных существ другими, композиционный прием противостояния, «езды» и т.д [Грибова Л.С., 1984, с. 40-55].

В данной работе Л.С.Грибова рассматривала особенности пермского звериного стиля в сравнении со скифо-сарматским, но особенно актуальным является подобный сравнительный анализ с зауральским литьем, тем более что там также присутствует традиция использования бронзовой пластики в культовой практике. Так общей стилистической чертой урало-сибирского культового литья современными исследователями отмечается наличие канта на изображениях [Троицкая Т.Н., Овчаренко А.П., 2002, с. 110].

Рядом исследователей, вместе с тем, сразу же подчеркивается и отличающий пермский звериный стиль от западносибирского сюжетный признак: «Одним из основных сюжетных отличий является отсутствие в культовом литье Приуралья отдельных антропологических фигур. Преобладают групповые изображения так называемых «сульде», со смешанными антропозооморфными чертами, которые относятся уже к группе сложных изображений» [Яковлев Я.А., 1984, с. 18].

Основательного стилистического анализа на выявление сходства и различий между пермским и зауральским культовым литьем пока не представлено в научной литературе, хотя условия для такого сопоставительного анализа имеются: накоплен достаточно богатый археологический материал, а также разработаны и методические принципы, позволяющие осуществить данную аналитическую деятельность.

Гораздо в большей степени представлен в исследовательской литературе со-держательный (семантический) аспект, при котором пермский звериный стиль рассматривается либо с точки зрения этнических представлений (В.В.Чарнолуский, Л.В.Чижова и др.), либо через призму универсальных мифологических пред-ставлений (Е.И.Оятева, Ю.В.Балакин и т.д.).

Много споров среди современных археологов вызывает этническая принад-лежность пермского звериного стиля. Существуют две основные точки зрения по данному вопросу. Часть исследователей связывает культовое литье Прикамья с автохтонным финским населением, считая, что пермский звериный стиль со-здан непосредственными предками коми-пермяков. Такая позиция утверждается в советской науке с 30-х гг. XX в. в связи, прежде всего, с идеологическим запросом. Развенчивая «буржуазные» теории заимствования в отношении пред-метов звериного стиля, важным было связать данное явление с народами, исто-рически проживающими на территории распространения находок культового литья и с уровнем их социально-экономического развития.

Еще Ф.А.Теплоуховым в свое время была выдвинута точка зрения об угоро-ской природе пермского звериного стиля. Данной позиции придерживаются на современном этапе Л.В.Чижова, А.М.Белавин и др.

И та, и другая группа исследователей приводят доводы для подтверждения своей точки зрения, используя данные мифологии и этнографии. Зачастую сам пермский звериный стиль выступает, по мнению исследователей, в качестве не-мого свидетеля, повествующего через содержательный или стилистический план о принадлежности к определенной этнической культуре. По сути, никто из авторов не подвергает сомнению связь между предметами пермского звериного сти-ля и мифологической картиной мира. Именно наличие мифологических универ-салий, общих черт в моделировании мира даже культурами, ни генетически, ни ареально между собой не связанными, позволяет приблизиться, в том числе и к интерпретации сюжетов пермского звериного стиля [Антонова Е.В., Раевский Д.С., 1991, с. 219].

Теория заимствования в отношении пермского звериного стиля также имеет место быть, в частности, Шверин фон Крозигк в 1999г. в Берлине опубликовал статью, посвященную пермскому звериному стилю под названием «Zum Aussagewert zweier Bronzeblecharbeiten im Permer Tierstil unter den Votiven der Lomovatovo-Kultur an der Kama im Uralvorland im 6-9 Jahrhundert». Автор стоит на позиции культурного заимствования в отношении пермского звериного стиля,

таким источником заимствования для пермского культового литья он видит китайское искусство. Так, прообразом ящера пермского звериного стиля Шверин фон Крозигк видит дракона древнекитайской мифологии. В частности, он считает, что на культовых пластинах из Ныргынды и Ухты изображены крылатые всадники на драконах – распространенный мотив древнекитайской мифологии. Сам ящер, по его мнению, является посредником между миром богов и людей и выполняет функцию партнера богов и гениев [Шверин фон Крозигк, 1999, с. 594].

Тем самым, несмотря на то, что культовое литье Прикамье изучается с середины XIX века, до сих пор остается ряд дискуссионных вопросов, прежде всего, об этнокультурной принадлежности и, в связи с этим, о необходимости использования термина «permский звериный стиль».

Литература

- Антонова Е.В., Раевский Д.С. О знаковой сущности вещественных памятников и способах ее интерпретации // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. М., 1991. С. 207-233.
- Анучин Д.Н. К истории искусства и верований у Приуральской Чуди // Материалы по археологии восточных губерний России. М., 1899. С. 87-160.
- Аппельgren-Кивало Я. Основные черты скифо-permского орнаментального стиля // Труды XV Археологического съезда. Т. 1. М., 1914. С. 481-492.
- Аспелин Й.Р. О потребности изучения форм предметов и постепенном развитии этих форм в доисторических временах // Труды IV Археологического съезда. Казань, 1877. С. 6-19.
- Белавин, А.М. Об энической принадлежности permского средневекового звериного стиля // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. 1-2. Пермь, 2001. С. 14-24.
- Буров Г.М. Бронзовые культовые плакетки западносибирского стиля на Европейском северо-востоке // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск, 1984. С. 32-46.
- Городцов В.А., Подчерьемской клад // Советская археология. 1937, № 2. С. 113-150.
- Грибова Л.С. Пермский звериный стиль. М., 1975.
- Грибова Л.С. Стилистические особенности древнепермской бронзовой пластики // Отражение межэтнических связей в народном декоративном искусстве Удмуртии. Ижевск, 1984. С. 39-56.
- Королькова Е.Ф. Теоретические проблемы искусствознания и «звериный стиль» скифской эпохи. СПб., 1996.
- Оборин В.А. Древнее искусство народов Прикамья: Пермский звериный стиль. Пермь, 1976.
- Оборин В.А., Чагин Г.Н. Искусство Прикамья: Чудские древности Рифея. Пермь, 1988.
- Спицын А.А. Шаманские изображения // ЗОРСА. Т. 8, вып. 1. М., 1906.
- Теплоухов Ф.А. Древности Пермской чуди в виде баснословных людей и животных // Пермский край. Вып. 2. Пермь, 1893. С. 3-74.
- Теплоухов Ф.А. Чудское жертвеннное место на р. Колве // Труды ПУАК. Вып. 3. Пермь, 1897. С. 131-151.
- Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 3. СПб., 1890.

- Троицкая Т.Н., Овчаренко А.П. Кант в изображениях, выполненных в урало-сибирском зверином стиле // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002 – 2 (10). С. 110-113.
- Фармаковский Б.В. Архаический период в России // МАР. 1913, № 34. С. 110-113.
- Чижова Л.В., Идеология древнего населения Урала и Западной Сибири: По материалам культового литья: Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. Л., 1983.
- Шмидт А.В., К вопросу о происхожденииpermского звериного стиля // Сборник МАЭ, вып. VI. Л., 1927. С. 125-162.
- Яковлев Я.А. Средневековое культовое литье Нарымского Приобья // 1984.
- Schwerin von Krosigk. Zum Aussagewert zweier Bronzeblecharbeiten im Permer Tierstil unter den votiven der Lomovatovo-Kultur an der Kama im Uralvorland im 6–9 Jahrhundert // EURASIA ANTIQUA, 5. Berlin, 1999. P. 575-593.

Константин Руденко

Об атрибуции некоторых бронзовых украшений из Билярского городища

На территории Билярского городища и его окрестностях были найдены оригинальные предметы, выделяющиеся из общего массива средневековых булгарских древностей, хранящиеся в настоящее время в собрании Национального музея РТ. Рассмотрим часть из них. Это украшения костюма и бытовые предметы.

Бронзовые флаконовидные подвески.

Тип 1 (3 экз.). Прикамье. Литье, клепка. Бронза. Вторая половина X – XI вв. Двухсоставные, литые¹, прямоугольной формы с узким цилиндрическим горьышком с «винтовой нарезкой» (**рис.1-1-3**) флаконовидные с «решетчатым туловом» (по терминологии Е.П.Казакова) бутыльчатые (по В.А.Семенову) с прорезным орнаментом в виде правильной решетки.

Одна подвеска (№5729-1) сохранилась фрагментарно (4x2x0,6 см) (**рис.1-1**). Половинки изделия хорошо спаяны. Лицевая и оборотная стороны изделия выполнены в виде правильной решетки, оконтуренной сплошной резной линией с арочным и стрельчатыми завершениями (с разных сторон). На наклонных боковых сторонах сохранились следы насечек.

Вторая подвеска (№5729-2) (**рис.1-2**) имеет прямоугольную форму (7,2x2,2-2,3x0,9 см), чуть уплощенную с боков. На оборотной стороне подвески имеется литейный брак. Половинки изделия соединены с помощью пайки (?) и четырех клепок, размещенных в углах корпуса. Клепки имеют закладную головку, сделанную «заподлицо» с основной поверхностью поверхности. Замыкающая головка выведена наружу только одна. Остальные клепки закреплены в просверленных отверстиях во внутренней части корпуса. Сквозная решетка (из семи пересекающихся жгутиков) на лицевой и оборотной сторонах подвески оконтурена резной линией выбитой небольшим пуансоном.

Третья подвеска (№5729-3) аналогична предыдущей (**рис.1-3**), но меньше по размеру (6,5x1,8-2x1 см) и более уплощена с боков. Оплавлена. Половинки изделия стянуты клепками. Орнаментальная решетка оконтурена с одной стороны резной линией, а с другой – дополнительно рубчатой полоской.

Датировка. Подвески первого типа датируются второй половиной X – XI вв. В булгарских древностях ранняя находка такого изделия, датированная X в., встречена в Танкеевском могильнике (погр.№470)². Имеются им аналогии X-XI в. в Прикамье³. Е.П.Казаков считал местом их производства Верхнюю Каму, где локализуются памятники ломоватовской культуры⁴. По мнению Н.Б.Крыласовой, флаконовидные подвески характерны «исключительно для Пермского Прे-дуралья»⁵. По типологии этого автора они соответствуют подтипу АIII.1.2.1, варианта б, датированному VIII – серединой XI в.⁶

Истоки. Близкие по типу изделия известны в ломоватовской культуре (ЛК),

что позволяет определить время их появления в регионе – VIII – IX вв. (уринская стадия ЛК)⁷. Отметим, что, несмотря на внешнее сходство и систему оформления, ломоватовские подвески имеют и определенные отличия – прорези более вычурны, фигурны, лишены строгого геометризма как в изделиях Х в. Н.Б.Крыласова в целом, датирует такие изделия VII-XIV вв., определяя время их бытования с рубежа VII-VIII в.⁸

Точку зрения о происхождении фланкончатых подвесок от «планочных» неволинского типа (по терминологии В.Ф.Генинга), ссылаясь на материалы Деменковского могильника, высказал Е.П.Казаков⁹. Отметим, что в Деменковском могильнике подвески «неволинского» типа находились в захоронениях в ранней части могильника, датированной VI – первой половине VIII в.¹⁰ Эту точку зрения поддержала Н.Б.Крыласова¹¹. Вместе с тем, в могильниках этой культуры данные изделия являются частью украшения пояса, не имеют прорезей, и крепятся с помощью ремешков. В захоронениях, судя по реконструкциям, они находятся в районе пояса¹².

Геометрическая решетка как способ декорации фланконовидных изделий, впервые фиксируется на подвесках из Варнинского могильника (погр.73,117), датированных IX в., а сам факт их нахождения в этом некрополе интерпретируется как воздействие верхнекамского (ломоватовского) населения¹³. В Деменковском могильнике фланконовидная подвеска с прорезями датируется второй половиной VIII – первой половиной IX в.¹⁴ Вероятно IX в. (вероятно первую половину этого столетия – судя по материалам Деменковского могильника) нужно считать периодом, когда изделия рассматриваемого типа начали изготавливаться.

Назначение фланконовидных подвесок трактуется по-разному. В.Ф.Генинг считал их концевыми подвесками к кистям¹⁵. Вместе с тем в неразграбленном погребении 139 Деменковского могильника фланконовидная подвеска находилась в области груди, вместе с низкой бронзовых бус¹⁶, что не очень соответствует ее интерпретации как подвески на пояс. В Варнинском (как и в Деменковском) могильнике в захоронениях фланконовидные подвески располагались на груди (погр.73) и у виска (погр.117)¹⁷.

Н.Б.Крыласова утверждает, что эти изделия являются пронизками-игольниками¹⁸. Представляется, что функционально не все такие изделия могли быть игольниками. Хранить железные иголки в футляре с отверстиями, что мы наблюдаем на рассматриваемых изделиях не очень логично – они не защищены от внешних воздействий и не очень удобны для открывания. Несколько ранее Н.Б.Крыласова интерпретировала эти изделия как фланконовидные пронизки, являвшиеся частью насосника. Причем, по ее мнению они вплетались только в правую косу (поскольку в погребениях находятся только в одном экземпляре), или же являлись окончаниями низок бронзовых бус¹⁹. В погребениях, Пермского Приуралья, там где сохранился костный материал, подвески фиксируются в районе живота, чуть выше пояса²⁰.

Можно предполагать, что такого рода «перемещение» в захоронениях подве-

сок «вверх» от пояса до подбородка, может быть объяснено преобразованием их функций, под влиянием иной традиции.

В этом плане интересен тот факт, что флаконовидные подвески с решетчатым корпусом в Среднем Поволжье встречаются с серебряными флакончиками (близкими к ним по форме) известными в Большетиганском и Танкеевском могильниках.

В Танкеевском могильнике это штампованные серебряные изделия в форме флакончика (9x5-6 см), своего рода небольшие плоские емкости близкие по форме и оформлению верхней части с «винтовой закруткой» рассматриваемым подвескам. Внутри флакончиков находилась плотно спрессованная грубая ткань²¹. В исследованных погребениях они преобладают (всего Е.П.Казаков пишет о 5 экземплярах, из которых рисунки опубликованы у трех: погр. №№300а; 568;675а)²². Из опубликованных флакончиков практически одинаковый рисунок имеют находки из захоронений №№ 300а и 568²³. Причем совершенен идентичный рисунок как на флакончике из погр.№568 Танкеевского могильника, имеется на таких же флакончиках из захоронений №№45 и 47 Большетиганского могильника²⁴.

Погребения с флакончиками находятся в той части Танкеевского могильника которая функционировала в на рубеже IX-X и в первой половине X в.²⁵ Вполне можно предположить, что захоронения с этими достаточно редкими изделиями синхронны или, по крайней мере, близки по времени²⁶. В Большетиганском могильнике серебряных флакончика найдено три (погр.№№42;45;47)²⁷.

Флакончики в обоих некрополях находились в женских захоронениях (или в подростковых женских). Они не входили в состав ожерелий и нагрудных украшений, а вероятно специально укладывались у головы. В Танкеевском могильнике это отмечено у правого плеча сверху, в Большетиганском – у левой ключицы, отверстием под подбородок. Не исключено, что флакончики носились на теле, под рубашкой, так как зафиксирован случай, когда на корпусе флакончика находились колечки и бусы ожерелья²⁸. Не исключено, что они помещались отдельно на дне²⁹, но в том же месте и всегда горлышком к шее. Кстати, погребение № 470 Танкеевского могильника, где найдена флаконовидная подвеска, находится в той же части, что и захоронения с флакончиками и синхронно им.

Сопоставив изложенные данные можно заключить, что:

1. серебряные флакончики локализуются в начале X в. в Казанском Поволжье, являясь своего рода этнотERRиториальным маркером части жившего здесь населения;
2. флакончики используются как деталь косметического набора, о чем свидетельствует их расположение в захоронениях;
3. производились и бытовали флакончики, вероятно, короткое время³⁰;
4. флаконовидные подвески сложного дизайна (с решетчатым корпусом) функционируют вместе с флакончиками – во второй половине IX в. на территории Верхнего Прикамья и Казанского Поволжья³¹ вероятно выполняли одинаковую

функцию (часть косметического набора) и в дальнейшем типологически развивались в этом регионе на протяжении X в.³²

Что касается билирских находок, то вполне очевидно, что они являются производными от подвесок IX – начала X в. На протяжении X в. флаконовидные подвески претерпели ряд преобразований, как в оформлении, так и в конструкции (крепление клепочками). Об этом свидетельствуют аналогичные находки в Рождественском могильнике (погр.37 и 81) в Пермском Предуралье³³. Причем классическая решетка и клепочки по углам как на «казанских» изделиях отмечены в находке из погребения 37, хорошо датированном подвеской со знаком Рюриковичей – второй половиной X – началом XI в.³⁴ Интересна находка из погр.81 Рождественского могильника, где, (несмотря на некоторую схематизацию и нечеткость рисунка решетки присутствуют клепочки) по комплексу украшений можно предполагать верхнюю дату бытования – весь XI в.³⁵ Кроме того, аналогичные подвески известны из Загарского могильника и того же Рождественского³⁶.

Финальную часть эволюции флаконовидных привесок мы видим на предметах *второго и третьего типов*, «коснанных» в одном случае лапчатыми подвесочками. Очевидно, что забытая функция была вытеснена совершенно иной традицией, как, видимо, изменилась и соответствующая ей атрибутика.

Тип 2. (1 экз.) (№5728). Цельнолитая³⁷, прямоугольной формы подвеска с узким цилиндрическим горлышком с «винтовой нарезкой» (**рис.2-1**), флаконовидная (7x2,8x1 см). На лицевой стороне в картушке с острым завершением помещены строенные пирамидки псевдозерни создающие общий рисунок в виде вертикальной змейки. На оборотной стороне в аналогичном картушке разделенном вертикальной полоской шириной 0,7 см помещены симметричные пирамидки (8) псевдо зерни. В нижней части с лицей и оборотной сторон размещены три псевдо колечка. Зерневые пирамидки при подготовке литейной формы набирались заранее и в уже собранном виде крепились к основе.

Тип 3. (1 экз.) (№5730). Цельнолитая, прямоугольной формы с узким цилиндрическим горлышком с «винтовой нарезкой» (**рис.2-2**) флаконовидная (7,1x2,5 – 4x1,1 см) подвеска с 4 боковыми ушками (с боковых сторон отлиты по два ушка) в которых крепились колечки с лапчатыми привесками отливавшимися отдельно. Оборотная сторона корпуса пробита. На изделии имеются многочисленные следы литейного брака (затеки, недолитые участки). На лицевой стороне в рамке из псевдоверевочной полоски размещены симметричные пирамидки крупной псевдозерни, дающие орнамент из вертикальных ромбов. В нижней части имеется замыкающая пирамидка псевдозерни. Близкий орнамент имеется на оборотной стороне изделия.

Подвески этого типа представлены в Прикамье, хотя и отличаются в деталях³⁸. Здесь они датированы второй половиной XI – XIV вв. Литая подвеска с рисунком как у типа 3, найдена в костромских курганах XI в. Здесь они рассматриваются как свидетельство контактов населения Костромского Поволжья с Прикамьем³⁹.

Интересно, что у подвески типа 2, в нижней части имеются изображения трех окружностей – вероятно имитации колечек для подвесок или декоративных элементов⁴⁰. Такие колечки с подвесками имеются на флаконовидной подвеске из погребения №20 Пылаевского могильника, которое, судя по инвентарю, датируется XI в.⁴¹

Отметим, что билярские находки имеют производственный брак, что вряд ли делало их предметом экспорта. Вероятно, они изготавливались на месте для внутреннего потребления.

Кресала с бронзовыми рукоятями.

Кресало №1 (№5427-6/3; Бил.27) (**рис.3-1**). Прикамье или Западная Сибирь (?). XI в. Литье, ковка. Бронза, железо (5,75x5,6x0,4 см). Железная пластинчатая основа кресала, закреплено в бронзовом навершии – рукоятке. Навершие выполнено в виде объемной композиции из симметрично расположенных изображений животных. Животные – зверьки из породы куньих – показаны в напряженной позе, изголовившиеся к прыжку. Напряжено изогнутая спина, подчеркнутые мускулы шеи, туловища и лап подчеркивают состояние животного. Лапы существа крепко охватывают ветку, на которой «расположился» зверек. Мастер, изготовивший кресало, не только скопировал образ реального животного, но и придавал ему определенные «дополнительные» элементы. Так лапы зверька имеют пять пальцев, которые охватывают ветку как человеческая рука. Голова зверька внезапно «обретает» клык, что придет ему неожиданное сходство с хищной птицей. Последнее «приобретение» явилось результатом копирования изображения зверька, где мордочка животного выполнена достаточно реалистично, а дополнительным элементом являлось колечко для подвешивания в месте «соединения» фигурок.

Аналогичное кресало найдено на жертвеннном месте Хэйбидя-Пэдар, близкие изделия известны в Приобье⁴². По типологии Н.Б.Крыласовой кресало этого типа относится к подтипу BI.2.1.1.1, варианту а⁴³.

Кресало №2 (№5427-76) (**рис.3-2**). Прикамье или Западная Сибирь (?). XI в. Литье. Бронза (5x3,1x0,5 см). Железная основа утрачена. Железная пластина крепилась к рукояти с помощью боковых фиксаторов-уголков, в которые вставлялись окончания пластинки, а боковые стороны ее удерживались двумя «клапками», расположенными посередине кромки рукояти.

Навершие – рукоятка представляет цельнолитую плоскую скульптурную фигуруюю композицию. Две стилизованные симметрично расположенные фигуры расположены по обе стороны от центра симметрии – условного квадрата, завершающегося колечком для подвешивания. Угадать прототипы образов фигур по данным изображениям точно невозможно, хотя из всего массива биметаллических кресал наиболее вероятными прототипами этого изделия является вышерассмотренное кресало с изображением зверьков⁴⁴.

Место производства вышеуказанных кресал для рассматриваемого периода времени можно связывать с Пермским Прикамьем⁴⁵.

Шумящие коньковые подвески (рис.4).

Практически все они одно типа: прямоугольный щиток с ушком в верхней части образован симметричными изображениями конских головок. Головы коней на круто изогнутых шеях свободно опущены, тщательно проработаны детали – грива, глаза, уши (с той или иной степенью стилизации). В центре имеется прорезь битрапециоидной (ее трансформация – «замочная скважина») формы. В нижней части – отлиты шесть петелек для цепочек, на которых крепились подвески в виде «гусиных лапок». Конские головы соединены с нижней частью подвески «столбиками».

Подвеска №1 (№5427-59/59) (рис.4-1). Прикамье или Волжская Булгария (?). XI в. Литье. Бронза (5,7x3,3x0,2 см). Плоская подвеска с круглым ушком в верхней части и битрапециоидной прорезью посередине выполнена в виде симметричных стилизованных конских головок, соединенных «столбиком» с нижней частью. Изображение не имеет проработанных деталей; петельки в нижней части подвески отлиты с браком⁴⁶. Цепочки не сохранились.

Подвеска №2 (№5427-78/1) (рис.4-2). Прикамье или Волжская Булгария (?). первая половина XI в. Литье. Бронза (5,4x3,32x0,3 см). Плоская подвеска аналогична предыдущей, но изображения коньков выполнены более детально: тонкими линиями намечена грива, обозначены глаза, пространство посередине заполнено рубчатым орнаментом. На оборотной стороне имеются небольшие выемки, образовавшиеся, вероятно, при формовке модели. Цепочки состояли из согнутых кусочков проволоки круглого сечения, диаметром 0,25 см. Высота одного звена 1,3 см.

Подвеска №3 (№5427-59/60) (рис.4-3). Прикамье или Волжская Булгария (?). первая половина XI в. Литье. Бронза (5,3x3,3x0,3 см). Подвеска аналогична предыдущей, изображения коньков с проработанными деталями внешности. Оборотная сторона плоская⁴⁷.

Подвеска №4 (№5427-59/61) (рис.4-4). Прикамье или Волжская Булгария (?). первая половина XI в. Литье. Бронза (4,6x3,6x0,3 см). Подвеска аналогична предыдущим, но выполнена небрежнее. На срединном отверстии и в петельке для подвешивания заметны затеки металла; детали «смазаны» и не проработаны⁴⁸. На оборотной стороне имеются небольшие выемки, образовавшиеся, вероятно, при формовке модели. Две сохранившиеся цепочки состоят из согнутых кусочков проволоки круглого сечения, диаметром 0,25 см. Высота одного звена 1,3, ширина 0,9 см. Длина самой цепочки (сохранившейся части) 6 см.

Подвеска №5 (№5427-59/3) (рис.4-5). Прикамье или Волжская Булгария (?). первая половина XI в. Литье. Бронза (3,35x3x0,35 см). Фрагмент. Подвеска аналогична предыдущей, но в отличие от нее, изображение деталей (гривы, глаз) имеются с обеих сторон⁴⁹. Серединное отверстие в виде «замочной скважины» окаймлено кантиком из «жемчужин».

Подвеска №6 (№5427-59/62) (рис.4-6). Прикамье или Волжская Булгария (?).

первая половина XI в. Литье. Бронза (3х3,2х0,25 см). Подвеска внешне аналогична предыдущим, отличаясь от них небольшими размерами и крайне стилизованным изображением.

Коньковые подвески детально исследованы В.А.Обориным, Л.А.Голубевой и Е.А.Рябининым. Билярские находки соответствуют типу 3 по В.А.Оборину, датированному X в.⁵⁰; типу VI, варианту 2 по Л.А.Голубевой которая относила их к X – XI вв.⁵¹ Дату – начало XI в. – дают погребальные комплексы у д. Заозерье, где встречены аналогичные подвески, опубликованные Е.А.Рябининым⁵². По мнению В.А.Оборина они являются этноопределяющим женским украшением родановской культуры, что было подвергнуто сомнению А.М.Белавиным⁵³. По его мнению, статистические подсчеты показывают, что такие украшения встречаются примерно поровну как в Предуралье, так и в Зауралье, что показывает их связь с угорским миром в целом⁵⁴. Эта точка зрения поддержана Н.Б.Крыласовой⁵⁵.

Традиция использования таких подвесок в Булгарии относятся к IX-X вв. Ранние формы их известны в Танкеевском могильнике⁵⁶. Вместе с тем, билярские изделия, скорее всего связаны с комплексом прикамских древностей уже следующей хронологической эпохи – конца X – XI вв.

Единство рассматриваемого комплекса находок (флаконовидные подвески, коньковые подвески, кресала) из Биляра подтверждается материалами могильников Прикамья, где имеются находки предшествующих форм этих изделий в закрытых комплексах⁵⁷. Кроме того, в Прикамье имеются и захоронения где рассмотренные находки встречены вместе, например, погребение 354 Агафоновского могильника⁵⁸.

Примечания

¹ Использовалась восковая модель с потерей формы.

² Khalikova E.A., Kazakov E.P. Le cimetiere de Tankeevka / Les ancient hongrois et les ethnies voisines a l'est. Budapest, 1977, p. 134-135, pl.XLII, 9; Казаков Е.П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / Археология и этнография Татарии. Выпуск 1 Казань, 1971, с.118, табл. XVI-27; он же Культура ранней Волжской Болгарии. М.: Наука, 1992, с.183, рис.65-37.

³ Казаков Е.П. Погребальный инвентарь..., с.143.

⁴ Там же.

⁵ Крыласова Н.Б. Археология повседневности. Материальная культура средневекового Предуралья. Пермь, 2007, с.243.

⁶ Крыласова Н.Б. Археология повседневности..., с.239-240, рис.97-6-9;14-15.

⁷ Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985, рис.16-122.

⁸ Крыласова Н.Б. Археология повседневности..., с.239, 243.

⁹ Казаков Е.П. Погребальный инвентарь.., с.143.

¹⁰ Генинг В.Ф. Деменковский могильник – памятник Ломоватовской культуры // Вопросы археологии Урала. Выпуск 6, Свердловск, 1964, с.119-120. Расположение флако-

новидных подвесок здесь установить невозможно: погребений №13а (детское) – разграблено, как и захоронение №55.

¹¹ Крыласова Н.Б. Археология повседневности..., с.243.

¹² Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск, 1990, с.46, табл.XLV-4; XLI-19-34.

¹³ Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические... с.79.

¹⁴ Генинг В.Ф. Деменковский могильник..., с.119.

¹⁵ Генинг В.Ф. Деменковский могильник..., с.157, табл. VI-16.

¹⁶ Генинг В.Ф. Деменковский могильник..., с.145, рис. 19.

¹⁷ Семенов В.А. Варнинский могильник// Новый памятник поломской культуры Ижевск, 1980, табл. VII-36,37, с.71-72. Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна Чепцы в эпоху средневековья. Ижевск, 1997, рис.47-24,25.

¹⁸ Крыласова Н.Б. Археология повседневности..., с.239.

¹⁹ Крыласова Н.Б. История прикамского костюма. Костюм средневекового населенияpermского Приуралья Пермь, 2001, с.74. Версия о использовании флаконовидных привесок в качестве игольников приводится и здесь.

²⁰ Крыласова Н.Б. История прикамского костюма...., рис.33-7; 47-16.

²¹ Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии..., с.197.

²² Там же, рис.70-1; Khalikova E.A., Kazakov E.P. Le cimetiere de Tankeevka.., pl.XIa-10; XVIIa-7; XLVI-4.

²³ Khalikova E.A., Kazakov E.P. Le cimetiere de Tankeevka.., pl.XIa-10; XVIIa-7.

²⁴ Chalikova E.A., Chalikov A.H. Altungarn an der Kama und im Ural (Das Graberfeld von Bolshie Tigani). Budapest, 1981, taf. XXXIIA-4; XXXIII-7.

²⁵ Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии...с.288-289, рис.97; Khalikova E.A., Kazakov E.P. Le cimetiere de Tankeevka.., plan I.

²⁶ Косвенно подтверждает эту дату и находка фрагментов флакончика (?) из II Поломского могильника (Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические..., рис.47-28).

²⁷ Chalikova E.A., Chalikov A.H. Altungarn an der Kama und im Ural..., taf.XXXI-7; XXXIIA-4; XXXIII-7.

²⁸ Большетиганский могильник, погр.№45.

²⁹ Судя по опубликованному плану флакончик в погр.№47, Большетиганского могильника находился под костями скелета.

³⁰ Видимо потребность в них была, невелика и использовались они как этнотерриториальный маркер?

³¹ Очевидно это связано с прекращением существования неволинской культуры и дальнейшими судьбами ее населения (Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII в.) Ижевск, 1998, с.91).

³² О роли и характере взаимоотношений булгар и прикамско-приуральского населения см.: Иванов В.А.О роли прикамских племен в формировании раннебулгарского и древнемадьярского этносов // Finno-Ugrica, №1 (7-8), 2003-2004, с.17-26.

³³ Они определены как поясные привески.

³⁴ Крыласова Н.Б. История прикамского костюма. Костюм средневекового населения permского Приуралья Пермь, 2001, с.182, рис.105-3. Крыласова Н.Б. Реконструкция костюма по материалам Рождественского и Огурдинского могильников X–XI вв. // Археология и этнография Среднего Приуралья. Выпуск 1. Пермь, 2001, с. 128,

рис.4-3. О дате см.: Крыласова Н.Б. Элементы огнива Рождественского археологического комплекса // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Выпуск III. Пермь, 2003, с. 91, рис.6. На рисунке ошибочно указана находка монеты. В погребении ее нет. Дата относится ко времени правления Владимира Святого, с кем отождествляется находка печати – подвески.

³⁵ Накладки «черепашки» с геральдическим щитком и симметричным растительным узором (Крыласова Н.Б. История прикамского костюма..., с.111, рис.34, 7,8. Такие накладки характерны для верхней Камы XI в.: Савельева Э.А. Вымские могильники XI-XIV вв. Л., 1987, рис.37-19. В погребении нет четкого расположения инвентаря и однозначно считать подвеску поясной нет оснований.

³⁶ Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР, М.: Наука, 1987, табл. LXV-19; LXVI-41.

³⁷ Отлита в двусоставной форме с сердечником. Исходная матрица для формы была сделана из воска или глины.

³⁸ Крыласова Н.Б. Археология повседневности..., с.244-245, рис.98-1. подтип АIII.1.2.2. Близкий орнамент подвеске типа 3, встречен на подвеске из Рождественского могильника (Крыласова Н.Б. Археология повседневности..., рис.97-19).

³⁹ Археология Костромского края. Кострома, 1997, с.164, рис.40-10.

⁴⁰ Ср.: Крыласова Н.Б. История прикамского костюма..., рис.47-16.

⁴¹ Захоронение детское: Кутаков Ю.М., Старков А.В. Пылаевский грунтовой могильник (предварительная публикация) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Выпуск 1. Екатеринбург, 1997, с.135, погр.20, рис.15.

⁴² Крыласова Н.Б. Археология повседневности..., с.153, рис.66-1-3.

⁴³ Крыласова Н.Б. Археология повседневности..., с.154.

⁴⁴ Ср.: Крыласова Н.Б. Археология повседневности..., рис.66-12 и др.

⁴⁵ Крыласова Н.Б. Археология повседневности..., с.177-178.

⁴⁶ Недотек металла заметен в нижней части и с обратной стороны изделия.

⁴⁷ Не исключено, что подвеска отлита в одностороннюю форму.

⁴⁸ Скорее всего, это явились результатом отливки по оттиску с оригинала.

⁴⁹ Это предполагает литье в двустороннюю форму. Наличие не удаленных затеков металла исключает литье по восковой модели.

⁵⁰ Белавин А.М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь, 2000, с.168.

⁵¹ Голубева Л.А. Коньковые подвески Верхнего Прикамья // Советская археология, 1966, №3, с.95-96, рис.7; она же Зооморфные украшения финно-угров / Свод археологических источников. Выпуск Е1-59. М.: Наука, 1979, с.44, рис.17.

⁵² Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X – XIV вв. / Свод археологических источников Выпуск Е1-60. М.: Наука, 1981, , с.20, табл.VI-7,8.

⁵³ Белавин А.М., Камский торговый путь.., с.168.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Крыласова Н.Б. История прикамского костюма.., с.71.

⁵⁶ Казаков Е.П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника..., табл. XV-5,6.

⁵⁷ Например, Редикарский могильник, погр.23: Крыласова Н.Б. История прикамского костюма.., с.124, рис.47.

⁵⁸ Крыласова Н.Б. История прикамского костюма.., с.145, рис.68.

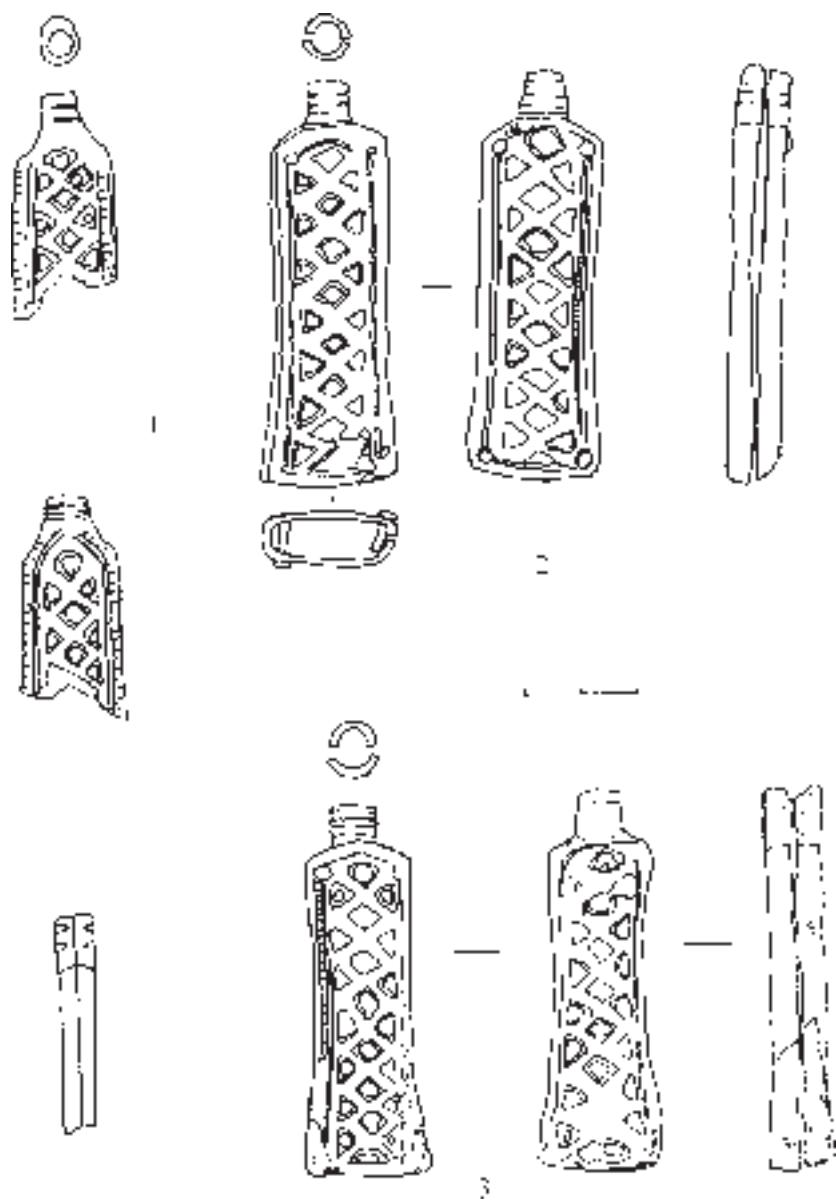

Рис.1. Флаконовидные подвески. Тип 1. 1 – №5729-1; 2 – №5729-2; 3 – №5729-3.

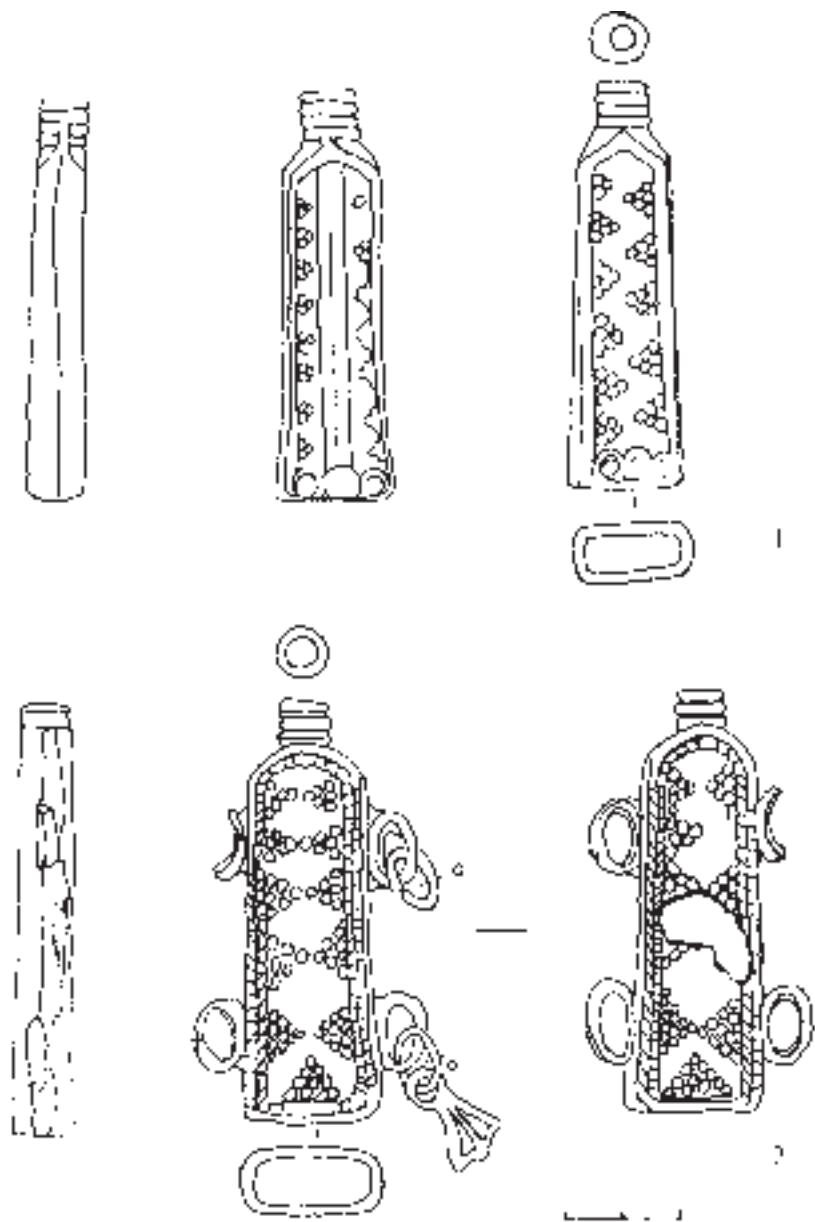

Рис.2. Флаконовидные подвески. 1 – тип 2 (№5728); 2 – тип 3 (№5730).

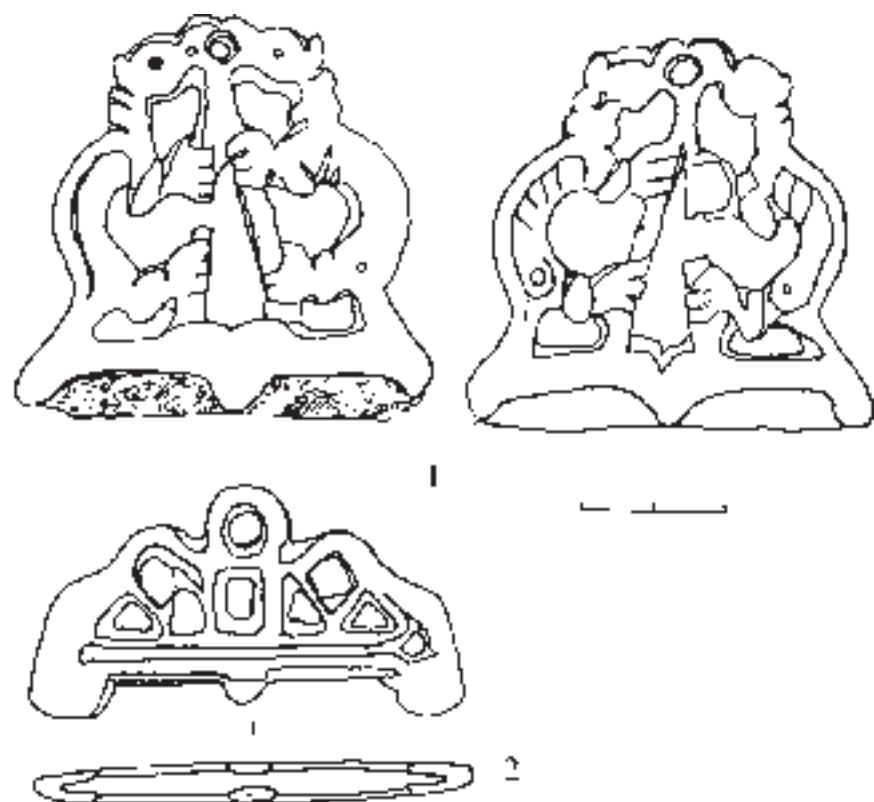

Рис.3. Кресала с бронзовыми рукоятями. 1 – №5427-6/3, Бил.27. 2 – №5427-76.

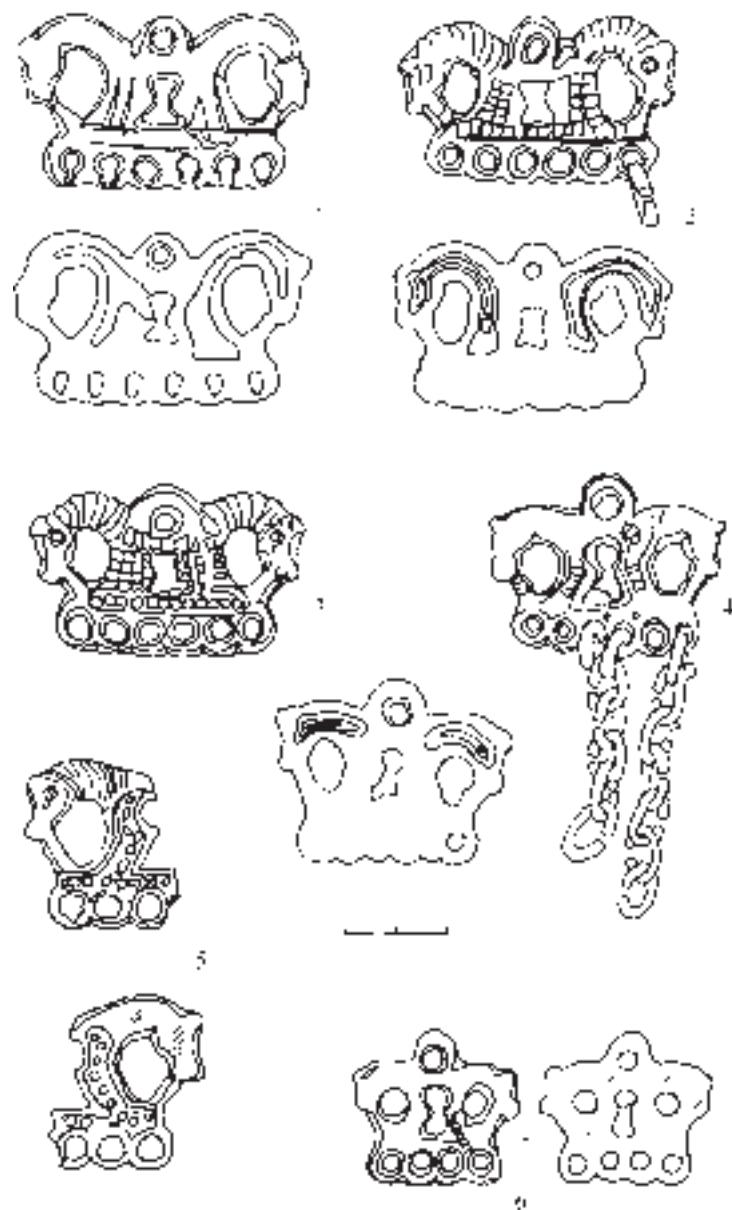

Рис.4. Шумящие коньковые подвески. 1 – №5427-59/59; 2 – №5427-78-1; 3 – №5427-59/60; 4 – №5427-59/61; 5 – №5427-56/3; 6 – №5427-59/62.

Таисия Останина

Клад ювелира из д. Кузебаево Удмуртской Республики

В 2004 г. на юге Удмуртской Республики, в Алнашском районе, в 10-ти км от р. Камы местным жителем был обнаружен клад археологических предметов VII в. н.э. По чистой случайности он не был сдан в металлолом, а приобретен одним из жителей г. Ижевска А.И.Ураковым. Клад найден на территории комплекса археологических памятников около д.Кузебаево, относящихся к кушнаренковской культуре – культуре угрев-мадьяр (северная граница Великой Венгрии – «Magna Hungaria») и именьковской культуре – культуре древних славян.

Состав клада **уникален**, его характер дает возможность отнести найденные в нем предметы к ювелирному производству и условно назвать «кладом ремесленника-ювелира».

Впервые в истории российской и советской археологии обнаружен клад подобного состава (170 наиболее ценных предметов). Он включает в себя уникальный по составу и полноте набор древних ювелирных инструментов (ювелирные молотки, шперак – наковальня, наковальни для выколотки предметов из меди, резец, керно для набивки точек, стамеска, зубило, напильники, ножницы по металлу, ювелирные клемщи, ложки – лячки из бронзы и железа). Ряд предметов определяет и специализацию мастера – производство поясной гарнитуры знаменитого «геральдического типа», спрос на который резко вырос в период I и II Тюркского каганата как среди степняков, так и земледельческо-скотоводческого населения Волго-Камья. В исследованиях археологов лишь указываются отдельные находки литейных форм и публикуется значительная масса элементов пояса на территории от Алтая до южнорусских степей, в то время как в кладе имеется коллекция басменных досок – матриц (21 экз.) для штамповки подобной поясной гарнитуры (поясные накладки, наконечники ремней) с орнаментом в виде ложной зерни, а также коллекция мастер – моделей геральдических пряжек и готовых изделий выполненных с их помощью. В состав клада входит и большое число разных категорий предметов, сопутствующих ювелирное производство: слитки меди, бронзы, заготовки деталей предметов, коробочка для флюса, обломки оловава, стеклянных сосудов, обрезки от производства медных изделий, цветной металлолом, представляющий производственный брак. Поражают количеством и своими размерами, весом слитки меди и бронзы (длина до 30 см, вес до 1,5 кг). *В таком наборе предметов техника и технология ювелирного производства I тыс. н.э. в коллекциях музеев России, Европы не представлена.* Кроме бронзовых и медных предметов поясной гарнитуры мастер делал пояса, украшенные зернью и позолотой (амальгама). В кладе найдена и форма для отливки зерни. Мастерская по золочению бронзы в эту эпоху на территории СНГ обнаружена лишь в древнем Пенджикенте (Средняя Азия). В кладе выделяется 3 богатых поясных набора, выполненных в данной технике. Самые древние подобные поясные

накладки, а также украшения (колты, медальоны, накладки) были изготовлены в Византии. По находкам клада можно проследить не только процесс литья предметов поясной гарнитуры и украшений по мастер-моделям, изготовленным из олова, но и производство тонких листов цветного металла толщиной 0,2 мм и изделий из них. В коллекции имеются своеобразные латунные заготовки (7 экз.) будущих наконечников ремней на разных ступенях их изготовления, а также орудия труда по расплющиванию цветного металла (молоточки, напильники).

Значительный объем медно-бронзового лома, отходы производства (обрязки, бракованные предметы), кусочки сырья (олово, янтарь,битое стекло) дают возможность проследить в полном объеме процесс древнего ювелирного производства и даже психологию и характер мастера. Чтобы тонкие и узкие обрезки цветного металла не потерялись, он их связывал в пучки. В состав металлического лома ювелира входили отходы его собственного производства, а также предметы из разграбленных погребений более ранних по хронологии (плата мастеру за работу?). Сюда можно отнести накладки с перегородчатой эмалью позднегуннского времени (VI в.). Наличие в составе клада обломков стеклянных сосудов светло – зеленого цвета, формы для изготовления кабашонов и самих кабашонов позволяет судить о владельце клада как о ювелире «широкого профиля».

Выделяется большая группа предметов **«представительного»** типа, определяющая этническую и культурную принадлежность мастера-ремесленника: печать с изображением музыканта, накладки, пряжка с лицом мужчины, подвески антропоморфного и зооморфного типов, а также медные монеты среднеазиатского производства (с изображением головы правителя, всадника, верблюда). При этом следует отметить, что указанные подвески, пряжка являются мастер – моделями, изготовленными из олова, что дает возможность предполагать наличие подобных уже бронзовых предметов на памятниках археологии нашей страны.

Техника, тематика изображений изделий имеют самые близкие аналогии в культуре Согда, Хорезма V–VII вв. В VII в. среднеазиатские купцы (особенно были активны купцы из Согда) освоили степной путь торговли с народами Прикамья, соединяя путем торговли культуры Византии, Ирана, Средней Азии и Сибири.

Клад ювелира из д. Кузебаево дает *новое представление* о существовании более сложных связей южных народов с населением лесной полосы Восточной Европы, которые не ограничивались только торговлей, а имело место и переселение ремесленников, работающих на огромную территорию I и II Тюркских каганатов (552–744 гг.). Наиболее вероятная дата сокрытия клада третья четверть VII в. н.э., когда по каким-то причинам племена именьковской, кушнаренковской культур спешно покидают территорию юга современной Удмуртии. При этом следует отметить, что основная часть выполненных мастером предметов может быть датирована первой половиной – серединой VII в. н.э.

Необходимо отметить и относительно хорошую сохранность предметов, особенно из цветных металлов (латунь, медь, бронза), что было не характерно для

предметов местного производства.

Подобного состава клад ювелира позволяет по-новому судить о древних производствах, культурных связях народов конца VII в. перед началом арабской экспансии в Среднюю Азию, изменившая коренным образом материальную и художественную культуру этого региона, оказавшая некоторое влияние и на народы Прикамья.

Таким образом, клад ювелира из д. Кузебаево уникален.

- Подобный состав и количество орудий труда ювелира VII в. н.э. пока *не обнаружены* на территории стран СНГ и Европы.

- Басменные доски (матрицы), мастер – модели поясной гарнитуры «геральдического типа» и украшений VII в. н.э. еще пока нигде *не найдены* в таком широком ассортименте.

- Комплекс предметов сопутствующих ювелирное производство, входящий в состав клада, дает возможность по-новому оценить древнюю технику и технологию изготовления предметов из цветных металлов.

- Наличие ряда предметов восточного художественного искусства, требующего высокой степени квалификации древнего мастера-ювелира, намного увеличит источниковедческую базу археологической науки и искусствоведения.

- Клад дает возможность судить о существовании ремесленного центра высокого уровня на юге современной Удмуртии, имеющего прямые связи со странами Средней Азии и Византией.

А его дальнейшее исследование с использованием естественных и других наук еще более повысит его роль в культурном наследии древних народов России и близлежащих территорий.

Надежда Шутова, Людмила Сенникова
**Археологические памятники и культурный ландшафт
Вятского бассейна в эпоху средневековья***

Тема культурного и сакрального ландшафта становится особенно актуальной в последнее десятилетие в исследованиях географов, археологов, историков, топонимистов и фольклористов. Проходят специальные тематические семинары и конференции, ведутся дискуссии относительно применяемых подходов и методов анализа материала. Опубликованы не только многочисленные статьи, но и целые тематические монографии, посвященные этой проблеме [Теребихин 1993, 1999; Калуцков, Иванова, Давыдова и др. 1998; Культурный ландшафт ... 2003; Культурный ландшафт ... 2004 и др.]. Разработки, связанные с освещением вопросов формирования сакральной топографии преимущественно на основе системы размещения священных мест и других культурных объектов, проводятся в нашем регионе одним из авторов настоящей статьи [Шутова 2001, 2002а, 2002б, 2003 и др.]. В данной работе впервые на основе уже имеющихся и вновь собранных материалов дана предварительная характеристика культурного ландшафта Вятского бассейна второй половины I – начала II тыс. н.э.

Источники. Особенности культурного ландшафта рассматриваемого региона в Средневековье определены на основе анализа материалов археологических памятников и их осмотра авторами в 1975–1978, 1999, 2004–2006 гг. По мере возможности привлекались исторические свидетельства (письменные документы, сведения краеведов и исследователей XVIII–XIX вв.), фольклорно-этнографические данные (легенды, предания, опрос информантов). Для реконструкции культурного ландшафта существенное значение имеют также и природные (географические, флористические, геоботанические и зоологические) характеристики интересующих нас объектов.

Территория Вятского региона в эпоху средневековья была заселена преимущественно финно-угорскими племенами, принимавшими участие в формировании современных удмуртов, коми, марийцев. Судя по расположению археологических памятников, немногочисленное средневековое население освоило среднее и нижнее течение Вятки (рис. 1). К этому периоду отнесено более 50 объектов, в том числе 25 городищ, 10 неукрепленных поселений, 11 могильников и 8 сакральных мест [Спицын 1893; Иванова 1971; Леконцева 1975, 1976, 1978; Лещинская 1984, 1995; Сенникова 1998: 45–53; Историко-этнографический атлас 1998: 8–10; Голдина 1999: 309–329].

Почти все выявленные археологические памятники располагаются вдоль р. Вятки и ее притоков первого и второго порядка. Для системы расселения вятско-

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

го населения характерно то, что городище, селища и могильник не образовывали компактную группу. Отдельные кусты поселений, в центре которого располагалось городище в окружении селищ, а поблизости размещались производственные площадки, могильник и священные места (к примеру, Никульчинское городище и его округа, Подчуршинское городище и его округа), а также единичные группировки селищ в бассейнах рр. Валы, Кильмези, Лобани – левых притоков Средней Вятки составляют исключение. Значимость каждой группы и разновидности археологических объектов в культурном ландшафте Средневековья существенно варьировалась.

Городища. Они занимают преимущественно возвышенные участки местности правобережья р. Вятки и ее притоков. Нередко средневековое население продолжало эксплуатировать площадки городиц раннего железного века (ананьинские). Укрепленные поселения, как правило, были устроены на высоких коренных берегах рек в месте впадения в них более мелких речек (Еманаевское, Никульчинское, Пижемское, Бурыгинское / Нижневотское и др.). Обычно для их возведения использовали обширную и ровную площадку коренного берега реки, удобную для устройства жилых сооружений (Шевнинское, Ижевское, Никульчинское). Есть укрепленные поселения, которые занимают покатые, не совсем годные для обитания мысы (Еманаевское, Бурыгинское). Подчуршинское городище устроено на удобном для устройства укрепленного поселения возвышенном холме естественного происхождения. Еманаевское городище можно рассматривать как ремесленный центр местной сельской округи. Городища, размещенные на левобережье Вятки, по притокам реки Вой (Курчумское, Архангельское, Ошланское и Верхне-Рябинское), выполняли, скорее всего, функции убежищ, временных поселений или культовых объектов. Такие памятники характеризуются небольшими размерами, слабой системой оборонительных сооружений, незначительным культурным слоем или полным отсутствием оного, редкими находками обломков керамики и костей животных. Особенностью большинства вятских городищ является мысовая площадка, однорядовая оборонительная система (один ров и один вал), относительно небольшие размеры площадок (от 1 до 3,5 тыс. кв. м).

По всей видимости, в Средневековье площадки городищ часто использовались для выполнения религиозных церемоний, так как исследования удмуртских, бесермянских (в меньшей степени марийских) святилищ XIX – начала XX в. показывают, что в пределах каждого селения функционировали до десятка культовых мест – семейных, родовых, общинных или территориальных. Ритуальные остатки на городищах могут быть представлены лишь в виде очагов, ям, глиняных площадок, жертвенных приношений как то: скоплений камней, находок костей животных, редких обломков посуды и других вещей. Как правило, вятские городища служили объектами почитания среди окрестного населения в течение длительного периода, нередко их площадки использовались в культовых и обрядовых целях и в этнографическое время. Для ряда вятских городищ (Вятское, Никуль-

чинское, Лебяжское, Шевнинское) характерна такая особенность: если рядом находится современный населенный пункт (город, село, деревня), то сама площадка памятника остается свободной от построек. Как правило, жилые и производственные строения (а прежде – церкви и часовни) располагаются рядом, за валом городища. Такое специфическое соотношение между современным селением и удобной для обитания, но не занятой площадкой археологического памятника также может косвенно свидетельствовать об использовании площадок средневековых городищ в ритуальных целях. С такими городищами связаны разнообразные легенды и предания. Приведем некоторые примеры.

В культурном слое Ижевского городища (бассейн Пижмы, Пижанский район Кировской обл.) выявлены материалы раннего железного века и средневековья [Архипов 1962: 147; Леконцева 1976: 8–9]. На мысовой части этого укрепленного поселения обнаружен культовый объект в виде жертвенной ямы, содержащей жженные и сырье кости животных [Ефремова 2005: 10–11; 2006: 43].

На площадке Подчуршинского городища (берег Вятки, Слободской район Кировской обл.), культурный слой которого содержит материалы разных эпох (неолит, ананьинское время, XII–XV и XVII–XIX вв.), исследована большая яма (размеры 3,8 x 2,38 – 2,7 x 1,14 м), заполненная зольным слоем со скоплениями шлака, обожженной глины и бересты, известку, кальцинированные кости, кости птиц, яичную скорлупу. Без всякого определенного порядка здесь были разбросаны орудия, рыболовства, украшения, бытовые вещи, предметы вооружения и охоты. В XVI–XVIII вв. площадка памятника использовалась для захоронения умерших [Макаров 1995: 36–41, 44–45, рис. 10]. С этим городищем связаны многочисленные легенды и предания о богатырях, которые будто бы насыпали его, основали его, жили на нем, зарыли там заветный клад. В XIX в. местные крестьяне считали городище заветным, заколдованным, на его площадке совершали поминования по «заложным покойникам», другие обрядовые действия [О древних памятниках… 1860: 148; Народное предание… 1861: 1–2; Спицын 1881: 33–35]. Аналогичные сведения (культурные остатки, исторические свидетельства) о многофункциональном использовании площадок средневековых городищ сохранились и по Никульчинскому, Еманаевскому и Пижемскому городищам.

Местом проведения религиозных церемоний в Средневековье служили и свободные площадки ананьинских городищ. Так, судя по результатам археологических изысканий, Аргыжское городище ананьинского времени использовалось в конце I – начале II тысячелетия н.э. в культовых целях, предположительно для почитания легендарных предков – родоначальников. Здесь выявлены жертвенные приношения, состоящие преимущественно из железных наконечников стрел и фрагментов лепной посуды указанного времени [Черных, Ванчиков, Шаталов 2002: 63–75]. Известные нам этнографические данные позволяют предполагать, что на этом городище проводили ритуальные обрядовые действия и в XVIII–XIX вв. На это указывает наименование памятника и ближайшего селения – Аргыж.

Во время празднования Айкай (начало земледельческих работ), одновременного с Пасхой, завятские удмурты выбирали особое сакральное лицо (почетных председателей) *аргыж тукисъес* ‘сидящие аргыжами, т.е. ведущие праздник / руководящие праздником’. Вполне возможно, что на возвышенной и ровной площадке городища отмечали этот весенний праздник Айкай (Пасха).

Еще в конце XIX в. удмуртское население использовало площадку Городищенского городища (правый берег р. Косы, левый приток Чепцы, Зуевский район Кировской обл.) для аграрных церемоний. По свидетельству Н. Спасского: «Вотяки издревле при начале посева яровых хлебов сходились на городке, где старики и женщины пируют и пляшут, а люди средних лет и молодые внизу, около городка разъезжают на лошадях, причем стараются один другого перегнать. Затем съезжаются на самый городок и тоже пируют. Издревле существует обычай...» [Спасский 1874: 29].

Неукрепленные поселения. Выявленные селища (Ботылинское IV поселение, Моторки X и XI, Искра, Вихаревское селище и др.) занимают невысокие участки местности (останцы коренного берега мелких речушек, невысокие надпуговые террасы, возвышения и дюны возле озер, стариц в поймах рек) на левобережье среднего течения Вятки. Выявлены случаи устройства поселений на высоких коренных террасах Вятки и ее притоков – Немды, Кильмези. Селища средневековых обитателей края, как правило, не отличаются мощностью культурного слоя и выразительностью вещевых остатков.

Археологические материалы, свидетельствующие об использовании неукрепленных поселений в качестве мест проведения религиозных празднеств единичны. В ходе исследования поселения Искра (надпойменный выступ коренной террасы Вятки, Котельничский район Кировской обл.) Л.Д. Макаров выявил древнеудмуртский культурный слой XII–XIII вв. и древнерусский XVI–XVII вв. Одно из сооружений (№ 7) с остатками двух очагов и обломками лепной керамики предположительно соотнесены им с постройкой культового назначения – куалой поздних удмуртов [Макаров 1984: 97–102]. В культурном слое Балминского селища (возвышение коренного берега Кильмези, левого притока Вятки, Сюмсинский район Удмуртия) содержались фрагменты лепной керамики, две бронзовые накладки, обломки железных ножей и наконечника стрелы, обломки бронзовых предметов, шлак, фрагменты тиглей и льячек. Выявлены ямы и один котлован, заполненный мощным углисто-прокаленным слоем. Это поселение посещалось окрестным удмуртским населением для проведения народных праздников, здесь варили мясо домашних животных, а кости бросали в костер в качестве жертвенных приношений [Лещинская 1984: 39–41]. Особенности топографии Балминского селища, обилие костей, характер культурного слоя и скучность находок свидетельствуют, что это место могло использоваться в качестве святилища и в Средневековье.

Могильники. Сведения о средневековых вятских могильниках немногочисленны. Как правило, они занимают небольшие по площади участки местности и со-

держат малое число погребений (около 10). Нередко их размещали вблизи рек на возвышенных местах (Кочергинский, Юмский, Стрижевский) и на площадках средневековых городищ (Никульчинский, Еманаевский, Покста II, Подчуршинский). Несомненно, такие места рассматривались в качестве поселков «мертвых» и пользовались почитанием как место упокоения душ умерших предков. Однако археологические и исторические материалы подобного рода, к сожалению, весьма скучны.

Специализированные культовые памятники. Объектов, устроенных средневековым населением специально для проведения религиозных церемоний, в регионе известно немного. К таким памятникам относится Юмское (Сарапульское, Ивкинское) святилище X–XIV вв. (Свечинский район Кировской обл.). Оно занимает обширный мыс невысокой надпойменной террасы старицы Юмы в сосновом лесу. В ходе проведенных А.А. Спицыным (1891 г.) и В.Ф. Генингом (1957 г.)* раскопок, на памятнике выявлены остатки двух кострищ, 7 ям с песчаным заполнением и 11 скоплений сырых, иногда слегка обожженных костей животных. Помимо костей жертвенных животных, здесь собраны своеобразные вещественные дары – обломки камней и жерновов, фрагменты лепной глиняной посуды, железные и костяные наконечники стрел и дротиков, точильные бруски из песчаника и сланца, песчаниковая плита [Спицын 1891: 22–23; Халиков 1957: 178–184].

Жертвенное место Чумойтло X–XIII вв., исследованное Р.Д. Голдиной, располагается на мысу второй надпойменной террасы высотой 6–8 м левого берега Валы (Можгинский район Удмуртии). В его центральной части в слое зольно-пепельной супеси, насыщенной кальцинированными костями, прослежены остатки двух кострищ. В 3 м от центра святилища выявлено парное захоронение взрослого мужчины и женщины или подростка середины I тыс. н.э. В пространстве между выявленными кострищами и погребением располагалось скопление из 33 железных наконечников стрел, сложенных кучкой. В культурном слое памятника найдены остатки сырых, реже – кальцинированных костей диких и домашних животных, обломки средневековой керамики, наконечники стрел и различные железные предметы, бронзовые изделия, поделки из камня и кости [Голдина 1987: 84–106]. Существуют сведения, что упомянутые выше средневековые святилища посещались и позднее, в XIX – начале XX в. [Спицын 1891: 22–23; Шутова 1999: 104–107].

Природно-ландшафтные объекты. Особую группу среди священных мест удмуртов и марийцев XIX – начала XX в. составляли почитаемые природные святыни, приуроченные к выдающимся элементам ландшафта, таким как наиболее высокие точки местности, карстовые разломы, сильные родники, необычные озера, редкие породы деревьев или деревья с аномальным развитием. Такие уникальные природные объекты образовывали целый сакральный комплекс. Вполне допустимо, что эти необычные места пользовались поклонением и в Средневековье.

* Отчет о проведенных археологических исследованиях подготовлен А.Х. Халиковым [Халиков 1957].

Так, есть некоторые основания предполагать, что Великорецкое сакральное место (Юрьянский район Кировской обл.) первоначально функционировало как природное языческое капище местного средневекового населения (удмурты, коми, марийцы, славяне). Об этом свидетельствуют отдельные языческие финно-угорские элементы в характере почитания этого места (культ дерева, возвышения, родника, жертвование животных), некоторые финно-угорские топонимы (с. Чудиново, р. Сизма, д. Серегово), сохранившиеся в окрестностях с. Великорецкого. Известны исторические известия об обитании удмуртов в этом районе: в 1629 г. в Великорецком стане Хлыновского уезда писцами были зафиксированы бывшие удмуртские селения [Гришкина, Берестова 2006: 21]. Кроме того, по преданию, на месте села Чудиново жила «чудь безданная» (не платившая податей) [Ворончихин 2000: 164].

Эта местность обладает особыми природными характеристиками – высокий крутой склон коренного берега реки Великой, у основания которого бьет сильный родник, поросший толстыми деревьями (соснами) с могучей кроной и аномальными признаками – с двойными, тройными вершинами, искривленными стволами, с двумя, тремя и даже четырьмя стволами одинаковой толщины, растущими из одного основания. В окрестностях с. Великорецкого еще и в наше время можно отыскать поделочные и ювелирные камни – яшму, горный хрусталь, аметист, халцедон, агат [Ворончихин 2000: 169–176]. В середине XIX в. в статистических документах отмечена еще одна достопримечательность этих мест – дикие пчелы особо крупных размеров [О древних памятниках … 1860: 198]. По преданию, здесь в лесной чащобе была явлена чудотворная икона святого Николая. К этому месту из Хлынова (Вятки, Кирова) совершается один из самых древних крестных ходов в России. Объектами почитания служат родник, деревья со сдвоенными вершинами, обугленный пень от огромного дерева (летом 2006 г. этот пень уже отсутствовал, его убрали священники), вероятно, сосны.

Другой сакральный комплекс – Чумбулатов камень (Советский район Кировской области) включал скалы, утесы, пещеры, воронки, каньонообразный овраг на левом берегу Немды. Стенки оврага сложены плитами и валунами, обросли мхом, поросли папоротником, обвиты листьями и корнями деревьев. В русле текущего по оврагу ручейка много камней с отпечатками древних морских животных, кремневые желваки с кристалликами кальцита, кварца, а иногда и аметиста. Найдены редкие виды растений. К природным достопримечательностям этих мест относятся и промышленные запасы известняков, обладающих превосходными физическими и химическими свойствами [Соловьев 1986: 71, 74–76; Ворончихин 1996: 54–56, 229–230].

По преданиям, здесь располагалось обиталище духа легендарного марийского богатыря Чумбылата. В минуты опасности он с оружием в руках появлялся на белом коне из горы, чтобы защитить свой народ. На горе Чумбулат при большом стечении людей совершались общественные моления памяти богатыря с прине-

сением в жертву животных (прежде коня, жеребенка, а позже – птиц и щук). Главный костер разжигали на огромном гладко обтесанном известняковом камне кубической формы. Сюда несли монеты, птицу, одежду, другие вещи, ставили восковые свечи и просили о помощи [Кузнецов 1905; Тойдыбекова 1997: 126–131]. Основными объектами почитания являются огромный известняковый камень, расположенный в настоящее время на склоне возвышения, деревья, растущие как вблизи камня, так и у подошвы возвышения, а также родник, вытекающий у основания склона возвышения. Здесь проводятся ритуальные трапезы, приносятся в жертву домашние животные и птицы. В качестве приношений используются красные лоскутки ткани, их привязывают к деревьям и кустарникам на святилище [Шутова 2004: 18].

Вполне возможно, что в Средневековье почитался Буржатский / Береснятский ботанико-геологический комплекс (Советский район Кировской области). Он объединял Буржатский утес высотой 30 м, Нижневотское / Бурыгинское городище, Береснятский водопад (наибольшая высота ступени 7 м), известняковую «стенку» между ними высотой 7–12 м, сложенную рыхлыми опоковидными известняками. В подножии утеса имелась пещера с входным гротом. Водопад берет начало от мощного источника, течет по глубокому, узкому каньонообразному оврагу и впадает в р. Немду в виде целого каскада водопадов [Соловьев 1986: 68–71]. Известняковая «стенка» коренного берега, украшенная мхами и лишайниками в сочетании с мощными стволами высоких сосен, скрыта густым лесом. У ее подножия и на крутом склоне скрываются россыпи калипсо луковичной, шеверекии, занесенные в Красную книгу России, и другие редкие растения [Ворончихин 1996: 61–66, 230].

На вершине белокаменного утеса было устроено Нижневотское (Бурыгинское) городище ананьинского времени. По описаниям местных исследователей (П.В. Алабин, А.А. Спицын), в середине XIX в. оно было защищено отвесными каменными склонами в форме огромных ступеней, «называемых народом богатырскими», а со стороны поля – искусственным валом и рвом. Находки включали стрелы и копья, черенок железного ножа, обрывок медной цепочки, черепки и другие предметы [Соловьев 1986: 70–71]. В ходе разведочных обследований 1975 г. нами были выявлены остатки вала и часть узкой и длинной площадки городища. В зачистках обнажений обнаружены кости животных и фрагменты средневековой керамики [Леконцева 1975: 7–8, рис. 7, 18]. При осмотре этой местности в 2004 г. никаких следов памятника, прежде расположенного на краю утеса, не обнаружено.

Почитаемые карстовые озера. Удмуртские и марийские легенды и предания свидетельствуют, что озера естественного происхождения – озеро Лызи в Татарстане, озеро Шайтан с периодическими выбросами воды в Кировской области и другие озера составляли и составляют особую группу почитаемых природных святынь [Яковлев 1903: 205–207; Географическая характеристика 1972: 31–42;

Соловьев 1986: 90–96; Соловьев 1997: 213–214]. Такие озера могли служить объектами поклонения и в Средневековье.

Священное озеро Лызи располагается на возвышенном месте в окрестностях д. Большие Лызи–2 (Балтасинский район Татарстана). В давние времена на этой местности рос густой непроходимый лес, а ныне лес сохранился только вокруг самого озера. Существует предание, что прежде озеро находилось в другом месте, около с. Малые Лызи, у самого Сибирского тракта; там и совершали жертвоприношения. В начале XX в. следы бывшего озера сохранялись в виде котлообразного углубления 8–9 саженей в диаметре и двух саженей глубины. Говорили, что проезжавшая мимо цыганка помыла в нем грязные пеленки, поэтому Дух озера оскорбился и решил перевести озеро на другое место. Переселение совершилось на быках ночью во время сильной грозы. По пути попалась река, но она остановила течение своих вод, услышав рев и шум быков, так что озеро, не смешав своих вод с речной водой, переправилось. И, действительно, от старого места до современного озера во всю длину наблюдалась ложбинка в виде канавы, якобы оставшаяся после перемещения озера [Яковлев 1903: 205–207].

В XIX – начале XX в. жители 5–6 окрестных деревень бывшего Лызинского прихода совершали моления у священного озера летом перед праздником святых Петра и Павла, через два года на третий, когда окружающее озеро поле засевали озимыми. Закалывали быка, телку и барана, покупаемых на общественные деньги. Молением ведали представители одного из родов, эта обязанность передавалась из поколения в поколение. В промежутках в два года совершали простое моление с хлебом *вильдон* ‘обновление’. В прошлом Лызинское озеро (удм. *Лозя ты*, соврем. Черное озеро) пользовалось большой известностью среди всех малмыжских и мамадышских удмуртов. Здесь они приносили в жертву баранов, чтобы излечиться от различных болезней [Яковлев 1903: 205–207]. К сожалению, осмотр этой местности в 2001 г. показал, что озеро ныне интенсивно загрязняется, мелеет, гибнет некогда дремучий лес, окружающий этот уникальный водоем.

Озеро Шайтан – самое легендарное озеро Кировской обл. (Уржумский район). По предположениям гидрогеологов, озеру около полутора тысячелетий. Оно лежит на дне глубокой котловины на водоразделе рек Байсы и Буя. Слоны котловины поросли хвойно-широколиственным лесом. Низменный юго-восточный берег озера, заросший мелколесью из берески, осины, ивняков, переходит в широкую полосу прибрежной сплавины (толщина 90 см) из плавучих корневищ болотных растений – сабельника болотного и вахты трехлистной. На сплетении этих корней поселяются другие болотно-водные растения, корневища которых густо оплетены редкими водными мхами [Соловьев 1986: 92–96; Ворончихин 1996: 77].

«Озеро образовалось в зоне разгрузки подземных вод, о чем свидетельствует постоянная избыточная увлажненность окружающей его местности и центробежный характер речных истоков, стекающих во все стороны из района озера. Озеро Шайтан – единственный на Русской равнине природный водоем с непери-

одическими выбросами воды на поверхность, которые происходят в среднем через 5–6 лет. Иногда в течение нескольких часов наблюдается бурление воды, а иногда происходит кратковременный выброс в виде фонтана до 10 м высотой или водяного столба диаметром 1,0–15 м и высотой 1–4 м» [Соловьев 1997: 213–214].

Озеро Шайтан – неповторимый природный водоем с редким сочетанием явлений сифонной циркуляции и плавающих островов: то вдруг вода в нем начинает бурлить, порой фонтаном выбрасывается вверх, а то, случается, даже в тихую погоду от берега один за другим отплывают острова. Интереснейшие явления в виде небольших выбросов наблюдали туристские группы и в наши дни. Местные лесники и охотники утверждают, что выбросы воды происходят и зимой, так как они неоднократно видели на озере взломанный лед, вертикально стоящие большие толстые льдины [Ворончихин 1996: 77–78].

Гидрогеологи объясняли причуды озера как результат непериодического сифонного поступления вод в озеро из глубинных подземных источников. Озерная чаша врезается в толщу делювиальных суглинков, прикрывающих пятиметровый слой известняка и мергеля. Известняково-мергельная толща, пронизанная многочисленными трещинами и полостями, наполненными водой, образует верхний горизонт грунтовых вод. Ниже, на глубине около десяти метров, залегает водоупорный слой мощностью около 2 м. Расположенные под ним известняки и мергели также содержат воду в многочисленных трещинах и пустотах. Сообщающиеся между собой через вертикальные карстовые колодцы (поноры) карстовые воды верхнего горизонта с нижним горизонтом трещинных напорных вод и создали своеобразный гидрогеологический режим озера, обусловив явление сифонной циркуляции подземных вод, сопровождающейся выбросами воды на поверхность [Соловьев 1986: 92–96].

Непреодолимый страх перед озером владел местными жителями в былые годы. Несомненно, такое озеро считалось окрестным населением с давних времен. В 1965 г. журналист В.М. Козлов со слов старого жителя д. Индыгойки Ф.С. Терентьева записал старинную марийскую легенду, что озеро Шайтан образовалось на месте битвы между марийскими воинами и Шайтан-кереметем, в которой погибло много воинов. Шайтан-кереметь после этого скрылся в озере. Когда он начинает сердиться, вода на поверхности ходит валами, а когда взбунтуется, то вскидывает ее вверх фонтаном на десятки метров [Соловьев 1986: 90–92].

Возможно, и другие карстовые озера служили местом проведения религиозных обрядов. У марийского населения долгое время считалось святым Лежнинское озеро (долина р. Елевки, притока Пижмы, Пижанский район Кировской обл.). Сюда собирались марийцы не только из ближайших сел, но и из далеких южных районов. Озерная вода считалась целебной, ее использовали для лечения глаз от трахомы, она, якобы, помогала им при болезнях желудка и кишечника. Святым считался и мощный родник, вытекающий из-под правого берега Елевки, напротив развалин д. Мокрецы [Ворончихин 1996: 179–180].

Лежнинское озеро имеет предположительно карстово-суффозионное происхождение. Чаша озера лежит на дне глубокой котловины, расположенной на вершине холма. Озеро имеет округлую форму и высокие (до 10 м) берега. С запада и востока озеро обрамляют сосновые посадки. Его берега с крутыми склонами напоминают громадную воронку, при сравнительно небольших размерах его глубина достигает 36,6 м. Вода поражает исключительной прозрачностью и морским зеленовато-синим цветом воды. В озере водится много щук и сорог (плотва), речных раков, что говорит о чистоте воды, высоком содержании в ней кислорода, кальция и других химических элементов [Ворончихин 1996: 179–180].

Местные старожилы уверяют, что оно возникло на глазах жителей д. Лежнино и Мокрецы. Они наблюдали, как на месте провала земля осыпалась в огромную воронку-кратер и как воронка наполнялась водой. Еще их родителям старики рассказывали, что на дне озера находятся строения д. Лежнино и даже часовни. В прошлом рыбаки со дна озера сетями поднимали почерневшие от долгого пребывания в воде бревна со следами обработки топором [Ворончихин 1996: 176–178].

«Курганы», места обитания и захоронения легендарных богатырей. Еще одна группа природных объектов («курганы», всхолмления, деревья, участки местности) связана в историческом сознании местного населения с обитанием или захоронением легендарных богатырей. К подобным культовым местам можно отнести священную березу на месте погребения марийского богатыря Акпатаира, святилище Чимбулата, крепость и место захоронения марийского князя Болтуша, место обитания легендарных Подчуршинских богатырей, курганы Городище и Богатырский бугор в Кильмезском районе Кировской обл., Кадочниковский курган неподалеку от марийской священной рощи в Уржумском районе и др. В этих местах проводились обрядовые церемонии в честь знаменитых предков-родоначальников.

Особенности культурного ландшафта. Средневековый ландшафт Вятского бассейна характеризуется высокой степенью взаимодействия культурных и природных объектов и явлений. Наиболее освоенные немногочисленным населением участки местности прилегают к крупным и средним рекам региона. При устройстве поселений максимально использовались природно-географические особенности обитаемой территории. Как правило, городища располагались на выдающихся с точки зрения топографии точках местности – площадках высокого коренного берега реки в месте впадения в нее реки или ручейка более мелкого ранга, удобных для возведения укрепленного поселения. Такое городище имело определенную ресурсную зону – участки поймы, водные источники и лесные массивы. Реки служили транспортной магистралью, обеспечивали водой и рыбной продукцией. С высокой господствующей на местности площадки памятника открывалась широкая панорама окрестных территорий, что позволяло контролировать окружающую сельскохозяйственную округу.

Участки местности, на которых располагались городища, обладали и другими примечательными природными характеристиками. На склонах городищ или возле них были сильные родники, обитали редкие и исчезающие виды растений, встречались находки поделочных и ювелирных камней (яшма, горный хрусталь, аметист, халцедон, агат, кварц, граниты и гнейсы), обломки кораллов, кремни с отпечатками раковин моллюсков и морских животных, а также листьев и коры древних растений. Многие удобные для обитания ландшафтные зоны использовались для устройства укрепленных поселений еще в раннем железном веке (ананьинское время). Поэтому средневековые городища часто занимают площадки ананьинских городищ. На таких местах окрестные жители проводили свои религиозные обряды и в Средневековье, и позднее, в XVIII – начале XX в.

Неукрепленные поселения занимали невысокие, удобные для проживания и занятия сельскохозяйственной деятельностью участки местности в долинах крупных и средних рек. Окрестные прилегающие территории с хорошими дерново-подзолистыми почвами использовались в качестве пастбищ, пахотных, сенокосных и охотничих угодий. Неподалеку от поселений на возвышенных местах располагались захоронения предков. Выявлены немногочисленные специализированные святилища этого времени. С своеобразие культовых мест Вятского региона средневекового времени состоит в слабой выразительности их материальных остатков, что вызывает трудности их идентификации. Поэтому описанные выше сведения о сакральных памятниках края, и в том числе и ритуальные объекты на городищах и селищах, во многом реконструированы на основе поздних этнографических параллелей, исторических свидетельств и природных особенностей местности. Правильность такого подхода косвенно подтвердила карта локализации выделенных нами сакральных объектов. Как правило, они составляют с городищем (несколькими городищами), другими поселениями, а иногда и могильником своеобразный локальный комплекс памятников.

В хозяйственной и духовной жизни местных обитателей края второй половины I – начала II тыс. н.э. высоким практическим и символическим значением обладали укрепленные поселения – городища. Как правило, они выполняли многообразные функции: служили местом проживания определенной группы населения, убежища в случае военной опасности, являлись центром ремесла и местом концентрации материальных ценностей окрестных племен. Средневековые городища нередко играли роль культового центра местных финно-угорских племен. С такими священными объектами связаны разнообразные легенды и предания, на них искали клады, появлялись видения. На протяжении длительного промежутка времени, вплоть до наших дней, площадки таких памятников рассматривались окрестными жителями в качестве своеобразных сакральных локусов и оставались не заселенными и незастроенными. Хотя соседние, прилегающие к городищу участки территории подвергались интенсивному освоению. Можно предполагать, что местное финноязычное и смешанное население хранило ин-

формацию о религиозных ценностях своих предков, и традиция бережного отношения к святыням прежних обитателей края передавалась и пришлым славянским этническим группам.

Особой семантической нагрузкой в мировоззрении и обрядовой практике населения региона наделялись необычные природные объекты – возвышения и всхолмления естественного происхождения, а также целые природные комплексы. Как правило, средневековые священные объекты были приурочены к участкам территории в районах карстовых разломов – провалов, пещер, скал, озер. По убеждению средневековых жителей, проводимые на таких энергетических точках местности религиозные ритуалы, очевидно, были особенно эффективны, способствовали ментальному освоению обитаемой территории, плодотворному обмену информацией и сакральными ценностями с представителями иррационального пространства – божествами и духами природных сил и стихий.

Литература и источники

- Архипов Г.А. Ижевское городище (результаты раскопок 1961 года) // Вопросы истории и археологии Марийской АССР. Труды МарНИИ, вып. XVII. Йошкар-Ола, 1962. С. 141–159.
- Ворончихин Е.И. По Вятскому краю. Путеводитель по примечательным объектам природы. Киров, 1996. Ч. 1.
- Ворончихин Е.И. По Вятскому краю. Путеводитель по примечательным объектам природы. Киров, 2000. Ч. 2.
- Географическая характеристика административных районов Татарской АССР. Казань, 1972.
- Голдина Р.Д. Жертвенное место Чумойтло в Южной Удмуртии // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск, 1987. С. 84–106.
- Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999.
- Гришкина М.В., Берестова Е.М. Колонизационные процессы и расселение этнических групп в Вятско-Камском междуречье в XV–XVIII вв. Ижевск, 2006.
- Ефремова Д.Ю. Культовые памятники марийцев VI–XIX вв. (по археологическим материалам). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2005.
- Ефремова Д.Ю. Типология культовых памятников марийцев в эпоху средневековья // Финно-угроведение. 2006. № 1. С. 35–51.
- Иванова М.Г. Отчет разведывательного отряда Вятской археологической экспедиции за 1971 г. Архив НМ УР. Д–19.
- Историко-этнографический атлас Кировской области / Отв. ред. И.Ю. Трушкова. Киров: Изд-во ДИК, 1998.
- Калуцков В.Н., Иванова А.А., Давыдова Ю.А., Фадеева Л.В., Родионов Е.А. Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье, Поморье / Семинар «Культурный ландшафт»: первый тематический выпуск докладов. Москва: Изд-во ФМБК, 1998.
- Кузнецов С.К. Поездка к древней черемисской святыне, известной со времен Олеария // Этнографическое обозрение. 1905. Кн. 62.
- Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования / Отв. ред. В.Н. Калуцков, Т.М. Красовская. М.: Изд-во МГУ, 2003.

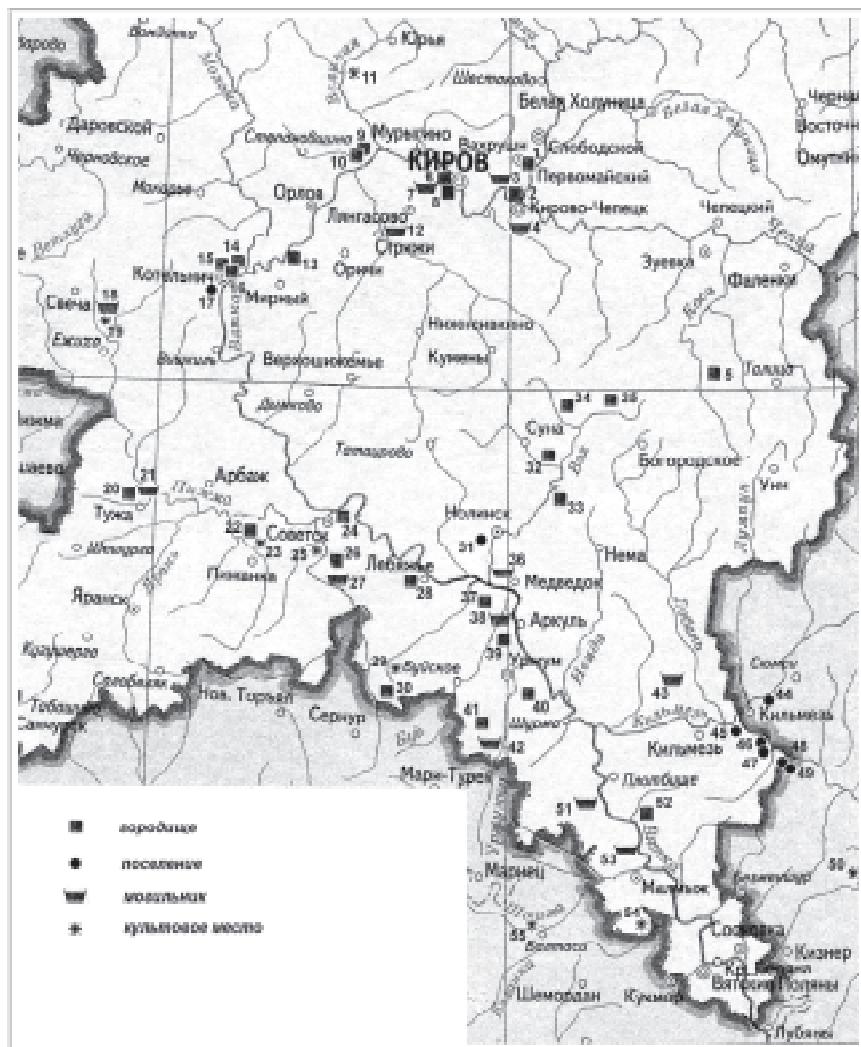
- Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.: Ин-т наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004.
- Леконцева (Шутова) Н.И. Отчет о разведочных работах, проведенных летом 1975 года в Советском и Кильмезском районах Кировской области. Ижевск, 1975. Архив ИИКНП. Ф-2, Д-23.
- Леконцева (Шутова) Н.И. Отчет об археологических исследованиях, проведенных летом 1976 года в Советском и Пижанском районах Кировской области. Ижевск, 1976. Архив ИИКНП. Ф-2, Д-43.
- Леконцева (Шутова) Н.И. Отчет об исследованиях Ботылинского IV поселения в Нолинском районе Кировской области, проведенных летом 1978 г. Архив ИИКНП. Ф-2, Д-77.
- Лещинская Н.А. Средневековые поселения на левобережье Вятки // Памятники железного века Камско-вятского междуречья. Ижевск, 1984. С. 35–43.
- Лещинская Н.А. Вятский бассейн в I – начале II тысячелетия (по археологическим материалам). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1995.
- Макаров Л.Д. Поселение Искра – новый памятник в бассейне Средней Вятки // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск: Удмуртский ун-т, 1984. Вып. 2. С. 94–119.
- Макаров Л. Окрестности п. Первомайского в древности // Серкин С. Баллада о Чуршинском городище. Слободской, 1995. С. 28–68.
- Народное предание о городище в с. Спасоподчуринском Слободского уезда // ВГВ. 1861. № 1. С. 1–2.
- О древних памятниках в Вятской губернии // Памятная книжка Вятской губернии на 1860 год. Вятка. 1860. С. 145–152.
- Сенникова Л.А. Историко-археологический обзор Камско-Вятского междуречья в древности // Энциклопедия Земли Вятской. В 10-ти томах. Киров, 1998. Т. 8: Этнография, фольклор. С. 9–56.
- Соловьев А.Н. Сокровища Вятской природы. Киров, 1986.
- Соловьев А.Н. Озера // Энциклопедия Земли Вятской. Киров, 1997. Т. 7: Природа. С. 200–222.
- Спасский Н. Отчет о действиях и занятиях Вятского губернского статистического Комитета за 1973 год. Вятка, 1874. С. 13–43.
- Спицын А.А. Каталог древностей Вятского края // Календарь Вятской губернии на 1882 г. Вятка, 1881. С. 25–90.
- Спицын А.А. Поездка летом 1891 г. на р. Юм (Котельнический уезд Вятской губернии). Архив ЛОИА РАН, ф. 5, д. 86.
- Спицын А.А. Приуральский край: Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // МАВГР. 1893. Вып. 1.
- Теребихин Н.М. Сакральная география Русского Севера (Религиозно-мифологическое пространство северорусской культуры). Архангельск: Изд-во Поморского педун-та, 1993.
- Теребихин Н.М. Лукоморье (очерки религиозной геософии и маринистики Северной России). Архангельск: Изд-во Поморского гос. ун-та, 1999.
- Тойдыбекова Л. Марийская языческая вера и этническое самосознание. Joensuu-Йоенсуу, 1997. Joensuu yliopisto, Karjalan tutkimuslaitoksen julkaisuja. N:o 116.
- Халиков А.Х. Отчет о полевых работах Марийской археологической экспедиции 1957 года. Архив ИА РАН. Р-1, № 1470.

- Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А. Аргыжское городище на реке Вятке. М.: Инт компют. технологий, 2002.
- Шутова Н.И. Средневековое жертвенное место Чумойтло в обрядовой жизни удмуртов родовой группы Можга // Европейский Север в культурно-историческом процессе. Киров, 1999. С.104-107.
- Шутова Н.И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования. Ижевск, 2001.
- Шутова Н.И. Сакральные места в окрестностях д. Кузебаево // Живая старина, 2002а. С. 20–23.
- Шутова Н.И. Сакральные места в окрестностях удмуртской деревни Нижние Юраши // Научное издание Московского Венгерского колледжа: Сб. статей. М., 2002б. Вып. 2. Т. 2: Актуальные вопросы финно-угроведения и преподавания финно-угорских языков. С. 346–355.
- Шутова Н.И. Проблема сакральной топографии Камско-Вятского междуречья (По данным археологии и этнографии) // Этнос – Культура – Человек. Ижевск, 2003. С. 462–469.
- Шутова Н.И. Средневековые святилища Камско-Вятского региона // Культовые памятники Камско-Вятского региона: Материалы и исследования. Ижевск, 2004. С. 5–35.
- Яковлев И.В. 1903 б. Заметка о священном озере вотяков Казанского уезда и молении на нем // ИОАИЭ. Казань, 1903. Т. XIX. Вып. 1–6. С. 205–207.

Рис. 1. Карта археологических памятников Вятского бассейна (составлена Н.И.Шутовой).

- 1 – Подчуршинское городище и могильник; 2 – Никульчинское городище и селище; 3 – Концовский могильник; 4 – Усть-Чепецкий могильник; 5 – Городищенское городище; 6 – «Вятское» городище; 7 – Вятский могильник; 8 – Чижевское городище; 9 – Вершинятыское городище; 10 – Подрельское городище; 11 – Великорецкий сакральный комплекс; 12 – Стрижевский могильник; 13 – Истобенское городище; 14 – Ковровское городище; 15 – Шабалинское городище; 16 – Скорняковское городище; 17 – поселение Искра; 18 – Юмский могильник; 19 – Юмское (Сарапульское) жертвенное место; 20 – Еманаевское городище и могильник; 21 – могильник Покста; 22 – Ижевское городище; 23 – священное Лежнинское озеро; 24 – Пижемское городище; 25 – святилище Чимбулат; 26 – Бурыгинское (Нижневотское) городище; 27 – Кочергинский могильник; 28 – Лебяжское городище; 29 – священное озеро Шайтан; 30 – Кузнецковское (Ядыгарское) городище; 31 – Ботылинское IV поселение; 32 – Верхнерябинское городище; 33 – Архангельское городище; 34 – Курчумское городище; 35 – Ошланьское городище; 36 – Буйское погребение; 37 – Буйское городище; 38 – могильник Красный Ключ; 39 – Чапаевское городище; 40 – Шевнинское городище; 41 – Сабуяльское городище; 42 – Лопьяльский могильник; 43 – Тат-Боярский могильник; 44 – Балминское селище; 45 – Вихаревское поселение; 46 – Моторкинское III поселение; 47 – Моторкинское II поселение; 48 – Моторкинское XI поселение; 49 – Моторкинское X поселение; 50 – жертвенное место Чумойтло; 51 – Хлюпинский могильник; 52 – Аргыжское городище; 53 – Сунцовский могильник; 54 – священная береза Акпатыр; 55 – священное озеро Лызи.

Маргарита Гришкина

Экологическое сознание и поведение удмуртов*

Проблемы экологии на нашей планете относятся к числу наиболее остро актуальных, значение их возрастает с каждым годом. Техногенная цивилизация обернулась для человечества беспрерывной чередой экологических катастроф. От того, как будут и будут ли решаться возникающие повседневно проблемы природопользования, зависит сама жизнь на Земле. Одна из форм поиска решения экологических проблем – это обращение к опыту предков, которые умели использовать для жизни освоенное ими пространство, не нанося ощутимого урона и вреда окружающей среде, передавая ее богатства от поколения к поколению почти в неизменном виде. Мало того, они умели благоговеть перед ее величеством Природой, как перед сокровищницей богатств не только материальных, но и духовных, черпая в ней сокровенные знания, строя свой мир по ее образу и подобию.

В мировой и отечественной литературе опыт природопользования древности и средневековья стал предметом специального углубленного изучения прежде всего в рамках социоестественной истории. В первую очередь здесь следует назвать работы Г.В. Вернадского и Л.Н. Гумилева (1). Российский опыт взаимодействия человека и природы лег в основу многих работ, в том числе стал основополагающей идеей фундаментальной монографии Л.В. Милова (2). В целом ряде коллективных работ экологические проблемы являются предметом размышлений в самых широких тематических и хронологических рамках (3). В этих трудах исследуется воздействие природы с ее циклами и закономерностями развития на все сферы жизнедеятельности традиционного общества, выделяется природная предопределенность не только экономики, но и всех сфер общественной жизни. Выясняется, что на традиционных стадиях жизни человеческого сообщества природный фактор органически входил в ткань социальной структуры в силу доминирования обмена с природой над обменом в обществе. Природоопосредованный был и главный механизм воспроизводства социальности, в качестве которого выступала традиция, закодировавшая многовековой экологический опыт.

На современном этапе острота экологических и социальных проблем приводит к выдвижению шокирующих на первый взгляд проектов превращения большей части России в национальные парки, природные заповедники, а также в промыслово-охотничьи, рыболовные и прочие полудикие биоресурсные угодья, используемые в разумных пределах естественного прироста биомассы. По мнению автора проекта, это означало бы экологическую специализацию России в глобализирующемся мире, превращение ее в экологического донора для мирового сообщества (4).

* Работа выполнена в рамках фундаментальной программы РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

К сожалению, экологическое сознание и поведение удмуртов, которые накопили не меньший, чем другие народы, опыт разумного природопользования, еще не привлекли к себе внимания исследователей. До сих пор не предпринималось каких-либо попыток обобщения эмпирического материала и, мало того, даже сколько-нибудь серьезного выявления поведенческих стереотипов и моделей взаимоотношения этноса с природой в той или иной ситуации, так же как мотивов экологического поведения. К тому же, эта проблема настолько всеобъемлюща, что пронизывает буквально все, начиная от языка до особенностей хозяйственной жизни, религии и культуры. Как отмечает А. Ганжа, «многовековой опыт обмена с природой, тесного общения с ней лежит в основе человеческой культуры и цивилизации, их ценностной ориентации. Он определяет и отношения в обществе» (5).

Во многом выработка того или иного типа поведения по отношению к природе способствует ниша, в которой формируется и развертывается хозяйственная деятельность этноса. В степной и тундровой зонах, как отмечают исследователи, в которых чередуются бурные приливы и отливы жизни со сменой сезонов года, у жителей с неизбежностью складывались агрессивные по отношению к природе модели поведения. Необходимость выживания диктовала стремление захватить как можно больше ресурсов в период их изобилия, не считаясь с возможным истреблением биоресурсов. Как отмечает Л.В. Гумилев, степь в нормальном климатическом состоянии имеет пределы своих возможностей по содержанию определенного количества жителей. Каждый кочевник должен был иметь 10-12 лошадей, не считая молодняка и кормящих кобылиц. Для обеспечения самых минимальных потребностей семьи из 5 душ необходимо наличие большого количества подножного корма. Быстрое истребление ресурсов данной местности вызывает необходимость постоянного передвижения на огромных пространствах (6).

Как известно, с незапамятных времен нишей для формирования и развертывания жизнедеятельности финно-угорских народов стала зона тайги, хвойных и широколиственных лесов, граничившая на севере с тундрой, на юге – со степью. Экологи отмечают, что в этой зоне «человек мог встроиться в биоценозные цепи на множестве различных уровней, более того он приобрел умение встраиваться на многих уровнях, чем и обеспечил постоянство потребления биоресурсов, с другой – их сохранность и воспроизводство» (7). Именно для лесной зоны характерно очень раннее (еще до нашей эры) становление комплексного хозяйства и культурно-хозяйственных типов, на разном уровне и с разным удельным весом сочетающихся промысловые занятия (рыболовство, собирательство, охота, пчеловодство) с производящим хозяйством, в котором на равных присутствовали земледелие и животноводство. Жизнеобеспечение в лесной зоне с незапамятных времен приобрело широкую основу, которая привела к выработке ресурсосберегающей модели культуры, поведения и хозяйствования.

Экологическое сознание и поведение были неразрывно связаны, можно сказать, являлись базой общественного и личностного сознания, в основе которого

было мифологическое осмысление окружающего мира. Еще в конце XIX в. большой знаток удмуртской этнографии Г.Е. Верещагин писал, что «дети вотяков развиваются … умственно под влиянием страшных рассказов и мифических верований. Эти верования переходят к ним от взрослых, своеобразно объясняющих не только явления природы, но и причины болезни и пр. Под влиянием таких рассказов и верований слагаются у них … и те душевные свойства, которые подвергаются различного рода заблуждениям или обманам чувств…» (8).

Становление культуры началось с осмысления места человека в природе. Человек осознавал себя частицей природы и одновременно «мерой» многих природных явлений и вещей. Как повествует удмуртская легенда, бог Инмар вылепил человека из глины. И действительно, удмуртское «мугор» буквально значит «полость, вылепленная из земли». В то же время факты языка говорят о том, что в сознании удмуртов «телом» обладали многие природные явления, небесный свод – это «ингур», у неба, как у человека, есть лик – «бам, инбам», лицом обладают и горы –«гурезьбам» и сама земля, косогоры, откосы и склоны на которой называются «бамал». Нос (*ныр*) человека используется для обозначения вытянутых в длину участков: суши, окруженной речной водой – «нырок», участка леса, выдающегося в поле –« нюлэс ныр».

Многие природные объекты обладают глазами (син) – *оимессин* – родник, источник, то, что как и глаз человека, источает влагу. В коми языке сохранились общепермские: *мусин* – окно на болоте, трясине; *васин* – ключ, бьющий на дне озера или реки, *сылсин* – полынья, незамерзающее место на болоте. Глаз – это солнце на лице человека, окно в мир и в самого человека. Даже его размеры и особенности (широко распахнутые, большие, или, напротив, узкие, небольшие) во многом характеризуют мироощущение народа. У удмуртов, в отличие от русских, например, глаза свидетельствуют об интровертности: удмурт – это «вещь в себе», он стремится не выдать миру чувства, которые его обуревают. Отметим, что глаза опущены, одеты, как деревья хвоей: в состав сложного слова *синлыс* (ресницы) входит корень *лыс* (хвоя).

Наиболее значимыми на лице в восприятии удмурта являются рот и нос, не случайно, именно они создают представление о его лице – *ымныре*. Мир он воспринимает глазами, которые дают возможность примечать «синильтыны», любоваться *синмаскыны*, *адзыны* (от допермского *snc a-, где тоже просматривается корень син). В то же время удмурт вслушивается –*кызиське*, *кылэ* (при этом удивительно, что в основе этого глагола и в удмуртском, и в коми языках находится слово, обозначающее не орган слуха *пель*, а орган речи – *кыл*). Об большой роли этого анализатора в жизни удмурта свидетельствует зафиксированный в литературе ритуальный обычай «слушать землю» в одну из предпасхальных ночей, с тем, чтобы предугадать будущие события.

Голова человека и небесные, природные объекты, такие значимые, как солнце, луна, огонь, испускают лучи – *си*, «сияют» (*шундыси*, *тылси*, *йырси*).

Как известно, у удмуртов, как и у многих народов, человек стал мерой всего и в буквальном смысле слова. В основе системы измерения лежали элементарные движения человека и части его тела. К самым распространенным у удмуртов мерам длины относились шаг (*вамыш*), локоть (*гырпум*), пядь (*вись*), ладонь (*кикур*), маховая сажень (*сыл, сул*), косая сажень (*сузьмон*). За длину локтя брали расстояние от локтевого сустава до концов вытянутых пальцев, пяди – расстояние между большим и указательным пальцем (малая пядь) или между большим пальцем и мизинцем (большая пядь). Под маховой саженью имелась в виду длина размаха рук по линии плеч, под косой саженью – расстояние от ног до пальцев вытянутой вверх руки(9).

Зарождавшееся общество постепенно противопоставляло себя природе, выход из состояния дикости ознаменовал осознание людьми своей особенности, своего отличия от природного мира. Олицетворением природных сил в сознании людей стал бог неба. Удмуртский миф повествует об отделении неба от земли как о трагическом явлении. «Было время, когда небо находилось очень близко от земли. И во время моления люди подарки свои клали прямо на облака. Но одна женщина оскорбила небо (по одному из вариантов мифа повесила на небеса грязные пеленки своего ребенка, по другому варианту – положила на облако оскверненный хлеб). И небо, обидевшись, ушло от людей на недостижаемую высоту. «Ужас объял людей от того, что не стало белого, как береста, и чистого, как снег, близкого неба. Бездонная глубина сини над землей веяла леденящим холдом, грозила бедами, от которых не было защиты...» (10). В осмыслении этого имеющего огромное значение акта выделения человека из природного мира мы наблюдаем удивительнейшие почти буквальные совпадения у народов, отделенных друг от друга на миллионы километров и разделенных океанами. К примеру, в мифе африканского народа йоруба повествуется о том, как старуха толкла в деревянной ступе корни ямса и своим тяжелым пестом несколько раз задела сидевшего рядом, на краю неба, Бога. В конце концов тот не выдержал и пришел в ярость. В гневе он решил подальше отодвинуть небо от земли и уйти от людей. С этой поры людям самим пришлось заботиться о себе, испытать болезни, узнать смерть.

Множество напоминаний об этом событии рассеяно и в Библии. Африканский Бог и удмуртский Инмар превращаются здесь во всемогущего Демиурга; появление смерти среди людей, объясняемое в удмуртском и африканском мифах ссорой людей и властителя неба, в библейском предании предстает как результат грехопадения Адама и Евы. После того, как Ева нарушила запрет Господа и вкусила от яблока с дерева познания добра и зла, сказал Бог Адаму: «В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься» (11). Невероятное совпадение африканского и удмуртского мифов об отделении неба от земли с библейским сюжетом об изгнании Адама и Евы из рая свидетельствует об осознании этого противопоставления как трагического явления, результатом которого стали голод, болезни,

смерть, так как люди отныне вынуждены заботиться о себе сами. Любопытно, что во всех случаях виновницей трагедии стала женщина, существо в представлениях древних людей хтонически уязвимое, открытое в определенные периоды для вторжения нечистой силы. Женщина в представлении древних дает человеку жизнь, но может принести и несчастья и смерть. Не потому ли, на особо опасное для окружающих людей время, связанное с родами, женщина у пермских народов удалялась в баню – территорию, неразрывно связанную с границей между жизнью и смертью, находившуюся на рубеже освоенного и неосвоенного миров. Даже если роды происходили в каком-либо другом нежилом помещении (хлеве, бане), мать с младенцем на несколько дней помещалась в баню и возвращалась в дом лишь после особого обряда очищения(12).

Осваивая окружающее пространство, человек разделил его на две сферы: небольшое обжитое людьми ядро и огромный таинственный мир дикой природы. Это были пространство реальное и мифическое, границей между которыми часто выступала вода, река. Вода, ее источники – ручей, родник, река для удмурта и поныне остаются поистине живыми. Переходя реку, речку или ручей, удмурт обращается к ней: «Мынон сюресэд каныл мед луз, мыным вождэ эн потты, тау тыныд монэ утемед, монэ чылкыт воземед понна» («Пусть твой путь будет легким, на меня не сердись, спасибо тебе за то, что меня содержишь в чистоте, мне помогаешь»). Утоляя жажду у родника, удмурт обращался к нему, как к живому, бросая в качестве подношения листочек или травинку («Меня не трогай, не забирай, возьми эту травинку»). Кстати сказать, пить принесенную с родника воду разрешалось лишь после того, как поверхность воды в ведрах успокоится, перестанет волноваться.

По реке лежал путь в мифологическое пространство, в мир мертвых, куда после смерти уходили люди. Перегораживание реки, строительство мельничной запруды обставлялись целым рядом ритуалов, призванных умилостивить Вукузе – духа, хозяина воды, попросить у него прощения за изменение естественного течения реки. Женщина другого рода, появившаяся в селении, непременно должна была быть представлена водному источнику. В свадебный обряд удмуртов входит обязательный поход невесты к роднику за водой. Свежепринесенной с родника водой невеста поит своих новых родственников. Через полгода или год после своего замужества молодушка обязательно проходила через обряд купания в реке (сялтым басътон или ичимень пылатон в первый день сенокоса)(13). К особо чтимым памятникам относились и родники, озера, отличающиеся необычными характеристиками: Лек ошмес, Сьод ошмес, Тоды ошмес, Кезыт ошмес, Быдзым ошмес(14) и т.д.

Отношение к водоплавающей птице (гусям, уткам, лебедям и др.), которые являлись медиаторами – посредниками между мифологическим и реальным пространством, было столь же трепетным. Утка и гусь были самыми распространенными жертвенными животными, приносимыми богам около реки или род-

ника, считались самыми желанными посланниками к богам. Самые же заветные чаяния удмурты отправляли к Инмару с лебедями. Последние должны были доставить пожелания и чаяния людей в верховье мировой реки, где по представлениям древних, размещался Бог (15). Это отношение распространялось и на перелетных птиц, ежегодно улетающих на юг, в царство богов – покровителей. Их не разрешалось ни в коем случае убивать, а во время полета даже пересчитывать, дабы случайным воздействием не сбить с божественного пути. Таким же обходительным было отношение к обитателям водоемов и болотных мест. Удмурты категорически запрещали убивать земноводных, ведь они соединяли земной, реальный мир с подземными, сакральными мирами.

Мифологическое сознание вело происхождение человеческих сообществ (воршудно-родовых) групп от различных живых существ. Любопытно, что ни одна из групп удмуртов не выбрала тотемом хищника, предпочтя в качестве мифического предка представителей царства пернатых и насекомых Бия (улитка), Дурга (майский жук), Докъя (глухарь), Жикъя (ронжа, сойка), Занка (водяной жук), Зумья (овод, паут), Кибъя (букашка) и т.д. Естественно, что отношение к этим представителям мира птиц и насекомых было достаточно бережным, они были окружены разного рода табу, которым трудно найти рациональное объяснение. В отличие от этих безобидных существ хищники (волк, рысь, лиса, росомаха, ястреб) не имели оберегательного ореола и подлежали уничтожению.

Несколько иначе строились отношения с самым крупным хищником удмуртских лесов – с медведем. В мифологической традиции финно-угров медведь был некогда сыном верховного бога и младшим братом человека. Удмурты называли его иносказательно бадзымюнью – большой брат или большой человек. Они были совершенно искренне убеждены, что медведь понимает человеческую речь. При внезапной встрече следовало ему сказать «У тебя, большой человек, своя дорога, у меня своя. Иди своей дорогой, а меня не тронь, и медведь уйдет, не тронет». Отношения с ним следовало строить по возможности мирно, так как «напугаешь медведя или убьешь одного – другие об этом узнают и обязательно виновника найдут».

Добыча медведя на охоте сопровождалась ритуалами, призванными умилостивить душу зверя. Доставка медведя в селение сопровождалась пальбой из ружей и криками. Как только медведь прибывал в селение, здесь начинался пир в его честь. Охотники извинялись перед ним, пытались представить убийство медведя случайностью, объясняемой неопытностью «молодых», перенести вину на собак: «Старый дедушка, не сердись на нас. Молодые ненароком убили. Молодые не тебя искали, да из-за собак ошиблись, ненароком тебя убили» (16).

Детально разработанный у обских угров ритуал медвежьего праздника, длившийся в зависимости от пола убитого медведя от 4 до 5 дней, у земледельческих народов в какой-то мере был перенесен на домашних животных. У удмуртов заклание домашних животных и птиц сопровождалось просьбами о прощении.

Пожилые люди просили душу животного не сердиться, говоря, что не ими, а древними предками это установлено (17).

На границе с освоенным и мифологическим пространством удмурты со-здавали святилища, посвященные хозяевам дикой природы: Нюлэсмурту, Луду (Кереметю). На этих местах совершались моления от одного до нескольких раз в год. Это были сакральные места, строго оберегаемые, а в период интенсивной христианизации содержавшиеся в секрете от посторонних людей, не принадлежащих к членам общины. Исследовательница дохристианских культовых мест удмуртов Н.И. Шутова отмечает: «Ни с одним святилищем не обращались удмурты столь внимательно и с таким почтением, как с Лудом. Существовало множество предписаний – не входить на сакральную территорию без дела, а в праздник – без приношения, не допускать скот, не ломать ветки, не собирать грибы и ягоды. Женщинам и детям вообще не разрешалось заходить на территорию Луда, даже рекомендовалось держаться подальше от этого места. Ни одно дерево не могло быть срублено в этой роще, чтобы не вызвать гнева обитающего здесь грозного божества. Даже русские и татары, живущие среди удмуртов, были уверены в силе грозного удмуртского божества» (18). Неудивительно, что на месте таких святилищ, даже если в настоящее время они уже заброшены, чаще, чем на других территориях, встречается более разнообразная растительность, а иногда и представители животного мира (19).

Сакральной силой отделения освоенного человеком пространства от мира природы обладали и одиноко стоящие деревья, а также деревья в лесу, отличающиеся какими-либо особенными признаками. У таких деревьев, по представлениям удмуртов, время и пространство могли изменять свои характеристики.

В литературе уже много писалось об особом отношении к деревьям вообще, которые в традиционном мировоззрении удмуртов были живыми, обладали душой (лул). Неслучайно, ольха, растущая вдоль реки и как бы являющаяся свидетельницей отправления души человека в царство мертвых, называлась лулпу.

Любопытно, что удмурты, как свидетельствуют факты того же языка, родственную организацию людей отождествляли с деревом. Подобно деревьям, род имел *выжсы, динь* (корни), подобно ветвям дерева род выделял из своего состава ответвления – *вой*. Не является случайностью, что родословное дерево в схематическом изображении передается всегда через образ дерева с корнями, стволом, ветвями и листами. В удмуртском фольклоре, особенно в песенном, сравнение частей тела человека и дерева занимает очень большое место (20). Стоит ли удивляться тому, что срубить дерево в мифологизированном сознании удмурта равнялось попытке убить живое существо, обладающее душой и подобное человеку. Именно поэтому заготовка леса для жилья и других хозяйственных построек у удмуртов, как и у других финно-угорских народов, обставлялась целым ритуалом, призванным избежать мести душ срубленных деревьев. Даже рубя дерево для дров и других надобностей, удмурт непременно просил прощения у души дерева и ссылался на

традицию, заведенную не им, а другими поколениями, предками.

Однако становление земледельческого хозяйства, возрастание удельного веса земледелия и его значения с постепенным вытеснением других составляющих комплексного хозяйства на второй план привели к необходимости расчистки огромных площадей от леса. Возникает парадокс – удмурт просит прощения перед каждым срубленным деревом, но выжигает пространства на многие версты огнем, с тем, чтобы завести пашню. Как объяснить это противоречие? Осознавали ли сам земледелец это противоречие?

Переход от присваивающего хозяйства к производящему недаром обозначается как неолитическая революция. Для того, чтобы вести земледельческое хозяйство в нужных объемах в лесной полосе, человек вынужден был совершить насилие над природой, содрать естественный покров земли и разодрать лоно земли вначале царапающим орудием (мотыгой, бороной-суковаткой), а затем уже – пашущими орудиями (сохой, ральником, плугом). Первоначально земледельцы использовали для возделывания лишь естественные угодья, пригодные для пашни: припойменные луга, участки леса, освободившиеся от леса во время лесных пожаров и бурь – палы и поломы. Не случайно многие удмуртские деревни имеют в своем топониме слово «тылыс», «тыло», «полом». Процедуру постепенного превращения леса в поле и луг описывают удмурты в своих челобитных конца XVII в. Так, в затянувшемся споре между удмуртами и каринскими татарами о владении Мутницким лугом, расположенным по притокам Чепцы – Мутнице и Язвице, удмурты отмечали, что на этом месте «издавна прадедов и дедов … был стан для всяких леших промыслов и для росчисти пашенной земли и лесных покосов, и владели они и пашню пахали на том лугу наездом, приезжая из Карина. А как они, прадеды и деды наши, … на той Мутнице речке поселились и дворы свои на устье построили и пашни вновь в раменье близь того Мутницкого лугу розпрятали и тот Мутницкий луг пахать перестали и оставили тот луг себе под сенной покос и скотцкой выпуск» (21). Итак, перед нами типичная картина постепенного освоения лесных участков под сельскохозяйственные угодья. Первоначально небольшие пашенки «прячутся» в лесу «наездом»: крестьяне приезжают за многие версты из своих селений и расчищают понемногу участки, сочетая эту работу, а затем и обработку расчищенного поля с охотой. На таких отъезжих полях ставится временное летнее жилье. Затем, когда расчищенных участков становится достаточно, крестьяне переселяются на новое место и распределяют вновь приобретенные угодья в соответствии с их стратиграфией и хозяйственными надобностями. В описываемом случае места по речке Мутнице были превращены в луга и поскотины, а сохранившийся на нем небольшой сосновый лес – в бортное угодье.

Картину ведения рачительного комплексного хозяйства на принадлежащих им угодьях рисуют в своем челобитье царю верхочепецкие удмурты: «… Владеют они, вотяки, … и в прошлых де и в том 207-м годех и в тех своих вотчинных в отяцких угодьях и в лесах распрягали и расчищали и ныне распрягивают,

также и расчищают которые земли годны под пашню и под сенные покосы; и от нас дети, от отцов, и братья от братей живут по тем своим новоросчистным местам. А пустых де и порозжих мест в тех вышеписанных межах никаких у них нет, потому что де которые земли годны под пашню и под сенные покосы, и те земли у них роспаханы и росчищены, и многие жильем заселены, а в лесах и по рекам и по речкам звериные и птичье и рыбные ловли, и бобровые гоны, и бортные угодья и канежники, и колодники заведены...» (22).

Таким образом, еще в самом конце XVII в. удмурты пытались оставить нетронутыми заповедные охотничьи угодья, избегая здесь распашки даже свободных от леса участков, образовавшихся в результате пожаров и ураганов, дабы не распугивать дичь (23).

Первым способом «делания» пашни в лесной зоне, изобретенным человечеством, была подсечно-огневая система, когда на помошь человеку приходил огонь. Думается, что древний земледелец благословил огонь не только потому, что у него еще не было железной пилы и топора, облегчающих расчистку леса и рационализирующих использование древесины. По всей вероятности, в представлении древнего земледельца действие огнем не убивало дерево и его душу, а, напротив, возносило ее ввысь к Богу. Ведь любое жертвоприношение верховному богу Инмару совершалось с помощью огня. Отвоевывая себе жизненное пространство, земледелец одновременно приносил умилостивительную жертву Богу, поэтому мог рассчитывать на его помошь и просить и даже требовать ее в своих обращениях к божествам – куриськонах. «Посеянный в поле хлеб пусть зазеленеет, подобно зеленому лугу. От комаров, мошек и червей избавьте! От всяких несчастий, от поветрий и злого дождя сохраните! Подобно землянике и клубнике, чтобы налилось посевянное! Счастья просим, довольства просим, о Кылдысин! Три доли просим: одну долю для еды, одну долю для отдачи в казну и одну долю в запас. Теплый тихий дождь дай! Красным летом позвольте играючи-смеючись проработать! Мы просим, чтобы когда выйдем с добрыми соседями и родными в поле, то, обернувшись назад, увидали бы мы сноп около снопа, кабан у кабана. Дай, Кылдысин, столько, чтобы достаточно было для похвальбы перед народом и для еды-питья с милыми родственниками! Если мы придем на гумно, пусть кругом будут скирды, а когда положим в овин огонь – сохрани от всякого зла. Когда мы ударим цепом – пусть брызнет золотыми колосьями, золотыми зернами. Когда мы будем насыпать сусеки снизу, чтобы зерно сыпалось сверху» (24) – обращаются удмурты к хозяину земли в праздник, посвященный окончанию весеннего сева.

К возделываемой пашне удмурты относились как к совершенно живому существу, которое наделено разумом, душой и магической силой. Такое отношение закреплено в удмуртских обрядах, пословицах и поговорках. В преданиях Инмар одаривает землю разумом в надежде, что «род от рода люди станут умнее, а как поумнеют, то и землю полюбят, добром отплатят ей за все». Земля нуждается в такой же любви, заботе и питании, как сам человек или первый его

помощник в земледельческом труде – лошадь. «Музъемез ке яратид, ческыт сиед»; «Лудэз ке од воя, няned уз луы»; «Ачиd ке сиид, музъемдэ нo сюд»; «Валлы сезы, музъемлы – кыед» («Будешь землю любить – будешь вкусно питаться»; «Не умаслишь землю, останешься без хлеба»; «Сам кормишься – корми и землю»; «Лошади овес – земле – навоз».).

Во время магического ритуала проведения первой борозды (гырыны потон) пашню угождали лепешками, яйцами, пивом, в первую борозду бросали вместе с зерном яйца – символ плодородия. Как в сказках многих народов, земля в удмуртских сказках наделяла могуществом: даже мгновенное прикосновение к ней восстанавливало силы изнемогающему в борьбе богатырю.

В представлении удмуртов земля не может и не должна быть предметом кровавых столкновений: споры по владению ею должны решаться по возможности мирными средствами. Недаром в удмуртских преданиях земельные споры между удмуртами и марийцами решаются в ходе состязания. Право на целые районы получает тот народ, чей батыр дальше пнет кочку, или чьи стрелы улетят дальше (25).

К середине XVII в. поиск рациональных методов обработки земли привел к окончательному формированию у удмуртов комбинированной системы земледелия, наиболее приспособленной к природно-климатическим условиям лесного Приуралья. Она сочетала паровую зерновую систему с трехпольным, а иногда – с двухпольным севооборотом с элементами подсеки и залежи. Подсека довольно сильно трансформировалась: в XVIII в. удмурты южных, уже во многом безлесных уездов отказались от применения сплошного выжигания леса, так при этом сильно нарушалась структура почвы и она быстрее истощалась. Как писали источники, «здесь под пашню расчищают большей частью черный лес и выкапывают ореховые кусты с корнем, огня же кроме как под большие колоды не подкладывают и землю не выжигают. . . В черном лесу накопившийся от гниения ветвей и листу, а также упалих гнилых деревьев не згорая навоз остается в той расчистной земле, которой и способствует плодородию чрезвычайно. По сей причине такие пашни засеваются весьма негусто...» (26). Таким образом, рациональное мышление постепенно одерживало верх над мифологическим, и земледелец постепенно перестал устраивать ритуальные жертвенные кострища при расчистке земли. Комбинированная система при таком раскладе была великолепным средством экономного и рационального использования неглубокого естественного плодородного слоя земли при скучности удобрений. Этому же способствовала легкая удмуртская соха, рыхлившая землю на глубину не более 5-9 см и не переворачивавшая накопленный природой плодородный гумус. Несмотря на кажущуюся примитивность, такая система земледелия, почти не нарушая природного баланса, обеспечивала крестьянство урожаем, достаточным не только для обеспечения натуральных потребностей собственного хозяйства, но и для снабжения многих районов Русского Севера и для вывоза через Архангельский и Санкт-Петербургский порты за рубеж.

Необходимо отметить, что отношение к лесным угодьям стало постепенно изменяться по мере того, как правительенным органам удавалось внушить крестьянам – удмуртам, что обрабатываемые ими земли отнюдь не являются их собственностью, что они всецело и безраздельно принадлежат казне, а они, землепашцы, лишь временные владельцы при условии исправного и своевременного платежа податей и несения повинностей. Особенно это обстоятельство ощущали крестьяне тех общин, у которых в ходе генерального межевания были отрезаны в казну огромные площади обрабатываемых и необрабатываемых угодий «за излишеством». Бережное, рачительное отношение к земле и лесу стало исподволь сменяться равнодушием, а в редких случаях и хищническим истреблением. Отношение местной администрации только усугубляло равнодушие. Любопытное в этом отношении дело рассматривалось в Глазовском уездном суде в 1806 г. Десятник общины д. Березник в сентябре обнаружил в 1,5 верстах от деревни 20 еловых и пихтовых бревен и доложил об этом старосте. Тот поставил в известность лесного надзирателя Никиту Завалина, который оправдывался перед Глазовским фортшмейстером тем, что бревна были заготовлены для восстановления сгоревших в июне во время пожара домов. Резолюция суда гласила: лес отдать, позволить его вывезти, но виновных предлагалось выдержать на хлебе и воде 5 дней. Лесной надзиратель был оправдан тем, что «едва ли он имеет понятие о качестве лесов, как он есть вотяк»(27).

Уже в первой половине XIX в. удмурты ряда районов начинают ощущать недостаток леса, особенно строевого. В общинах стали избираться лесные старосты и смотрители лесов, обязанные пресекать покушение на казенные леса. Во второй половине столетия некоторые общины стали принимать на своих сходах приговоры о запрете рубки леса на том или ином участке. Так, Г.Е. Верещагин, описывая общину деревни Ляльшур Сарапульского уезда, отмечал, что на сходе был выбран особый полесовщик, обязанный ловить всех самовольных порубщиков и докладывать о них сообществу. Община в зависимости от тяжести содеянного вырабатывала соответствующее наказание (28). Однако эти явления должны стать предметом особых размышлений, ибо касаются совсем иного экологического поведения удмуртов, которое формируется на базе разрушающего мифологического сознания в условиях намечающихся модернизационных процессов и распада традиционного общества.

Примечания

1. См. например: Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. М.: Экопрос, 1995; Кульпин Э.С. Об основах социоестественной истории. Восток, 1994, №1. С. 29- 38; он же. Восток: Человек и природа на Дальнем Востоке. М. 1999;
2. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998.
3. Природа и цивилизации: реки и культуры. СПб.: Евразийский дом, 1997; Традиционный опыт природопользования и современность. М.: Наука, 1998.

4. Родоман Б.Б. Экологическая специализация России в глобализирующемся мире (Проект нестандартного решения) // Общественные науки и современность. 2006. №2. С. 78-87.
5. Вопросы истории, 2001. № 4. С. 163-164.
6. Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. Баку, 1991. С. 117.
7. Крупник Н.И. Арктическая этноэкология. М. : Наука, 1989.
8. Верещагин Г.Е. Остатки язычества у вотяков // Собрание сочинений. Ижевск: Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН, 1998. Т.3. Кн. 1: Этнографические очерки. С. 45.
9. Удмурты: Историко-этнографические очерки. Ижевск: Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН, 1993. С.256-257.
10. Мифы, легенды и сказки удмуртского народа. Ижевск: Удмуртия, 1986. С. 52.
11. Иорданский В. Б. О едином ядре древних цивилизаций // Вопросы философии, 1998. № 12. С.37.
12. Конаков Н.Д. Традиционное мировоззрение народов коми: окружающий мир. Пространство и время. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми научный центр УрО РАН, 1996. С167.
13. Владыкина Т.Г. Удмуртский фольклор. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 118.
14. Шутова Н.И. Сакральное пространство и культовые памятники // Удмуртская мифология. Ижевск: Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН, 2004. С.50.
15. Виноградов С.Н. Элементы традиционного мировоззрения удмуртов // Вестник УдГУ. Ижевск, 1992. № 6. С. 37-39.
16. Владыкина Т.Г. Удмуртский фольклор. Ижевск, 1999. С. 265.
17. Виноградов С.Н. Элементы традиционного мировоззрения удмуртов... С. 38.
18. Шутова Н.И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции. Ижевск: Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН, 2001. С. 97.
19. Капитонов В.И., Капитонова О.А. Значение священных рощ в сохранении редких и исчезающих видов растений и животных Удмуртии // Гуманитарный экологический журнал. 2002. Т. 4. С. 19-21.
20. Владыкина Т.Г. Фольклорный текст в мифологическом контексте // Удмуртская мифология. Ижевск: Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 56.
21. Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков. Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1958. С.109.
22. Там же. С.151.
23. Там же. С. 102.
24. Худяков М. Г. Насельники Малмыжского края. Рукопись. С.3.
25. Гришкина М.В. Удмурты. Этюды из истории IX- XIX вв. Ижевск: Удмуртия, 1994, С. 111
26. Гришкина М.В. Крестьянство Удмуртии в XVII веке. Ижевск: Удмуртия, 1977. С.45.
27. ЦГА УР, ф. 126, оп. 1, д. 47, л.277.
28. Верещагин Г.Е. Общинное землевладение у вотяков Сарапульского уезда // Собрание сочинений. Ижевск: Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН, 1998 . Т.3. Кн. 1. С.121-122.

Николай Решетников
**Исследования Дербёшкинского поселения
и могильника в устье реки Белой**

Исследования археологических памятников на «Чёртовой горе» были продолжены в 1985 г. и 1988-1989 гг. Основной целью было изучение Дербёшкинского поселения эпохи бронзы. В 1985 г. раскоп № 2 (раскопки Г.Н.Клюевой), а в 1988 г. раскоп № 3 (исследования Н.Л.Решетникова) были заложены на южном склоне террасы (рис.1, раскоп 2, 3) восточнее раскопов 1983-1984 гг. Т.К.Ютиной. В процессе работ были выявлены и изучены жилища, получен интересный керамический и вещевой материал эпохи бронзы. На площади данных раскопов остатков эпохи средневековья – погребений не было выявлено.

В процессе исследования 1988-1989 гг. (раскопки Н.Л.Решетникова) было продолжено изучение площади, примыкающей к раскопам 1983-84 гг. (раскоп №1). Раскоп № 1 был продолжен в южную сторону, к нему были прирезаны новые участки площади с целью изучения поселения эпохи бронзы (рис.2).

В ходе раскопок поселения на изученной площади в 1988 г. было выявлено и исследовано 11 погребений, в 1989 г. – 26 захоронений.

Таким образом, в ходе проведения археологических работ на поселении были обнаружены и изучены 37 погребений средневекового времени. Расчистка погребений производилась после вскрытия культурного слоя поселения. Захоронения фиксировались по западению серого слабозаметного слоя (слой № 5). Все измерения произведены от поверхности. Выявленные очертания могильных ям занесены на планы в масштабах 1:50 и 1:10. Нумерация погребений продолжает нумерацию раскопок 1983-1984 гг.

Описание погребений Дербёшкинского могильника

Погребение 85 (уч. А/7; рис.3-1). Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 215 x 72 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ – ВСВ зафиксирована на уровне – 58 см. Стенки могилы прямые, дно плоское. На уровне – 70 см обнаружен костяк хорошей сохранности, кости расположены в анатомическом порядке, за исключением костей ног. Умерший был уложен вытянуто на спине, руки вытянуты вдоль тела, голова повернута на юг. На тазовых костях обнаружена бронзовая трапециевидная подвеска (взять не удалось, рассыпалась при взятии). Максимальная глубина ямы – 70 см.

Погребение 86 (уч. Б/7). Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 180 x 68 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ – ВСВ зафиксирована на уровне – 56 см. Стенки могилы слегка наклонные, дно плоское. На уровне – 90 см обнаружен костяк хорошей сохранности, кости расположены в анатомическом порядке, за исключением костей ключицы и челюсти. Умерший был уложен вытянуто на спине, руки вдоль тела, голова повернута на юг. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 90 см.

Погребение 87 (уч. а/7). Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 215 x 68 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ – ВСВ зафиксирована на уровне – 57 см. Стенки могилы слегка наклонные, дно плоское. На уровне – 72 см обнаружен костяк хорошей сохранности, кости расположены в анатомическом порядке. Умерший был уложен вытянуто на спине, руки вдоль тела, голова повернута на юг. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 72 см.

Погребение 88 (уч. Б/8). Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 181 x 74 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ – ВСВ зафиксирована на уровне – 56 см. Стенки могилы слегка наклонные, дно уплощенное. На уровне – 75 см обнаружен костяк хорошей сохранности, кости расположены в анатомическом порядке. Умерший был уложен вытянуто на спине, руки вдоль тела, голова повернута на юг. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 75 см.

Погребение 89 (уч. Б/4). Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 170 x 68 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ – ВСВ зафиксирована на уровне – 58 см. Стенки могилы слегка наклонные, дно уплощенное. На уровне – 95 см обнаружен костяк хорошей сохранности, кости расположены в анатомическом порядке. Умерший был уложен вытянуто на спине, руки вдоль тела, голова повернута на юг. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 95 см.

Погребение 90 (уч. Е/4). Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 185 x 69 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ – ВСВ зафиксирована на уровне – 52 см. Стенки могилы слегка наклонные, дно плоское. На уровне – 75 см обнаружен костяк хорошей сохранности, кости расположены в анатомическом порядке. Умерший был уложен вытянуто на спине, руки вдоль тела, голова повернута на север. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 75 см.

Погребение 91(уч. А/8-9). Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 205 x 69 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ – ВСВ зафиксирована на уровне – 51 см. Стенки могилы слегка наклонные, дно плоское. На уровне – 65 см обнаружен костяк хорошей сохранности, кости расположены в анатомическом порядке. Умерший был уложен вытянуто на спине, руки вдоль тела, голова повернута на юг. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 65 см.

Погребение 92 (уч. А/8). Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 115 x 56 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ – ВСВ зафиксирована на уровне – 55 см. Стенки могилы прямые, дно плоское. На уровне – 70 см обнаружены фрагменты костей черепа, рук и ног. Судя по расположению костей, умерший – подросток был уложен вытянуто на спине. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 70 см.

Погребение 93 (уч. А/7). Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 145 x 61 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ – ВСВ зафиксирована на уровне – 53 см. Стенки могилы прямые, дно плоское. На уровне – 60 см обнаружен костяк. Кости расположены в анатомическом порядке, за исключением костей грудной клетки, позвонков и тазовых костей. Судя по расположению костей,

умерший был уложен вытянуто на спине, голова повернута на юг. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 60 см.

Погребение 94 (уч. Б/7). Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 130 x 60 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ – ВСВ зафиксирована на уровне – 56 см. Стенки могилы слегка наклонные, дно плоское. На уровне – 70 см в ЗЮЗ части могилы обнаружены глиняный сосуд (рис.4-3) и бронзовая подвеска трапециевидной формы. Максимальная глубина ямы – 70 см.

Погребение 95 (уч. Б/8). Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 139 x 56 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ – ВСВ зафиксирована на уровне – 56 см. Стенки могилы слегка наклонные, дно плоское. Следы костей скелета человека не зафиксированы. На уровне – 75-77 см в погребении обнаружены два сосуда круглодонных форм, с гребенчатой орнаментацией по верхнему краю сосудов и налепами по тулову (рис.4-2; рис.5-1). Максимальная глубина ямы – 77 см.

Погребение 96 (уч. Б/1). Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 120 x 54 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ – ВСВ зафиксирована на уровне – 35 см. Стенки могилы слегка наклонные, дно плоское. На уровне – 52 см обнаружены фрагменты костей черепа и нижних конечностей умершего, судя по всему – ребёнка. Погребённый был ориентирован головой на З-ЮЗ, в изголовье располагался глиняный сосуд (рис.5-2). Максимальная глубина ямы – 52 см.

Погребение 97 (уч. Б/1). Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 154 x 66 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ – ВСВ зафиксирована на уровне – 37 см. Стенки могилы наклонные, дно плоское. На уровне – 52 см обнаружены фрагменты костей умершего – остатки черепа, ног и тазовых костей. Умерший уложен вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ, левая нога слегка подогнута. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 52 см.

Погребение 98 (уч. АБ/1). Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 154 x 61 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ – ВСВ зафиксирована на уровне – 55 см. Стенки могилы прямые, дно плоское. На уровне – 61 см обнаружены кости черепа и тазовых костей. Судя по расположению черепа, умерший был уложен головой на ЗЮЗ. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 61 см.

Погребение 99 (уч. а/ 1). Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 126 x 54 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ – ВСВ зафиксирована на уровне – 55 см. Стенки могилы прямые, дно плоское. На уровне – 61 см в западной части погребения обнаружены кости черепа умершего и глиняный сосуд (рис.4-6). Судя по расположению костей, умерший был уложен головой на запад. Максимальная глубина ямы – 61 см.

Погребение 100 (уч. б/1). Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 130 x 57 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ – ВСВ зафиксирована на уровне – 59 см. Стенки могилы прямые, дно плоское. На уровне – 59 см зафиксированы редкие фрагменты костей человека. Судя по расположению в западной половине погребения остатков костей черепа, умерший был уложен головой на

запад. Рядом с черепом располагался глиняный сосуд (рис.5-3). Максимальная глубина ямы – 59 см.

Погребение 101 (уч. а/1). Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 110 x 51 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ – ВСВ зафиксирована на уровне – 55 см. Стенки могилы прямые, дно плоское. На уровне – 59 см обнаружены плохо сохранности кости человека (сохранились кости черепа, ног, рук). Судя по расположению, умерший был уложен вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ, левая нога слегка подогнута. С правой стороны черепа, около височной части обнаружена бронзовая подвеска-кольцо. Максимальная глубина ямы – 59 см.

Погребение 102 (уч. б/0-1). Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 150 x 65 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ – ВСВ зафиксирована на уровне – 55 см. Стенки могилы слегка наклонные, дно плоское. На уровне – 72 см обнаружен плохо сохранившийся костяк. Умерший был уложен вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ, лицевой частью повёрнут на юг. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 72 см.

Погребение 103 (уч. б/2, рис.3-4). Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 200 x 66 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ – ВСВ зафиксирована на уровне – 65 см. Стенки могилы слегка наклонные, дно плоское. На уровне – 79 см обнаружен костяк хорошей сохранности, кости расположены в анатомическом порядке. Умерший был уложен вытянуто на спине, руки вдоль тела, кисти левой руки лежат на тазовых костях. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 79 см.

Погребение 104 (уч. а/1-2). Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 149 x 64 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ – ВСВ зафиксирована на уровне – 70 см. Стенки могилы прямые, дно плоское. На уровне – 74 см в западной части могилы обнаружены фрагменты черепа и мелкие кости грудной клетки и рук. Судя по расположению костей, умерший был уложен головой на запад. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 74 см.

Погребение 105 (уч. АБ/2). Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 140 x 65 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ – ВСВ зафиксирована на уровне – 70 см. Стенки могилы слегка наклонные, дно плоское. На уровне – 82 см в западной части захоронения обнаружены кости черепа и фрагменты костей рук, в центральной части – кости ног. Судя по расположению костей, умерший был уложен головой на запад, лицо повёрнуто на север. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 82 см.

Погребение 106 (уч. аб/2; рис.3-2). Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 204 x 70 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ – ВСВ зафиксирована на уровне – 75 см. Стенки могилы прямые, дно плоское. На уровне – 115 см обнаружен костяк хорошей сохранности. Кости, за исключением тазовых костей и костей левой руки, расположены в анатомическом порядке. Умерший был уложен вытянуто на спине, головой на запад, лицевая часть повернута на юг,

правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута в локте и кисть положена на таз. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 115 см.

Погребение 107 (уч. А/2). Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 132 x 60 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ – ВСВ зафиксирована на уровне – 71 см. Стенки могилы прямые, дно плоское. На уровне – 78 см в ЗЮЗ части погребения обнаружен глиняный сосуд (рис.4-1). Максимальная глубина ямы – 78 см.

Погребение 108 (уч. б/1). Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 178 x 56 см, ориентированная в направлении СЗ-ЮВ зафиксирована на уровне – 75 см. Стенки могилы слегка наклонные, дно плоское. На уровне – 115 см обнаружен костяк хорошей сохранности, кости расположены в анатомическом порядке. Умерший был уложен вытянуто на спине, головой на запад лицевая часть обращена на юг. Руки вытянуты вдоль тела, голени ног скрещены. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 87 см.

Погребение 109 (уч. аА/1). Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 166 x 65 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ-ВСВ зафиксирована на уровне – 63 см. Стенки могилы слегка наклонные, дно плоское. На уровне – 68 см в западной части захоронения обнаружены кости черепа. Умерший был уложен головой на запад, лицевая часть обращена на север. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 68 см.

Погребение 110 (уч. А/1). Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 140 x 62 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ-ВСВ зафиксирована на уровне – 55 см. Стенки могилы слегка наклонные, дно плоское. На уровне – 70 см в западной части захоронения обнаружены фрагменты костей черепа. Умерший был уложен головой на запад. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 70 см.

Погребение 111 (уч. А/1). Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 122 x 56 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ-ВСВ зафиксирована на уровне – 55 см. Стенки могилы слегка наклонные, дно плоское. На уровне – 63 см обнаружен костяк плохой сохранности. Кости, за исключением нарушенных костей рук и грудной клетки, расположены в анатомическом порядке. Умерший был уложен вытянуто на спине, головой на запад, лицевая часть обращена на юг. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 63 см.

Погребение 112 (уч. Г/4). Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 190 x 64 см, ориентированная в направлении ЮЗ-СВ зафиксирована на уровне – 75 см. Стенки могилы слегка наклонные, дно плоское. На уровне – 86 см обнаружен костяк хорошей сохранности. Кости, за исключением костей рук, расположены в анатомическом порядке. Умерший был уложен вытянуто на спине, руки вдоль тела, головой на ЮЗ, лицевая часть обращена на ЮВ. Около левой стороны черепа зафиксирована серебряная височная подвеска (рассыпалась при взятии). Максимальная глубина ямы – 86 см.

Погребение 113 (уч. А/1). Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 110 x 62 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ-ВСВ зафиксирована на уровне – 75 см. Стенки могилы слегка наклонные, дно плоское. На уровне – 82 см обнаружен костяк хорошей сохранности, кости расположены в анатомическом порядке. Умерший был уложен вытянуто на спине, головой на ЮЗ, лицевая часть обращена на ЮВ. Руки вытянуты вдоль тела. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 82 см.

Погребение 114 (уч. Г/3-4). Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 132 x 60 см, ориентированная в направлении ЗЮЗ-ВСВ зафиксирована на уровне – 75 см. Стенки могилы слегка наклонные, дно плоское. На уровне – 83 см в ЮЗ половине захоронения обнаружен глиняный сосуд (рис.4-5). Максимальная глубина ямы – 83 см.

Погребение 115 (уч. А/2-3). Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 190 x 66 см, ориентированная в направлении ЮЗ-СВ зафиксирована на уровне – 95 см. Стенки могилы слегка наклонные, дно плоское. На уровне – 104 см обнаружен костяк хорошей сохранности, кости, за исключением костей правой ноги, расположены в анатомическом порядке. Умерший был уложен вытянуто на спине, головой на ЮЗ, лицевая часть обращена на СЗ, руки вытянуты вдоль туловища. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 104 см.

Погребение 116 (уч. аА/2-3). Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 115 x 51 см, ориентированная в направлении ЮЗ-СВ зафиксирована на уровне – 75 см. Стенки могилы слегка наклонные, дно плоское. На уровне – 79 см обнаружен костяк плохой сохранности, в ЮЗ части погребения зафиксированы фрагменты черепа, в центральной и СВ части – кости ног. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 104 см.

Погребение 117 (уч. а/3). Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 170 x 62 см, ориентированная в направлении ЮЗ-СВ зафиксирована на уровне – 95 см. Стенки могилы прямые, дно плоское. На уровне – 107 см обнаружен костяк хорошей сохранности, кости, за исключением не сохранившихся костей левой руки, лежат в анатомическом порядке. Умерший был уложен вытянуто на спине, руки вдоль тела, головой ориентирован на ЮЗ, лицевая часть обращена на юго-восток. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 107 см.

Погребение 118 (уч. а/3). Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 130 x 61 см, ориентированная в направлении ЮЗ-СВ зафиксирована на уровне – 95 см. Стенки могилы слегка наклонные, дно плоское. На уровне – 107 см обнаружен детский костяк хорошей сохранности. Кости, за исключением смещённых костей рук, лежат в анатомическом порядке. Умерший был уложен вытянуто на спине, головой на ЮЗ, лицевая часть обращена на ЮВ. Кисть левой руки лежит на тазовых костях, правая нога слегка подогнута. В ЮЗ части погребения, выше головы погребённого лежал глиняный сосуд (рис.4-4). Максимальная глубина ямы – 107 см.

Погребение 119 (уч. аб/3-4). Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 190 x 65 см, ориентированная в направлении ЮЗ-СВ зафиксирована на

уровне – 95 см. Стенки могилы слегка наклонные, дно плоское. На уровне – 110 см обнаружен костяк хорошей сохранности. Кости расположены в анатомическом порядке. Умерший был уложен вытянуто на спине, руки вытянуты вдоль тела, головой на ЮЗ. Кисть правой руки лежит на тазовых костях, кости ног согнуты и уложены на левую сторону. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 110 см.

Погребение 120 (уч. а/1; рис.3-3). Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 190 x 60см, ориентированная в направлении ЗСЗ-ВЮВ зафиксирована на уровне – 75 см. Стенки могилы слегка наклонные, дно плоское. На уровне – 82 см обнаружен костяк хорошей сохранности, кости расположены в анатомическом порядке. Умерший был уложен вытянуто на спине, с легким разворотом на правый бок, правая рука вытянута вдоль тела, левая – согнута, кисти лежат на тазовых костях, ноги слегка подогнуты в коленях на правую сторону. Заметно искривление позвоночника умершего. Череп лежит на правом боку, лицевой частью обращён на юг. В области грудных костей обнаружена серебряная прямоугольная подвеска. Максимальная глубина ямы – 82 см.

Погребение 121 (уч. аА/2-3). Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 145 x 53см, ориентированная в направлении ЮЗ-СВ зафиксирована на уровне – 75 см. Стенки могилы слегка наклонные, дно плоское. На уровне – 81 см обнаружен костяк хорошей сохранности. Кости, за исключением нарушенных костей рук и ног, лежат в анатомическом порядке. Умерший был уложен вытянуто на спине, руки вдоль тела. Вещей нет. Максимальная глубина ямы – 81 см.

На площадке раскопа также были обнаружены предметы, относящиеся ко времени функционирования могильника: фрагменты керамики со шнуровой орнаментацией; фрагмент железного ножа; два железных наконечника стрел; бронзовая подвеска и т.д.

Могильник по материалам погребального обряда, вещевому инвентарю можно, вероятно, датировать XIII–XIV вв. н.э.

Архивные материалы

Ютина Т.К. Отчет о раскопках Дербёшкинского могильника в Актанышском районе Татарской АССР // Фонды института истории и культуры народов Приуралья Удмуртского госуниверситета. Ф.2. Д.192.

Ютина Т.К. Отчет о раскопках Дербёшкинского могильника в Актанышском, Варзи-Пельгинского городища в Агрывском районах Татарской АССР и Варалинского городища в Алнашском районе Удмуртской республики // Фонды института истории и культуры народов Приуралья Удмуртского госуниверситета. Ф.2.

Решетников Н.Л. Отчёт об археологических исследованиях Дербёшкинского поселения в Актанышском районе Татарской АССР и разведочном обследовании Зуевоключевского II поселения в Каракулинском районе Удмуртской АССР, проведённых в 1988 году // Архив музея истории и культуры Среднего Прикамья. Сарапул, 1989. Оп.3. Д.521.

Решетников Н.Л. Отчёт об археологических исследованиях Дербёшкинского поселения в Актанышском районе Татарской АССР, проведённых в 1989 году // Архив музея истории и культуры Среднего Прикамья. Сарапул, 1990. Оп.3. Д.520.

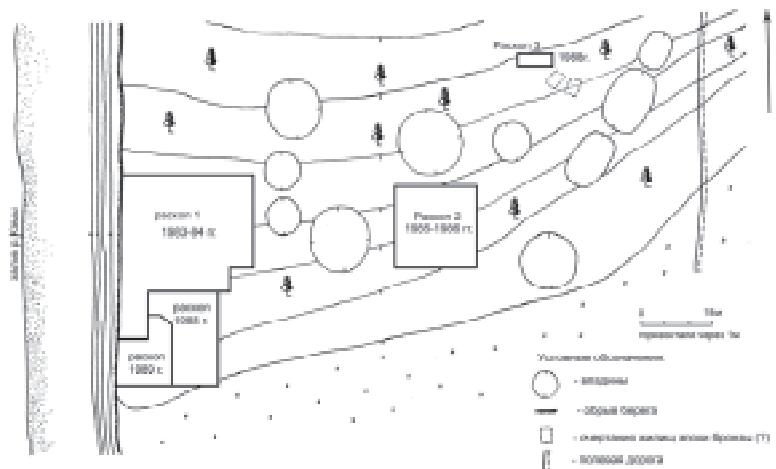

Рис. 1. Дербёшкинский могильник и поселение.

Рис. 2. Дербёшкинский
могильник и поселение.
План раскопа.

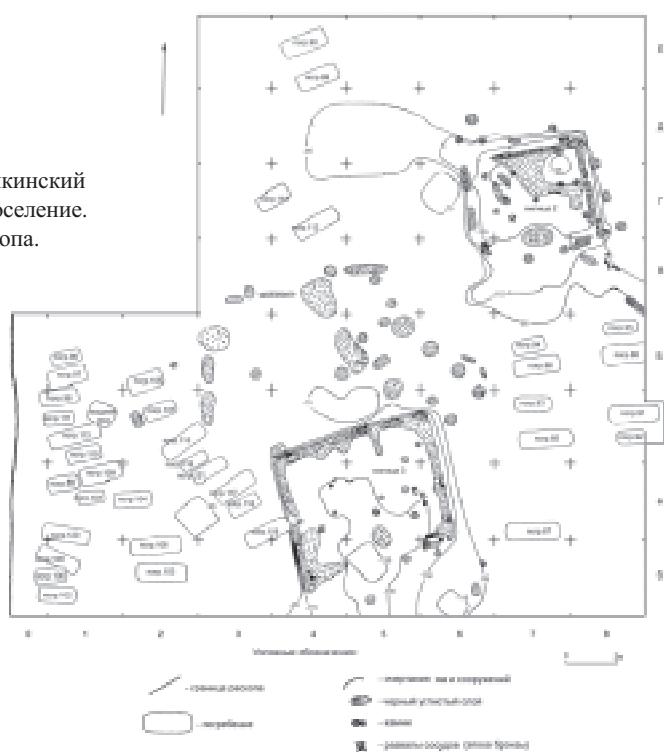
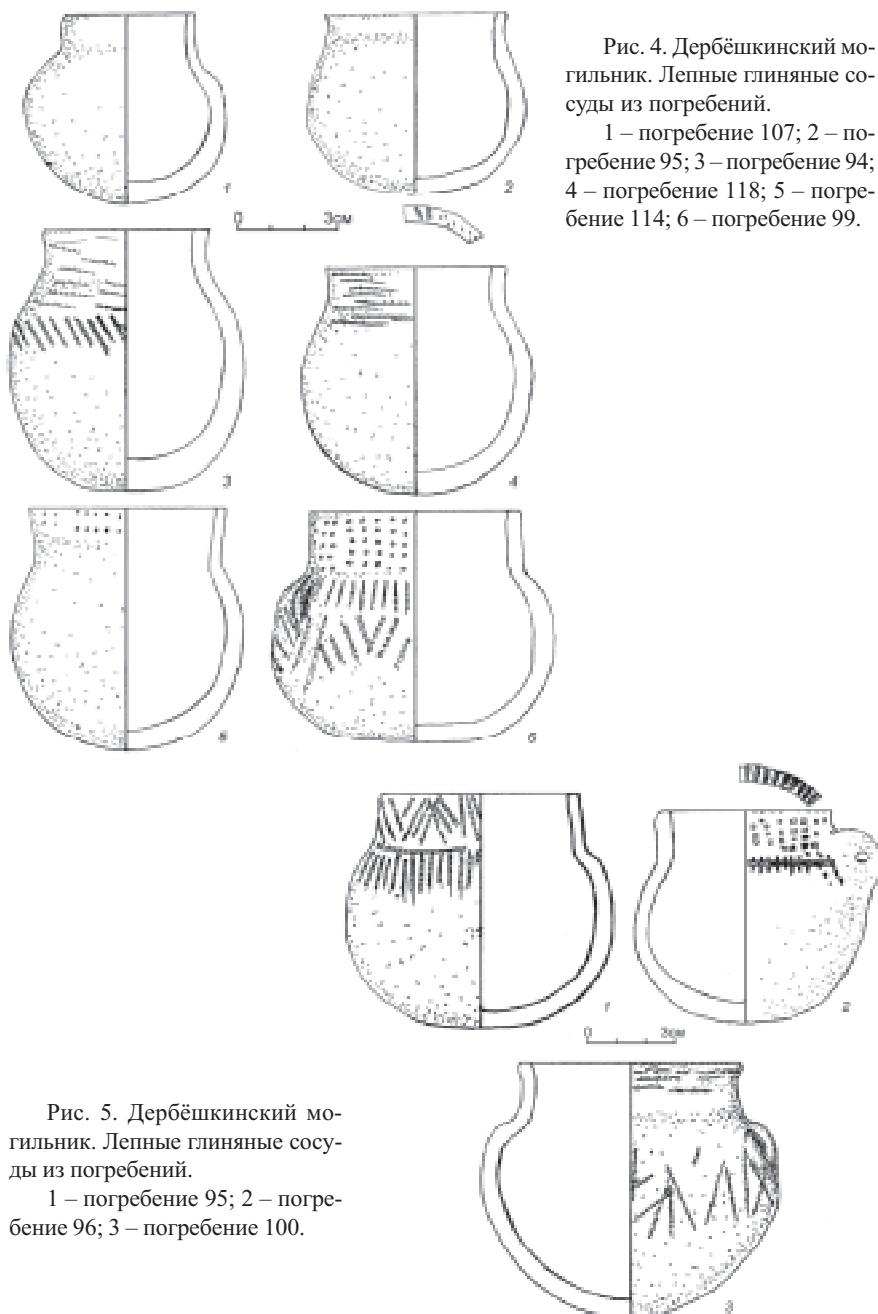

Рис. 3. Дербёшкинский могильник. 1 – погребение 85; 2 – погребение 106; 3 – погребение 120; 4 – погребение 103.

Критика и библиография

Геннадий Гарустович

Рецензия на книгу Е.П.Казакова «**Волжские болгары, угры и финны в IX-XIV вв.**». Редколлегия: А.Г.Ситдиков (отв. редактор), П.Н.Старостин, Р.С.Хакимов. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. 13 печ. л.

Становится фактом, что роль угров в средневековой истории этого региона была значительно выше, чем полагали ранее.
(Е.П. Казаков)

Волго-Уральский регион с полным основанием может считаться совершенно уникальной частью нашей страны. Уже много столетий он является местом совместного проживания и этнических контактов представителей разных народов, принадлежащих к особым языковым группам – тюркской, финно-угорской и славянской. Понятно почему, в нашем регионе приоритетным направлением археологической работы считается этногенез современных народов, а также вопросы этнических взаимодействий в этой большой контактной зоне. Рассматриваемая нами монография – еще один вклад в дело изучения хода и особенностей этнических процессов в Волго-Уральском регионе в эпоху средневековья.

Новая книга Е.П.Казакова является итоговой, и чтобы понять ее специфику, следует сказать несколько слов не только о концептуально-методологических подходах ее автора, но и о нем самом. Монография подготовлена казанским ученым Е.П.Казаковым, известным археологом, доктором исторических наук, человеком посвятившим всю свою жизнь изучению проблем ставших предметом анализа в данной работе. Каждый, кто знаком с многочисленными статьями и монографиями Евгения Петровича, наверняка обратил внимание на научное кредо талантливого исследователя: он человек **материала**. Ему не свойственны легковесные, всеобъемные, но бездоказательные научные обобщения, полярные «этнические метания». Он всегда был осторожен в своих оценках, до полной ясности, до обстоятельной и системной аргументированности. Каждый вывод исследователя подтверждается конкретным материалом, и исходит из реалий археологических комплексов. Его невозможно заподозрить в старательной подгонке фактов под искусственно созданную концепцию (а это одна из распространенных «болезней» в региональной исследовательской практике). Концепции выработанные Е.П.Казаковым, основываются не на субъективном желании исследователя, а доказываются археологической фактологией. Тщательный источниковедческий анализ полевых материалов позволил Евгению Петровичу сформулировать свою собственную теорию этнической истории, а затем многие,

многие годы посвятить ее обоснованию, обработке и совершенствованию системы доказательств. Данная особенность работы автора четко проявилась при изучении раннебулгарского исследовательского направления (см. книгу: «Культура ранней Волжской Болгарии»), она же стала фундаментом, на котором строились разработки угорской тематики. Важнейшей предпосылкой изучения средневековых комплексов региона автор видит в широких информативных возможностях языческих могильников Татарстана раннебулгарского времени (с. 92).

Новая тема, выбранная Е.П.Казаковым, обладает широким охватом (и в территориальном плане, и по своему влиянию на судьбы народов региона), она напрямую связана с этногенезом башкир (см.: с. 22, 41 и др.), в значительной степени соприкасается с этнической историей татар, хантов, манси, венгров, а также финно-пермских народов региона. Принципиальной представляется мысль автора о том, что угров следует считать органической частью этногенеза булгар, а о финно-пермских народах этого сказать нельзя (с. 74). Тем не менее, процесс взаимоотношений булгар и поволжских финнов имеет длительную историю, Е.П.Казаков только для домонгольского времени выделяет 4 этапа подобных взаимодействий (с. 91 и др.).

Евгений Петрович никогда не торопится с выводами, вроде бы чиялик, после его работ, давно обладал полным набором «достоинств» археологической культуры (наличие обширных некрополей, святилищ, значительного числа поселенческих памятников, специфической керамики, и т.д.). Но он долгое время осторожно называл данную общность не культурой, а «типом» (памятники чияликского типа). И лишь когда правомочность выделения чияликской культуры признали не только в Приуралье, но и в Западной Сибири, Евгений Петрович стал называть ее культурой. Я уверен, что именно после подобных публикаций на смену эклектики в этнических теориях (коренящимся в эмоциях национальной ментальности) региональная наука приобретает подлинную доказательную базу. Главный метод работы исследователя – углубленный сравнительно-исторический анализ, с доскональным погружением в проблему, с всесторонне-выверенной аргументацией выводов. Важной теоретической посылкой он считает опровержение ошибочных взглядов на то, что материальные (археологические) данные не имеют этнического содержания (с. 20). При этом важная доказательная роль в работах (и в данной книге, в частности) постоянно отводится обширным иллюстративным материалам. Так уж сложились познавательные реалии – все многочисленные публикации Е.П.Казакова, по сути являются отрицанием незатейливого (давно изжившего себя) автохтонизма, он всю жизнь разрабатывает древности пришлого населения. Опровергая при этом взгляды сторонников «чистых» этносов, доказывая своими работами сложную многокомпонентность этногенеза народов Волго-Уральского региона.

Актуальность названной темы и данного исторического периода несомненна. Хронологические рамки работы охватывают период свыше 400 лет, с X по XIV век.

Это был очень важный период в историческом развитии региона, время становления и расцвета раннефеодального Булгарского государства. Наверное, уже никому не нужно доказывать, что государство на Средней Волге было стержневым (основополагающим) явлением в регионе, своеобразным центром притяжения для соседних народов и племен. Черты культурного ареалообразования, свойственные Волжской Булгарии домонгольского периода (да и золотоордынского времени, тоже), базировались на передовой для своего времени экономике. Евгений Петрович отводит главенствующую роль в этом первенстве развитой системе ремесленного производства (с. 4, 6). Мне представляется, что базисным фактором была торговля. Волжская Булгария не стала простым транзитным коридором, по которому двигались товары мусульманского Востока, в богатые пушниной северные леса. Но чтобы контролировать купеческие потоки, взамен «мягкой рухляди» лесным племенам нужно было что-то предложить. Это стало стимулом и отправной точкой бурного развития ремесленного производства. Конечно же, учитывались растущие внутренние потребности молодого государства, но значительная часть продукции изначально создавалась с учетом вкусов соседних народов (т.е. товары предназначались для обмена) (с. 99). Как тут не вспомнить «гибридную» посуду, совмещающую признаки булгарской и приуральской керамической традиции. Таким образом, булгарское влияние осуществлялось не столько в виде военной экспансии (видимо, вооруженных конфликтов также хватало), сколько в форме передового культурно-экономического взаимодействия. Главными купеческими магистралями были водные пути (с. 89), а основным рынком сбыта товаров булгарских ремесленников стали земли их финно-пермских соседей (с. 4, 6, 74). В целом, в первой половине II тысячелетия сложились признаки этнокультурной карты региона и основы национального своеобразия современных народов (правда, пока еще без славянского компонента).

Как я уже сказал выше, новую книгу Е.П.Казакова с полным основанием можно считать итоговой, причем сразу по трем позициям: а) это концептуальное обобщение в области угорской средневековой археологии; б) это системное изложение сложной и малоизученной темы этнокультурных взаимодействий народов региона; в) это также своеобразный итог работы самого исследователя. Евгений Петрович объединил в книге представительные материалы (и интересные идеи) высказанные им на протяжении ряда лет в его многочисленных статьях и монографиях.

Отмеченные принципы работы Е.П.Казакова очень затрудняют оппонентам возможности оспорить его выводы, поставить под сомнение принципиальные положения его концепции. Для этого, как минимум, нужно владеть материалом, как им владеет автор рецензируемой работы. А это трудно, и удается далеко не каждому. Сейчас, сомнению подвергают не его теорию в целом, а отдельные ее детали. В качестве примера, приведу статью целеустремленного и вдумчивого исследователя из г. Ижевска – И.Ю.Пастушенко. Он проделал большую работу по выявлению и систематизации с северной окраины чиляикской культуры –

памятников сыворотского региона Пермской области. Весьма убедительно И.Ю.Пастушенко доказал неправомочность объединения разноэтнических элементов в рамках единой, искусственно созданной сыворотской культуры. Но!

Но, как известно, неверные логические посылки, если им следовать, никогда не приводят к позитивным результатам. В 2005 г. И.Ю.Пастушенко публикует статью «К вопросу о чилякских “погребальных масках”» [2005], в которой пытается доказать, что лицевые маски в средневековых археологических культурах региона – это следствие ошибок Е.П.Казакова. Якобы, на самом деле, во многих случаях это были остатки налобных повязок, накосников, и т.д. Подспудная мысль Игоря Юрьевича вполне понятна – если не было масок, нет оснований говорить об утрах, тем самым констатируется правильность вывода удмуртских археологов о финно-пермской доминанте в прикамских культурах I тыс. н.э. Прямо, скажем – получилось неубедительно. Ну, даже допустим, что в 2-3 случаях удалось бы доказать принадлежность металлических пластин к накосникам. Что это меняет? Если настоящих масок найдено несколько десятков, и их не спутаешь ни с какими височными подвесками. Да разве дело только в масках? Е.П.Казаков снабдил свою аргументацию целой системой убедительных доказательств. А куда девать четкую взаимосвязь лицевых покрытий (как и других угровских элементов) и шнуровой керамики?

А с другой стороны, у финно-пермской теории столько несоответствий видных невооруженным глазом! Вот и получается, стремление доказать недоказуемое, не может опираться на надежное обоснование. К слову сказать, по всей видимости, сомнительные теоретические построения помешали И.Ю.Пастушенко «разглядеть у себя под боком», т.н. «чумойтинскую культуру», не менее одиозную, нежели сыворотская.

Но вернемся к теме нашей рецензии. **Структура** монографии традиционна, она состоит из введения, трех основных глав и заключения. Вроде бы, все как всегда, но если присмотреться, можно обратить внимание на то, что две главы (гл. II и III) дают векторное различие географических и этнических направлений, это две особые темы исследования. Но Е.П.Казаков показал, что он одинаково хорошо может владеть разноплановой источниковой базой, и что для этого надо лишь следовать реалиям наличного материала (без никому не нужных фантазий и преувеличений). Не больше, но и не меньше.

Работа не имеет цели охватить весь объем проблем этногенеза поволжских и приуральских народов, это «сфера интересов» исследователей национальных республик Волго-Уральского региона. Е.П.Казаков не вторгается в их область знаний, он обосновал свои конкретные цели и задачи – проблемы взаимодействия, и четко им следует. Но при этом, напоминаю о том, что постпетрогорская и чилякская культуры (им посвящены разделы 4 и 5 главы II) выделены именно Е.П.Казаковым. Отдельно рассматриваются прикамские культуры со шнуровой керамикой (разд. 4) и кушнаренковская культура (разд. 2). Важное место в контексте работы занима-

ют разделы, в которых анализируются археологические угорские признаки культур Приуралья, а также роль угров в формировании культуры волжских булгар (разд. 1 и 6 гл. II). Вопросы взаимодействия булгар, а также поволжских и пермских финнов сконцентрированы в III главе книги. Е.П.Казаков констатирует, что в эпоху средневековья Прикамье было ареной взаимодействия коренного финно-permского и пришлого угорского населения (с. 75, 94), но уже в XII веке угорское присутствие здесь не фиксируется (с. 76).

Работа написана на основе самых разных источников: главные из которых – археологические, но не менее активно используются нарративные и этнографические источники (в первую очередь, этнография хантов и манси, а также венгров – гл. I). Важнейшим видом археологических источников является керамика, выступающая как главный этно-диагностирующий признак, лишь у поволжских финнов большей информативностью обладает металлопластика (с. 13, 74). Но, помимо керамики, анализируются вещевые комплексы, элементы погребальной обрядности, и (в меньшей степени) поселенческий материал. Автором выделены важнейшие элементы угорского материального и духовного мира (лицевые покрытия-наглазники, шкуры лошади в могилах, куль серебра, обрядовая пластика, коньковые подвески, и т.д.). Этим перечнем угорские элементы в археологических культурах региона не ограничиваются (много специфических черт фиксируется в каждой отдельной культуре), но все черты названные Казаковым что называется «играющие».

В историографической главе анализируется процесс накопления знаний по проблеме взаимодействия булгар со своими соседями, уграми и финнами. Как я уже сказал выше, на этой проблеме больше всего останавливался Е.П.Казаков, отсюда – в историографическом перечне преобладают его работы. Мне в этой связи, хотелось бы высказать свою субъективную точку зрения. Евгений Петрович, в I главе явно недостаточно уделил внимание одной очень интересной монографии – «Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии» (М., 1978). Воздаю должное его скромности, но лично для меня система аргументации приведенная в книге, показалась настолько понятной и убедительной, что заставила по-новому взглянуть на имеющиеся археологические материалы, открыла глаза на новое исследовательское направление.

Появление угров к западу от уральского хребта в середине VI в. н.э., автор связывает с событиями истории I Тюркского каганата (с. 20, 92). Но их **исторические судьбы** в пределах огромной, занятой в I тыс. н.э., территории сложились по разному (с. 12 и др.). По мнению Евгения Петровича, «...в золотоордынский период идет тюркизация и мусульманизация «страны паскатир»... Впоследствии, после ассимиляции остатков угорского населения, этот термин выступает как этоним тюркоязычных башкир. Следы культуры угров продолжают сохраняться в культуре иштяков. А чияликские могильники в низовьях Белой,... видимо, можно соотносить с предками тюркизированного угорского племени эней» (с.

22). С данным выводом трудно не согласиться, разве что, чияликская группировка выглядит слишком мощной для того, чтобы считаться «предком» лишь одного небольшого племени. Н.А.Мажитов, например, считает чияликов башкирами – буляр [Мажитов Н.А., Султанова А.Н. 1994, с. 265].

В Прикамье фиксируется другая ситуация, отсюда угры в X-XII веках отходят к востоку, за Урал (с. 21, 93), под давлением двигающихся с запада финно-пермских общин. Которые, в свою очередь, подталкивались расселением русских и насильтственной христианизацией (с. 90, 93, 98 и др.). Что касается угров на Средней Волге, они ассимилировались в составе булгарского народа.

Спорные вопросы. Мне вовсе не хочется, чтобы у читателя о рассматриваемой работе сложилось неверное впечатление как о какой-то истине в последней инстанции, такое в принципе невозможно. В книге выделяется целая серия спорных моментов. Их можно разделить на две группы: а) из той области, в которой Е.П.Казаков непосредственно работает; б) те нюансы, которые были сформулированы другими исследователями, и которые автор воспринял на веру. К первой группе я отношу вопросы, связанные с недостаточной изученностью памятников Приуралья, и, главное, Зауральских территорий. Это не наша вина, а наша беда. Такие недочеты носят объективный характер. Вторая группа включает ошибки субъективного свойства, связанные с личностным отношением ученого к тем или иным проблемам.

Возьмем, неоднократно высказываемую в монографии мысль, о первоначальном расселении мадьярского племенного союза в степях Южного Урала, и об их меридиональных перекочевках от Урала до Арала (с. 39-40 и др.). Возникает вопрос, а где же собственно памятники этих «неуловимых» мадьяр? Ромашкинское погребение ничем не выделяется из среды типичной карайкуповской лесостепной группировки. Редкие находки карайкуповской (с «жемчужинами») и шнуровой (постпетропромской по Казакову) керамики в Оренбуржье, говорит о спорадическом проникновении полукочевников в степь, а не наоборот. В ходе широких полевых исследований археологи Оренбуржья выявили погребения гуннов, печенегов, огузов, даже хазар и кимаков (см.: Тамар-Утуль, кург.3 и курган Атпа), только мадьяр нет. Почему? Видимо, по тому, что в степи они не жили. Думается, что угорские племена сформировались в Зауралье в конкретной экологической нише – лесостепной зоне, как полукочевники (вовсе не как кочевники-степняки). Они и в Приуралье расселялись, в основном, в лесостепных зонах, они шли на запад по кромке степи и лесостепи (см.: Иванов В.А., 1999). И в Паннонию их привлекли лесостепные участки (пушты).

В отдельных случаях, аргументация исторических явлений выглядит не совсем логически выверено. Евгений Петрович утверждает, что поломские, неволинские и ломоватовские племена не выдержали военного давления печенегов (и ведь жили они так далеко от степи!?), и спасались от них на Средней Волге, т.е. сместившись к ЮЗ (с. 21, 23, 40, 42, 45 и др.). Но ведь получается, что они ушли

поближе к тем же печенегам! Сводить все причины переселений народов в восточной части Европы к одним лишь печенежско-мадьярским войнам (с. 18, 21, 23, 31, 39), преждевременно. Сами печенеги на запад двинулись не добровольно, они «подталкивались» с востока огузами, кимаками, и другими народами. Это был глобальный процесс.

На стр. 39 монографии, говорится о гражданской войне в Хазарском каганате, как о борьбе ислама и иудаизма, но исследователи пишут о ней, скорее, как о противоборстве традиционных (языческих) верований с еврейской религией аристократии [Плетнева С.А., 1988].

При рассмотрении некоторых вопросов, Евгений Петрович проявляет непоследовательность. Скажем, башкирскими археологами убедительно доказано (см. многолетнюю дискуссию с участием Н.А.Мажитова, В.А.Иванова, Г.И.Матвеевой и др.) различие кушнаренковской и карайкуповской культур. Они, конечно, родственны, но по многим признакам все же различаются. Но Е.П.Казаков продолжает называть эти культуры термином «кушнаренковская культура» (кроме него это название никто уже не использует). Ко всему прочему, данный термин заключает в себе фактологическую ошибку, а это может ввести в заблуждение неискушенного читателя. Я, конечно, реалист, и прекрасно понимаю что Евгений Петрович называл, называет, и наверное будет называть эти племена так, как он привык еще в молодости. Специалисты все равно понимают о чем идет речь. Непоследовательность заключается не в этом. А в том, что если мы возьмем постпетрогромскую и чияликскую керамику, то в глаза бросается очень близкое сходство между ними, как мне представляется – этого сходства больше чем различий. И этого единобразия уж явно больше, чем близости между кушнаренково и карайкупово. Но у Е.П.Казакова, близко схожие (мелкие различия легко объясняются хронологической этапностью) постпетрогромские и чияликские комплексы выделяются в две разные культуры, а несхожие кушнаренково и карайкупово отнесены к одной культуре.

Е.П.Казаков, совершенно справедливо отмечает в чияликском погребальном обряде черты, продиктованные исламскими канонами. Но при этом, говорит о приходе чияликцев из-за Урала в XIII веке (т.н. новая волна). Возникает вопрос, а где они за Уралом успели «обрасти» исламскими признаками, причем именно в форме булгарского мусульманского обряда (он очень значительно отличается от среднеазиатских исламских традиций)? Вроде бы, домонгольское Пылаево не несет в себе мусульманских черт?

Почему на огромной территории постпетрогромской культуры известно так мало памятников? Почему языческие (Селянино Озеро, Усть-Кишертъ, Пылаево) могильники локализуются исключительно на периферии этой общности? Вопрос о самом петрогроме также висит в воздухе. Не разработана хронология зауральских комплексов, не выделены ее характерные черты. На постпетрогромской керамике нет признака классического петрогрома – утолщений на венчике. При этом,

как мне кажется, постпетрогорская керамика имеет больше сходства с посудой комплексов I – нач. II тыс. н.э. Курганской области (Усть-Терсюк, Прыгово и др.), нежели с петрогором. Там шнуровая керамика превалирует с рубежа эр (прыговский тип, и т.д.). Так уж сложились реалии познавательного процесса, что мы следствие (памятники Приуралья) знаем на порядок лучше, нежели причину (археологические объекты Зауралья). Мы элементарно имеем слабое представление, что такое петрогором. Отсюда возникает многое непонимания и разногласий, а дело все в слабой изученности средневековых памятников Зауралья.

В монографии встречаются малопонятные термины «тюрко-угры» (с. 38, 49) или «угро-самодийцы» (хотя, они введены не Казаковым, а В.Ф.Генингом и А.Х.Халиковым). В реальной жизни такого просто не бывает. Ну нет, к примеру, итальяно-тонголезцев. Всегда было «или» – «или» (в зависимости от того, кем себя ощущает человек, родившийся в смешанном браке). Современные башкиры с полным основанием считают себя исключительно тюрками, а элементы этногенеза на сегодняшнее самосознание народа мало влияют.

По какой то причине, Е.П.Казаков при своей реконструкции пути мадьяр на запад (с. 42), ничего не говорит о книге В.А.Иванова [1999], посвященной этой же теме. Возможно, все дело тут в малом тираже издания, монография попала даже не во все библиотеки.

Конечно, такие вопросы назвать принципиальными никак нельзя. Тут все дело в состоянии изученности территорий и в терминологии. В отечественной науке, к сожалению, нет устоявшегося понятийного аппарата. Нет общепринятых критериев выделения археологических культур, непонятно чем АК должна отличаться от своих локальных или хронологических вариантов, не всегда выделены устоявшиеся требования к терминологическим маркировкам. В этой ситуации, каждый исследователь «в своем праве» выбирать приглянувшуюся ему терминологию. Мы можем критиковать терминологические несоответствия, если они не согласуются с нашими личными пристрастиями, но все равно этот подход всегда будет нести печать субъективизма.

В целом, проблем много, но постановка их стала возможной лишь после выхода работ Е.П.Казакова, именно он открыл целое направление в науке. Другие больше говорили, а он делал, поэтому успел сделать много. Начинать всегда тяжело, ну а обнять необъятное просто невозможно. Как мне кажется, можно говорить, что в то время когда многие авторы любят себя в науке, Е.П.Казаков больше любит науку в себе. Он не боится сомнений и не успокаивается на достигнутом, подготовленные им статьи и монографии выходят с завидной регулярностью.

Монография рассчитана на широкий круг читателей, она написана доходчиво, хорошим литературным языком, легко читается и воспринимается. А с другой стороны, в ней есть своеобразное «второе дно», суть которого может понять лишь человек до конца «вхожий в проблему». Этнические коллизии всегда вызывают жаркие споры, но Е.П.Казаков умудряется обсуждать проблему «не ломая копий»,

и не потому, что он избегает «острых углов». Он умеет свести суть спора к 2-3 фразам, а это подразумевает понимание читателем всех тонкостей проблемы.

В целом, книга не только обобщает итоги изучения, но и открывает новые исследовательские перспективы, служит отправной точкой для будущих работ. Угорская теория находит все больше своих сторонников, в дискуссию включаются новые участники, а в научный оборот вводятся новые материалы (см. работы пермских археологов – А.М.Белавина и др.). Конечно, остаются и те, кто не согласен с данной концепцией. Ну что же, ведь невозможно убедить тех, кто не хочет быть убежденным! И никакая аргументация здесь не поможет. Что тут еще можно добавить? Да и нужно ли что-то добавлять. Все еще впереди!

Литература

- Иванов В.А. Древние угро-мадьяры в Восточной Европе. Уфа, 1999.
Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии (Этапы этнокультурной истории).
М., 1992.
Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI
века. Уфа, 1994.
Пастушенко И.Ю. К вопросу о чилякских «погребальных масках» // Finno-Ugrica. №
1(7-8). 2003-2004. Казань, 2005.
Плетнева С.А. Хазары. М., 1988.

Маргарита Иванова, Надежда Шутова
Рецензия на постоянную экспозицию «**Древняя и
средневековая история края**» Национального музея
Удмуртской Республики им. Кузбая Герда

10 июня 2005 г. в Национальном музее Удмуртской Республики им. Кузбая Герда (далее НМУР) в торжественной обстановке открылась постоянная экспозиция «История и культура края (VIII тыс. до н. э. – начало XX в.)», одним из разделов которой является «Древняя и средневековая история края». Своевременность и актуальность появления подобной экспозиции не вызывает сомнения. Многие десятилетия жители и гости Удмуртской Республики были лишены возможности знакомства с объектами древней истории и культуры нашего края, ибо посвященные этой тематике экспозиции отсутствовали в залах музея г. Ижевска. Между тем наша земля богата археологическими находками и историческими событиями, и благодаря плодотворной деятельности трех археологических центров Республики (Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН, Удмуртский государственный университет, НМУР) накоплены богатые коллекции археологических материалов, собранных на территории современной Удмуртии и всего Камско-Вятского региона.

На основе современных научных достижений большой армии исследователей, работающих в этой сфере, автору экспозиции Т.И.Останиной удалось на сравнительно небольшой площади (около 100 кв. м) отразить главные вехи в истории заселения и освоения края и создать полноценную картину прекрасных творений, созданных древнейшими обитателями края. Содержание включает общую характеристику важнейших археологических периодов от эпохи мезолита (VIII-VI тыс. до н.э.) до позднего средневековья XVI-XVII вв., знакомит со способами хозяйствования, образом жизни, общественным устройством, характерными чертами материальной и духовной культуры населения края на разных хронологических этапах развития. Вещественный источник – предмет является главным элементом экспозиции, именно он позволяет расшифровывать и раскрывать многообразие жизнедеятельности человека в древности.

Расположенные в определенной системе археологические предметы, наглядные иллюстрации, тексты, реконструкции, на наш взгляд, будут интересны людям разных возрастных групп, уровней образования и социального положения. Впервые в музейной практике России в разделе «Древняя и средневековая история края» экспонируются выполненные реконструкции женской одежды разных археологических культур. Воссоздание древней одежды стало возможным благодаря современным изысканиям в области археологии, реставрации и естествознания, благодаря междисциплинарным исследованиям на стыке естественных, и исторических наук. Наиболее интересные явления, объекты, древние технологические приемы и методы объединены в музейные комплексы, в рамках которых археологические предметы предстают в определенной системе, взаимодействуют и дополняют друг друга, формируют процесс-действие. К примеру, посетитель может видеть последовательность занятия гончарным производством, процесса изготовления муки – основы жизни древнего человека и т.д.

Одной из приоритетных задач создателей экспозиции является формирование представления об основных этапах этногенетических процессов в среде местного финно-угорского населения Камско-Вятского междуречья, особенностях их взаимоотношений с соседними народами. Представленный для обозрения материал четко и логично доводит древнюю и средневековую историю удмуртов до периода письменной истории (XV-XVI вв.). В ходе последовательно сменяющих друг друга археологических культур довольно успешно прослежены важные аспекты проблемы происхождения современного удмуртского народа. В целом, следует отметить высокий профессиональный уровень представления археологического материала, научных реконструкций и исторических интерпретаций.

Столь же высокой оценки заслуживает художественное и техническое решение представленного раздела. В основу его оформления положен классический тематико-хронологический принцип. Благодаря разработанной экспозиционерами художественной форме подачи материала, привлечению большого количества реконструкций, макетов, манекенов, музейных комплексов каждый архео-

логический предмет, объект, историческое явление становится ближе, яснее и понятнее рядовому зрителю.

Особого внимания заслуживает высокий уровень подготовленных реконструкций. Они выполнены в цвете с использованием современных компьютерных технологий. Это оказывает большее эмоциональное впечатление. Сотрудники музея тщательно обработали экспозиционный материал: все предметы отреставрированы и законсервированы для длительного хранения, подготовлены необходимые макеты, монолит погребения, выполнены бюсты древних людей и т.д. Благодаря их стараниям каждый археологический предмет «зажил» новой жизнью, а посетитель получил возможность «вдохнуть аромат ушедших веков и тысячелетий». Хотелось бы особо отметить работу художников. Это и удачное художественное решение экспозиционного зала, оборудования, выбор цветовых гамм, оттеняющих форму и значение предмета. Как отметил один из посетителей: «все здесь лаконично, емко, красиво».

Таким образом, новая постоянная экспозиция «Древняя и средневековая история края», подготовленная на основе современных научных и технических достижений, стала великолепным и полезным подарком для гостей и жителей республики всех возрастных групп. Посещение экспозиции имеет не только познавательное, но и огромное воспитательное значение. Знакомство с древней историей и культурой древнейшего населения Камско-Вятского региона позволяет понять органичное единство прошлого и настоящего, раскрывает общие закономерности исторического процесса в преломлении к конкретной местности, демонстрирует своеобразие этнокультурного взаимодействия разных этнических и конфессиональных групп населения. Полученные знания об основных этапах развития человеческого общества со времен каменного века до позднего Средневековья, в конечном счете, будут способствовать формированию гуманизма взглядов и историзма мышления у посетителей музея.

Представленная научно-экспозиционная работа Национального музея УР им. Кузебая Герда получила высокую оценку общественности и государственных органов Республики, ее разработчикам присуждена Государственная премия УР.

Хроника

Маргарита Иванова

Исследования средневековых памятников в бассейне р. Чепцы (обзор публикаций 2001–2005 гг.)

На территории Волго-Камья верхнее и среднее течение р. Чепцы составляет своеобразный археологический микрорайон, насыщенный разнообразными памятниками: крупными городицами, селищами, погребальными памятниками, кладами монет и произведений восточной торевтики, многие из которых известны с конца XIX в. со времени выхода в свет работ А.А. Спицына (1893) и Н.Г. Первухина (1896) с первыми систематизированными сводами. В 1926–1930 гг. здесь провели исследования А.П. Смирнов и С.Г. Матвеев. С выходом серии работ А.П. Смирнова, обобщенных в его монографии «Очерки древней и средневековой истории народов Поволжья и Прикамья» (М., 1952), памятники бассейна р. Чепцы стали эталоном удмуртских древностей эпохи средневековья. Планомерные исследования Удмуртской археологической экспедиции, созданной в 1954 г. под руководством В.Ф. Генинга, значительно расширили круг ранее известных источников. Именно этот регион стал основным объектом исследований археологического подразделения, созданного в Удмуртском институте истории, языка и литературы УрО РАН в 1969 г. В результате обширных разведочных работ, систематических раскопок ряда памятников большими площадями, оперативной публикации новых материалов, памятники региона, объединяемые в поломскую и чепецкую культуру, хорошо известны специалистам и широкому кругу людей, интересующихся историей и культурой народов Поволжья и Урала.

В связи с процессами реорганизации РАН в последние годы экспедиционная деятельность значительно сократилась, полевые исследования в ограниченных масштабах продолжались в основном на эталонных памятниках – Варнинском могильнике V – X вв., городище Иднакар IX–XIII вв. Продолжалась обработка материалов и подготовка их к публикации, большое внимание уделялось внедрению новых методов и технологий на базе городища Иднакар.

Существенным итогом многолетних исследований является коллективный труд «Археологическая карта северных районов Удмуртии (под общей ред. Иванова А.Г. Ижевск, 2004. 276 с.), в котором систематизированы и обобщены все имеющиеся сведения об археологических памятниках в бассейне р. Чепцы, известных к началу 2002 г., приводятся сведения о местоположении памятника, его характере и особенностях, датировке и культурной принадлежности, современном состоянии, степени исследованности и основных находках, месте хранения коллекций, литературе и архивных источниках о памятнике. Создание карты является важной частью работы по инвентаризации культурного наследия Удмуртии и необходимым усло-

вием для ведения плодотворной деятельности по охране и использованию памятников археологии. Издание такого свода также создает необходимую источниковую базу для дальнейшего изучения историко-культурного наследия.

В книге, кроме того, приведены краткие сведения о физико-географических особенностях северной части Удмуртии, об истории археологического изучения региона, охарактеризованы основные типы археологических памятников, исторические периоды и выделяемые здесь археологические культуры, частично вводятся в научный оборот малоизвестные материалы. Каталог предназначен для специалистов-археологов, работников культуры и государственных органов, занимающихся учётом, охраной и использованием памятников истории и культуры, всех интересующихся историей местного края.

В публикациях последних лет нашли отражение важнейшие аспекты целенаправленных междисциплинарных исследований городища Иднакар.

В начале 1980-х гг. к изучению массовых остеологических, ботанических материалов, продукции металлургии и кузнецкого ремесла были подключены соответствующие специалисты. В результате изучения **палеоботанических** материалов В.В. Туганаев (Удмуртский государственный университет) выявил, что Иднакар является важнейшим археологическим памятником, содержащим ценнейшие источники по аграрной истории Вятско-Камского региона. Богатый набор культурных и сорных растений, обнаруженный на памятнике, позволяет моделировать агроэкосистему средневекового земледелия как подсечно-огневую, возможно, с элементами перелога. Под руководством В.В. Туганаева изучен и современный растительный покров района городища на площади 8 кв. км, характеризующийся не только обилием видов произрастающих растений (528), относящихся к 272 родам и 84 семействам, но и наличием редкой уникальной флоры, нуждающейся в охране.

Позднее к **почвенно-геохимическим** исследованиям подключился к.б.н. А.В. Туганаев (Удмуртский государственный университет). Для оценки природных условий им были проанализированы почвенные образцы, взятые из гумусового горизонта среднего оборонительного вала. Анализы показали, что в период функционирования городища климат был более теплым и обеспечивал благоприятные условия для развития не только дерново-подзолистых, но и темно-серых, серых лесных и, возможно, черноземовидных почв. Кроме палеоклиматических реконструкций, результаты почвенно-геохимических исследований используются при работе с культурными напластованиями. На основании данных лабораторного анализа возникла возможность описывать выявленные почвенные слои не только по структуре и цветности, но и по химическому составу. Эта информация используется для последующего определения природы образования слоев и их интерпретации. Предварительные итоги в научно-популярной форме опубликованы в книге Туганаевых В.В. и А.В. «Городище Иднакар IX–XIII вв.: агроэкологический обзор» (Ижевск, 2001).

Более 20 лет В.И. Завьялов (Институт археологии РАН) проводил специальные исследования ассортимента изделий кузнечного ремесла. Результаты **археометаллографических** исследований значительной серии предметов с городища Иднакар и окружающих памятников позволили выявить, что в начале II тысячелетия н. э. наблюдался значительный рост как общего числа поковок, так и количества категорий железных предметов. Иднакар являлся одним из крупнейших центров металлообработки, прослежено начало процесса специализации кузнечного ремесла.

Итоги исследований В.И. Завьялова получили отражение в различных изданиях, в том числе в сборнике «Древние ремесленники Приуралья» (Ижевск, 2001), содержащем материалы Всероссийской научной конференции, организованной Удмуртским ИИЯЛ и Институтом археологии РАН при финансовой поддержке РГНФ в 2000 г. На конференции обсуждались проблемы становления и развития различных видов ремесленного производства в Приуралье и смежных территориях, рассмотрены процессы формирования производственных центров и налаживания связей, основанных на металлургическом ремесле и иных формах производственной деятельности.

В 2005 г. издана монография В.И. Завьялова «История кузнечного ремесла пермян: археометаллографическое исследование», в которой рассмотрены технико-технологические особенности древних поковок пермян эпохи средневековья на протяжении тысячелетия. Исследование, в основе которого лежит естественнонаучный метод, направлено на решение чисто исторических задач: выявлению роли кузнечного ремесла и кузнецов в жизни средневекового общества, характера контактов предуральских народов в производственной сфере, форм проявления инноваций в местном кузнечестве. Решение конкретных задач базируется на результатах более 600 металлографических анализов. Особое место уделено фольклорным, этнографическим и лингвистическим данным, имеющим отношение к кузнечному производству, или предметам из железа и стали.

В целом результаты изучения богатейших материалов методами естественных наук – биологии, геоморфологии и почвоведения, археозоологии, археометаллографии – дали принципиально новые данные для реконструкции системы жизнеобеспечения и хозяйственной деятельности средневекового населения Волго-Камья и Урала.

С начала 1990-х гг. городище Иднакар стало экспериментальной базой для комплексных **археогеофизических исследований**. Сотрудниками Физико-технического института УрО РАН И.В. Журбины и В.П. Зверевым был создан уникальный многоэлектродный автоматизированный электrorазведочный комплекс «Иднакар», предназначенный для изучения планировки и структуры археологических памятников на основе геофизических измерений. Значительная площадь внутренней и средней частей городища была охвачена геофизическими исследованиями. Основная проблема, которая решалась с использованием электrorазведки, состояла в восстановлении планировки той части городища, на которой не

предполагались археологические раскопки. По результатам электрометрических исследований построена карта расположения основных археологических объектов, определяющих структуру поселения – фортификации, глинобитные площадки сооружений, очаги и ямы. На отдельных участках данные электрометрии были подтверждены раскопками (раскопы 1993, 1999–2002 гг.). При таком подходе совмещение геофизической «карты» и археологических планов позволяет реконструировать планировку городища в целом. Впоследствии разработанный и апробированный прибор и оригинальная методика измерений были востребованы в ведущих археологических центрах страны, и по итогам многолетних археогеофизических исследований опубликована монография И.В. Журбина «Геофизика в археологии: методы, технология и результаты применения» (2004).

С середины 1990-х гг. одновременно с активным **внедрением компьютерных технологий** в обработку археологической информации в России в изучении городища стали использоваться новые методы камеральных исследований. Определение хронологии и функционального назначения многочисленных сооружений, располагавшихся в разных пластах культурного слоя, требовало скрупулезного изучения стратиграфического и планиметрического распределения огромного массива вещественного материала. Выполнение таких исследований традиционными методами оказалось практически невозможным.

Основная задача компьютерных технологий в исследованиях городища Иднакар состояла в построении пространственной модели культурного слоя памятника, включающего модели всех объектов и слоев, зафиксированных в процессе раскопок. Задача моделирования состоит в максимально точном восстановлении формы, геометрических параметров и особенностей взаимного расположения каждого из объектов. Созданная пространственная модель является полноценным «образом» культурного слоя памятника. Кроме геометрических параметров, модель описывает свойства всех компонентов культурного слоя, например, структуру, состав, материал, морфологию, технологию изготовления, датировку и пр. Для реализации пространственной модели культурного слоя разработано специализированное программное обеспечение (И.В. Журбин, Д.В. Груздев).

В 2005 г. институт совместно с Физико-техническим институтом и при финансовой поддержке РФФИ провел Всероссийскую научную конференцию «Археология и компьютерные технологии, представление и анализ археологических материалов». Результаты исследований, представленные на конференции, показали, что уровень развития компьютерных технологий в археологических исследованиях России во многом не уступает лучшим зарубежным разработкам. В отечественной науке происходит прорыв в области «аналитической» компоненты пространственного моделирования. Применение информационных технологий обеспечивает возможность получения нетривиальных результатов на основе комплексного анализа археологических данных. Материалы конференции опубликованы в сборнике «Археология и компьютерные технологии: представление

и анализ археологических материалов» (2005 г.).

Основное содержание издания соответствует тематическим направлениям конференции и логике развития компьютеризации археологических исследований, включая оригинальные методические и программные разработки, которые используются на всех этапах, начиная с формализации материалов и создания баз данных, заканчивая компьютерным моделированием и сложным пространственным анализом в геоинформационных системах. Материалы сборника дополняет электронное приложение на CD-ROM с полными версиями статей, включающими все необходимые рисунки и сопровождающие компьютерные презентации.

В последние годы внимание исследователей все больше привлекают великолепные коллекции изделий из цветных металлов, кости и рога с зоо-, орнито-, антропоморфными изображениями, заключающими в себе сложный комплекс исторически сложившихся архаических воззрений, глубинные пласты финно-угорской мифологии. По мере накопления новые материалы систематизировались, вводились в научный оборот, предпринимались попытки их интерпретации, в том числе через выявление параллелей в древних пластиках индоиранской мифологии, отложившихся в «Ригведе». В наибольшей степени материалы средневековых памятников бассейна р. Чепцы нашли отражение в цветном фотоальбоме «Древнее искусство Удмуртии» (2000) и научно-методическом пособии для музеиных работников «Семантика символов и образов древнеудмуртского искусства» (2001), подготовленных М.Г. Ивановой и К.И. Куликовым. В этих изданиях впервые иллюстрируются великолепные произведения искусства, органически связанные с верованиями, мифopoэтическим образным творчеством и космогонической философией удмуртов и финно-угорских народов. Основополагающие структурные уровни мифологической картины мира удмуртов представлены коллективом авторов в монографии «Удмуртская мифология» (Ижевск, 2004), в которой проблемы мифологии рассмотрены с разных исследовательских точек зрения, с использованием разных методов и методик.

Следует отметить, что эти издания вызвали большой интерес специалистов, создающих свои труды на основе творческого переосмысливания традиций народного искусства, а материалы послужили источником зарождения новых тенденций и направлений культурном процессе. В драматургических, поэтических, прозаических произведениях писателей и поэтов, в живописи и графических работах художников стали отражаться темы богатырского периода удмуртского народа, фольклорные и мифологические мотивы. Особенно яркие примеры использования богатейших археологических материалов обнаруживаются в декоративно-прикладном искусстве. Народные мастера создают высокохудожественные изделия с использованием символики, образов, сюжетов древнего искусства, которые органично вписываются в сегодняшний день. В красочном фотоальбоме «Возрожденная древность. Народное декоративно-прикладное искусство Удмуртии» (Куликов К.И., 2005) систематизированы и отражены наиболее характерные

и яркие произведения, демонстрирующие неразрывную связь культурных ценностей древности и современности, значимость опыта поколений для творческой деятельности в новых условиях и формах.

На базе коллекций Иднакара и окружающих его памятников в 1997 г. в г. Глазове открыт историко-культурный музей-заповедник Удмуртской Республики «Иднакар». Музей имеет республиканский статус, зарегистрирован и входит в каталоги и энциклопедии РФ. Во всех сферах деятельности музея, начиная с концепции создания, комплектования фондов, разработки тематико-экспозиционных планов, организации очистки, реставрации и консервации коллекций и др. ведущее место принадлежит институту.

В июне 2004 г. на базе Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН и Национального музея Удмуртской Республики при финансовой поддержке РГНФ состоялась Всероссийская научная конференция «Археологические памятники Волго-Камья и Урала как объект историко-культурного наследия этносов», посвященная 50-летию Удмуртской археологической экспедиции и 80-летию со дня рождения ее основателя и руководителя Владимира Федоровича Генинга. В определенной она явилась подведением итогов деятельности коллектива археологов.

Обсуждались проблемы историографии, истории изучения эталонных памятников Волго-Камья и их использования в качестве источников для этнокультурных и социально-экономических реконструкций, проблем формирования археологических коллекций, сохранения археологического наследия и музееификации памятников, применения компьютерных технологий в археологии, опубликованные в сборнике «Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет: Материалы Всероссийской научной конференции» (2004).

В итоговом документе конференции отмечены достаточно высокий уровень использования компьютерных технологий и естественно-научных методов в археологии, успехи в семантической интерпретации произведений древнего искусства, достигнутые региональными научными центрами. Для объединения усилий в решении ряда научных и научно-организационных проблем участниками конференции предложено организовать информационный центр или постоянно действующий семинар по использованию компьютерных технологий в обработке полевых материалов и их интерпретации на базе Удмуртского ИИЯЛ и Физико-технического института Удмуртского научного центра УрО РАН.

Участники конференции выразили крайнюю озабоченность интенсивным антропогенным и техногенным разрушением археологического наследия, основной причиной которого является отсутствие инструктивно-нормативных документов к Законам. Организаторам будущих научных мероприятий рекомендовано включать в программы работы обсуждение проблем по охране объектов археологии и хранению артефактов. На базе фондов Национального музея УР предложено создать центр хранения и научной обработки археологических тканей для Урало-Поволжского региона.

Была одобрена деятельность руководства УИИЯЛ УрО РАН по созданию и разработке концепции развития Историко-культурного музея-заповедника «Иднакар» и концепции музеефикации самого памятника.

В последние годы авторский коллектив проводит исследования, ориентированные на обоснованную реконструкцию планировки памятника: городище функционировало на протяжении четырех веков, деревянные сооружения перестраивались, площадка расширялась, могло меняться и функциональное зонирование. Выявление тенденций в распределении вещевого материала, маркирующего различные направления хозяйственной и производственной деятельности, послужит основой дальнейших социально-культурных и этноисторических реконструкций. Выполнение таких исследований затруднено многими обстоятельствами, основными из которых являются отсутствие аналогий и плохая сохранность археологических объектов. Во-первых, крайне мало поселений, сохранившихся в полной мере, и лишь малая их часть изучена широкими площадями. Во-вторых, в слое поселений лесной зоны остатки сооружений из дерева почти полностью разрушаются. Именно поэтому в исследованиях Иднакара особое внимание уделяется комплексному анализу данных, полученных при предварительных исследованиях культурного слоя методами гуманитарных и естественных наук.

Использование новых методов на этапах выборки культурного слоя и фиксации материалов, их документирования, хранения и обработки, разработка механизмов определения функциональной специализации отдельных участков расширяют возможности детального изучения, интерпретации объектов и реконструкции городища на всех этапах развития с проработкой хронологических рамок структурных частей и периодов, что позволит в итоге представить обоснованную динамику его развития. В настоящее время продолжается обобщение и анализ материалов многолетних междисциплинарных исследований в коллективной монографии, решается задача восстановления последовательности освоения и использования всей территории городища, включению материалов в контекст общих исследований укрепленных памятников лесной зоны Восточной Европы и Западной Сибири.

В 2001–2005 гг. А.Г. Ивановым продолжалась работа по систематизации и обобщению материалов Поломского I могильника раскопок В.А. Семенова 1987 г. для публикации их в отдельной монографии. Этот памятник, известный по неопубликованным исследованиям 1906–1908 гг., послужил основой для выделения самостоятельной поломской культуры. Публикация новых материалов, кроме собственно дневника раскопок (описание и вещевые комплексы погребений), включит анализ погребального обряда, хронологические обоснования, этносоциальную характеристику «поломского» населения, определение места Поломского могильника в раннесредневековой археологии Прикамья.

В ближайших планах сотрудников введение в научный оборот внушительного фонда источников, их обобщение и осмысление в монографических изданиях.

Примечания

- Археология и компьютерные технологии: представление и анализ археологических материалов: Материалы Всероссийской научной конференции: Сборник статей / Отв. ред. *М.Г. Иванова, И.В. Журбин*. Ижевск, 2005. 136 с.
- Древние ремесленники Приуралья: Материалы Всероссийской научной конференции (Ижевск, 21– 23 ноября 2000 г.): Сб. статей / Отв. за вып. *А.Г. Иванов*. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. 428 с.: ил.
- Журбин И.В.* Геофизика в археологии: методы, технология и результаты применения / Отв. ред. *М.Г. Иванова*. Ижевск, 2004. 152 с.
- Завьялов В.И.* История кузнецкого ремесла пермян: археометаллографическое исследование / Отв. ред. *М.Г. Иванова*. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2005. 240 с.
- Иванов А.Г., Иванова М.Г., Останина Т.И., Шутова Н.И.* Археологическая карта северных районов Удмуртии / Под общ. ред. *А.Г. Иванова*. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. 276 с.
- Иванова М. Г., Куликов К. И.* Семантика символов и образов древнеудмуртского искусства: Науч.-метод. пособие. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. 64 с.: ил.
- Иванова М.Г., Куликов К.И.* Древнее искусство Удмуртии. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000. 216 с.
- Куликов К.И.* Возрожденная древность. Народное декоративно-прикладное искусство Удмуртии. Альбом. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2005. 196 с.
- Первухин Н.Г.* Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии. М., 1896. 261 с. (Материалы по археологии восточных губерний России; Т. 2).
- Смирнов А. П.*, 1952. Очерки древней и средневековой истории народов Поволжья и Прикамья // МИА. № 28. 276 с.
- Спицын А.А.* Приуральский край. Археологические разыскания о древнейших обитателях Вятской губернии. М., 1893. 192 с. (Материалы по археологии восточных губерний России; Т. 1).
- Туганаев В.В., Туганаев А.В.* Городище Иднакар IX–XIII вв.: агрономический обзор / Отв. ред. *М.Г. Иванова*. Ижевск, 2001. 62 с.
- Удмуртская мифология / Под ред. *В.Е. Владыкина*. Ижевск, 2004. 196 с.
- Удмуртской Археологической экспедиции – 50 лет: Материалы Всерос. науч. конф., посвященной 50-летию Удмуртской Археологической экспедиции и 80-летию со дня рождения В.Ф. Генинга / Отв. ред. *М.Г. Иванова*. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. 344 с.

**Маргарита Иванова
Куликов Кузьма Иванович
(к 70-летию со дня рождения)**

Кузьма Иванович Куликов – известный российский историк, признанный организатор науки, на протяжении почти трех десятилетий возглавляет Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, который под его руководством вырос до авторитетного академического центра, получившего признание в России и за рубежом своими исследованиями в области финно-угроведения, стал координатором, определяющим направления изысканий в области гуманитарной науки в Удмуртской Республике и ряде финно-угорских научных центров.

Он возглавил институт в 1978 году после окончания аспирантуры Академии общественных наук при ЦК КПСС в Москве, где защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. К тому времени он уже имел большой опыт организационной работы, пройдя путь от лектора до заведующего отделом агитации и пропаганды Удмуртского обкома партии. Принимая назначение на должность директора Удмуртского научно-исследовательского института при Совете Министров УАССР (так он тогда назывался), он хорошо понимал многие проблемы регионального научного учреждения, в полной мере подотчетного местным руководящим органам и который в свое время он курировал. В Институте работали квалифицированные ученые, защитившие кандидатские диссертации в столичных научных центрах, располагавшие неплохим потенциалом, но они были ограничены в возможностях публикации результатов своих исследований, участия в программах академических учреждений страны, ютились в здании, совершенно не приспособленном для ведения научной работы. В недопустимых условиях находились сформированные поколениями ученых богатейшие фонды по культуре удмуртского народа, уникальная библиотека по финно-угроведению.

С первых дней своей деятельности Кузьма Иванович начал разрабатывать стратегический план развития научного учреждения академического уровня, повышения общественной значимости Института, консультировался с видными учеными, представителями руководящих органов Республики, руководителями академических Институтов страны.

С первых дней своей деятельности Кузьма Иванович начал разрабатывать стратегический план развития научного учреждения академического уровня, повышения общественной значимости Института, консультировался с видными учеными, представителями руководящих органов Удмуртской Республики, руководителями

академических Институтов страны. Большие усилия, в первую очередь он направил на создание необходимой материально-технической базы – строительство нового здания, разработка проекта которого была инициирована еще предыдущим директором В.Г. Гусевым. Благодаря настойчивости и колоссальным усилиям Кузьмы Ивановича, во всех инстанциях и контрольных органах были согласованы проектно-сметные документы, определено место по улице Ломоносова, решены многие проблемы, связанные с финансированием и организацией работ по возведению здания, в которые был вовлечен весь коллектив. Сотрудники участвовали в вырубке деревьев со строительной площадки, бетонировали подвал, подносили кирпичи для стен, убирали строительный мусор и т.д. За фантастически короткие сроки строительство было завершено, и в 1982 г. коллектив перешел в новое здание. В результате возросли возможности дальнейшего развития, появились перспективы увеличения количества научных сотрудников, соответственно – расширения тематики исследований. Способные молодые люди, проявлявшие интерес к исследовательской работе, направлялись в аспирантуру в академические институты Москвы, Ленинграда, Казани, Эстонии, принимались меры по организации масштабных лингвистических, этнографических, фольклорных, археологических и других экспедиций для сбора полевых материалов – источниковой основы новых научных трудов. Был взят курс на создание серии научно-популярных книг, учебных пособий, активную пропаганду научных знаний в СМИ.

В 1988 году институт вошел в структуру Академии наук, предопределившую новый уровень научной работы коллектива. Была разработана система эффективной научно-организационной деятельности, одной из главных задач стала подготовка научных кадров высшей квалификации – докторов наук.

Осознавая важность усиления кадрового потенциала, К.И. Куликов сам в 1993 году защитил докторскую диссертацию по монографии «Национально-государственное строительство восточно-финских народов: 1917–1937 гг.», а перед сотрудниками поставил задачу подготовки монографических трудов, изыскивал возможности их публикации. Он вдохновлял сотрудников, вселял в них уверенность, упорно и последовательно убеждал, заставлял готовить докторские диссертации, контролировал ход работы, порой принимал жесткие меры.

Из года в год в издательских планах института увеличивалась доля монографических трудов по разным направлениям исследований. Преодолевая огромные трудности, Кузьма Иванович ежегодно добивался финансирования издательской деятельности. Создание в Институте редакционно-издательского отдела, компьютерной базы способствовало квалифицированной подготовке трудов к оперативной сдаче в типографию. В результате небольшой коллектив ученых стал издавать до 15 книг в год, в числе которых появились прекрасно оформленные научные монографии, труды по памятникам удмуртской письменности и фольклора, научно-популярные книги, методические и учебные пособия. С 1996 по 2001 год ведущие сотрудники почти ежегодно в центральных научных учрежде-

ниях защищали докторские диссертации, молодые – кандидатские.

Обеспеченность кадрами высшей квалификации позволила открыть в Институте аспирантуру по истории отечества, этнографии, этнологии и антропологии, археологии, фольклористике, литературе народов России, в 2001 – единственный в Урало-Поволжье Совет по защите кандидатских диссертаций по фольклористике. В значительной мере благодаря появлению докторов наук в нашем Институте, на историческом факультете Удмуртского университета был создан совет по защите сначала кандидатских, а впоследствии и докторских диссертаций по трем специальностям: отечественной истории, этнографии и археологии, в котором повысили свой научный статус более сотни специалистов не только Удмуртии, но и других регионов России.

Свой академический статус Институт оправдал во время проверки его научной и научно-организационной деятельности в 1998 г. В решении Комиссии по итогам проверки констатировалось, что коллектив в короткий промежуток времени в полной мере сумел адаптироваться к условиям работы в академической системе и занял в ней достойное место. Вполне благополучно проходил Институт другие очередные проверки и аккредитации. Несмотря на, казалось бы, непреодолимые трудности и нагрузки, Кузьме Ивановичу в самые тяжелые перестроочные годы удалось сохранить творческий потенциал коллектива, обеспечить его современной компьютерной техникой. Сотрудники института сегодня наряду с плановыми работами, участвуют в реализации фундаментальных исследовательских проектов головных институтов Российской Академии наук, расширяются научные контакты с финно-угорскими центрами России, Венгрии, Финляндии, Эстонии.

Несмотря на колossalную занятость по решению организационных вопросов, Кузьма Иванович находится в постоянном научном и творческом поиске. Он автор более 200 научных трудов, в том числе 31 книги, среди которых есть научные монографии, научно-популярные книги, учебные и методические пособия, фотоальбомы. Его перу принадлежат документально-художественные повести об исторических деятелях Удмуртии, научно-публицистические книги и статьи, художественные рассказы и сценарии.

Кузьма Иванович – яркий и талантливый исследователь проблем гражданской войны, процесса коллективизации, политических репрессий, современных этнополитических и этнокультурных процессов в России. Одним из первых среди российских историков (с 1971 г.) он начал исследование истории гражданской войны, опираясь на документы обеих воюющих сторон: красных и белых с использованием зарубежных источников, в том числе Института Войны, Мира и Революции им. Гувера (США). Итоги его двадцатилетней работы опубликованы в ряде монографий, нашли реализацию в зале постоянной экспозиции Национального музея УР им. К. Герда «Гражданская война в Удмуртии».

Монография Кузьмы Ивановича «Дело СОФИН» (1998) и ранние исследования в этой области стали основой международного проекта по изучению реп-

рессий финно-угорских народов России и особенностей отношений между СССР и Финляндией в 1920–30-е гг. Он первым положил начало разработке теоретических проблем национально-государственного строительства финно-угорских народов России, проанализировал проблемы их самоопределения и обосновал необходимость сохранения целостности и единства Российской Федерации. Монография «Национально-государственное строительство восточно-финских народов: 1917–1937 гг.» (1993 г.) явилась первой в этой области и положила начало развитию подобных исследований в научных центрах Урала и Поволжья. В последние годы под его руководством и личном участии сотрудниками института завершены фундаментальный трехтомный труд по истории Удмуртии, выполнены крупномасштабные исследования кряшен, бесермян, этнотERRиториальных групп удмуртов, локализованных в Кировской и Пермской областях, в Республиках Башкортостан, Татарстан и Марий Эл. Обширные материалы о современной этносоциальной, политической, демографической, культурной, языковой, психологической ситуации в диаспорных группах имеют большое практическое значение для оптимизации региональной национальной политики.

На протяжении всей жизни его интересуют яркие исторические личности, среди которых герои прошлого (А.С. Пушкин, М.И. Кутузов, В. Пущек-Григорович), репрессированные (К. Герд, Т. Борисов, Т.А. Крюкова, М. Маркелов, М.Г. Худяков), герои гражданской и Великой Отечественной войн, а также современники. Им написаны книги об ученых, врачах С.И. Ворончихине, А.И. Перевозчиковой, А.М. Загребине, Н.В. Воробьеве, очерки и эссе о В.Е. Владыкине, В.В. Туганаеве, И.В. Тараканове, М.Г. Атаманове, художнике П.В. Елкине, композиторах Г.А. Корепанове, Г.М. Корепанове-Камском и др.

В последние десятилетия значительным направлением его деятельности стало внедрение опыта предшествующих поколений в творческую деятельность в новых условиях и формах. Неоценима его роль в организации междисциплинарных исследований средневекового городища Иднакар, в создании прибора для изучения культурного слоя неразрушающими методами, популяризации богатейшего археологического наследия. Цветной фотоальбом «Древнее искусство Удмуртии» (2000), полностью подготовленный по его идее, фотографиям и макету, явился вкладом в развитие науки и искусства, основой творчества современных художников различных жанров.

Кузьма Иванович – инициатор и идеиный вдохновитель создания Историко-культурного музея-заповедника «Иднакар», развития системы декоративно-прикладного искусства и ремесел, один из идеологов разработки государственной символики Удмуртии. Заметным явлением в культурной жизни стало возрождение старинного ритуального музыкального инструмента «крезь», занявшего сегодня прочное место в культуре Удмуртии. Не менее значимым направлением стала реконструкция костюмных комплексов на основе археологических материалов различных хронологических периодов, представленных в экспозиции Наци-

онального музея Удмуртской Республики, используемых в театральных спектаклях, а также художественными коллективами. Значительным событием в культурной жизни Республики стали ежегодные конкурсы-фестивали садово-парковой скульптуры, проводимые городах и районных центрах, для которых он готовил научно-методические пособия. За 6 лет в садах и парках Удмуртии поставлено более 150 деревянных скульптур, созданных мастерами-резчиками по мифологическим и фольклорным сюжетам с использованием археологического наследия. В изданном им красочном фотоальбоме «Возрожденная древность» (2005) систематизированы и отражены наиболее характерные и яркие произведения, демонстрирующие неразрывную связь культурных ценностей древности и современности, значимость опыта поколений для творческой деятельности в новых условиях и формах.

Много времени и сил Кузьма Иванович отдал для создания в Институте подразделения энциклопедических исследований и изданий, концентрации исторических, лингвистических, культурологических и др. сведений в банках данных для длительного хранения. Созданным в 2001 г. отделом за истекший период подготовлены и изданы Словарники отдельных томов отраслевых энциклопедий «Просвещение, образование и педагогическая мысль Удмуртской Республики», «Культура и искусство Удмуртии», «Здравоохранение в Удмуртии», которые должны составить многостороннюю энциклопедию «Удмуртская Республика», собрана основная часть материалов. Для завершения работы над томами энциклопедии, подготовке к публикации и изданию необходимо финансирование со стороны Правительства Удмуртской Республики, но добиться этого, к великому сожалению, пока не удается.

Деятельность Кузьмы Ивановича многогранна. Он профессор ряда вузов, член двух специализированных советов по защите диссертаций, неугомонный журналист, долгое время имевший свою программу «Государство и мы» на телевидении, постоянный консультант ряда министерств, член Союза журналистов, Союза писателей РФ. С его участием и по его инициативе разработан ряд проектов и законов по науке, культуре, подготовке национальных кадров. Идеи, заложенные в проекты, излагались на Сенежском форуме, съездах народов Урала и Поволжья, международных конгрессах финно-угроведов, историков, финно-угорских народов мира. Его яркие выступления со смелыми неординарными выводами неизменно привлекают внимание слушателей, поэтому в качестве пленарного докладчика его настойчиво приглашают на многие научные форумы, общественно-политические и культурные мероприятия.

Вся научная, научно-организационная, педагогическая и творческая деятельность К.И. Куликова направлена на защиту чести и достоинства удмуртского народа, сохранение родного языка и развитие культуры, воспитание патриотизма и национального самосознания в подрастающих поколениях. При этом он остается одним из последовательных борцов за добрососедские отношения между народами Удмуртии, выработку и реализацию в обществе взвешенной и продуманной политики.

манной национальной политики. Он снискал большое уважение и заслуженный авторитет в Республике, в научных кругах России и финно-угорского сообщества, награжден орденом «Знак Почета», Почетными грамотами Президиума Верховного Совета УАССР, Почетной грамотой Президиума РАН, лауреат Государственной премии УР, Национальной премии им. Кузбая Герда, ему присвоены почетные звания Заслуженного деятеля науки Удмуртской Республики и Российской Федерации.

Его, энергичного, очень популярного в разных кругах Республики представителя интеллигенции, особенно любят журналисты разных СМИ. Будучи страстным фотографом, он сформировал огромный фонд фотоматериалов по обширной тематике, который используется практически во всех изданиях института. Кузьма Иванович – подлинно творческая, неординарная личность, человек кипучего жизнелюбия, исключительного трудолюбия. Хотя он может быть резким в словах и поступках, иногда даже весьма жестким, в самые трудные моменты жизни к нему обращаются многие отчаявшиеся, потерявшие надежды на решение своих проблем люди.

Мы привыкли к Кузьме Ивановичу, сидящему за компьютером и обширным письменным столом, заваленным исписанными листами бумаги, раскрытыми книгами, газетными подшивками, готовящим срочные статьи для научных конференций, журналов, монографий, альбомы. Сделано немало, но остаются задачи, проблемы, решение которых задерживается по многим, не зависящим от него обстоятельствам. Лежат подготовленные рукописи книг, статей, фонды материалов, разработанные заявки ряда проектов. Хочется надеяться, что придут более благоприятные для развития науки времена, когда потенциал ученого в полной мере сможет быть реализован.

Сегодня хочется пожелать ему здоровья и много сил, неиссякаемой жизненной и творческой энергии, чтобы претворить в жизнь планы, замыслы и преодолеть все трудности на этом пути.

Наиболее значимые крупные монографии и научно-популярные книги:

- В боях за Советскую Удмуртию. Ижевск: Удмуртия, 1982. 260 с.
2-я Армия в боях за освобождение Прикамья и Приуралья. 1918–1919 гг.: Документы. Ижевск: Удмуртия, 1987. 316 с. (Сост.).
Гражданская война в Удмуртии 1918–1919 гг. Ижевск, 1988. 175 с.
Удмуртская автономия: Этапы борьбы, свершений и потерь. Ижевск: Удмуртия, 1990. 206 с.
Трокай. Ижевск: Удмуртия, 1991. 336 с.
Мятеж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск: Удмуртия, 1992. 392 с. (Соавт. – П.Н. Дмитриев).
Национально-государственное строительство восточно-финских народов. 1917–1937 гг. Ижевск: Удм. ИИЯЛ УрО РАН, 1993. 280 с.
Дело «СОФИН». Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 386 с.
Удмуртия – субъект России. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. 270 с.

Древнее искусство Удмуртии. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000. 216 с. (Соавт. – М.Г. Иванова).

С этой минуты Россия спасена: к 190-летию Бородинского сражения. Ижевск, 2001. 96 с. Семантика символов и образов древнеудмуртского искусства. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. 164 с. (Соавт. – М.Г. Иванова).

Возрожденная древность. Народное декоративно-прикладное искусство Удмуртии: альбом. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2005. 196 с.

Границы победы: очерки. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2005. 437 с.

Удмуртия в годы Первой мировой войны 1914–1918: Сб. док. (Сост., ред.). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2006. 300 с.: илл. (Соавт. – Микрюкова М.А., Красильникова Н.А., Рябая С.А.).

Литература о К.И. Куликове:

Кузьма Куликов // Писатели Удмуртии. Ижевск, 1989. С. 240–241.

Развитие исторических исследований в Удмуртии // Вклад ученых Удмуртии в науку России. Ижевск, 1996. С. 70–71.

Куликов Кузьма Иванович // Ученые–удмурты: Библиографический справочник. Ижевск: Удмуртия, 1997. С. 22–24.

Ванюшев В.М. К.И. Куликову – 60 лет // Наука Урала. Екатеринбург. 1997. № 21 (694). Айтутанова Л. Д. Всегда в работе / К.И. Куликову – 60 // Кенеш. 1997. № 11, 12. С. 4–6 (на удм. яз.).

Куликов Кузьма Иванович // Кто есть кто в Удмуртии? Ижевск, 1999. С. 183.

Ванюшев В.М. К.И. Куликову – 60 лет // Финно-угроведение. 1997. № 4. С. 101–107.

Куликов Кузьма Иванович // Удмуртская Республика. Энциклопедия. Ижевск, 2000. С. 438–439.

Есть такое призвание – защищать народ // Удмурт дуннэ. Ижевск, 2001. № 1, 3. 5 января. С. 4–5.

Куликов Кузьма Иванович // Институт: история и современность. Ижевск, 2001. С. 253–255.

Красильников А.Г. Идейный вдохновитель // Долг. № 19 (665), 24 мая 2007 г. С. 4–5.

Рец.: Смирнов К.А. М.Г. Иванова, К.И. Куликов Древнее искусство Удмуртии. Альбом. Ижевск: Ижевск, 2000. 216 с. Тираж 2000 экз. // Российская археология. 2002. №2. С. 173–174.

Список сокращений

- АО – Археологические открытия
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ЗОРСА – Записки Общества русской и славянской археологии
ИИА УрОРАН – Институт истории и археологии
Уральского отделения РАН (г. Челябинск)
КСИИМ – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАР – Материалы по археологии России
МАЭ – Музей антропологии и этнографии АН СССР
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
ПУАК – Пермская ученая археологическая комиссия
РАН – Российская Академия наук
СА – Советская археология. М.
ТКФАН – Труды Казанского филиала АН СССР
УИИЯЛ УрОРАН – Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН (г. Ижевск)
УНЦ РАН – Уфимский научный центр РАН (г. Уфа)

Сведения об авторах

Боталов Сергей Геннадьевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИИА УрО РАН (г. Челябинск)

Гарустович Геннадий Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии Института истории, языка и литературы УНЦ РАН (г. Уфа)

Гришкина Маргарита Владимировна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник УИИЯЛ УРо РАН (г. Ижевск)

Иванова Маргарита Григорьевна – доктор исторических наук, ученый секретарь УИИЯЛ УрО РАН (г. Ижевск)

Игнатьева Оксана Валерьевна – кандидат исторических наук, зав. отделением культурологии Пермского государственного педагогического университета (г. Пермь)

Мосин Вадим Сергеевич – доктор исторических наук, директор Южно-Уральского филиала ИИА УрО РАН (г. Челябинск)

Останина Таисия Ивановна – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Национального музея Удмуртской Республики им. К.Герда (г. Ижевск)

Решетников Николай Леонидович – зам. директора по науке Музея истории и культуры Среднего Прикамья (г. Сарапул)

Руденко Константин Александрович – доктор исторических наук, заведующий отделом археологии Национального музея РТ (г. Казань)

Сеникова Людмила Александровна – кандидат исторических наук, зав. отделом истории Кировского областного краеведческого музея (г. Киров)

Шутова Надежда Ивановна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник УИИЯЛ УрО РАН (г. Ижевск)

Ютина Татьяна Карловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и истории первобытного общества Удмуртского государственного университета (г. Ижевск)